

902.6 (05)

И 33 № 27

ИЗВѢСТИЯ
ТАВРИЧЕСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

№ 27.

(годъ одиннадцатый).

Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсения Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ.

ТИПОГРАФІЯ СПИРО.

1897.

452 1533

9(062)(4779)
И-33.

ИЗВѢСТИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

№ 27.

(годъ одиннадцатый).

Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича.

~~1533.~~

СИМФЕРОПОЛЬ.

ТИПОГРАФІЯ СПИРО.

1897.

Печатано по постановлению Таврической Ученой Архивной Комиссии.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

I. Нуръ-салтанъ, царица Крымская. Профессора <i>M. Бережкова</i> .	1
II. Императрица Екатерина II и Крымъ. (Къ столѣтію со дня кончины Екатерины Великой). Проф. <i>Алексея Маркевича</i>	18
III. Южная Россія на X Археологическомъ съездѣ въ г. Ригѣ. <i>Его-же.</i>	38
IV. Генуэзско-татарскія монеты города Каффы (съ 4 таблицами). <i>O. Ретовского.</i>	49
V. Отчетъ о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Комиссіи за 1896 годъ.	105
VI. Протоколы засѣданій Таврической Ученой Архивной Комиссіи 24 января и 6 марта 1897 г.	111

НУРЬ-САЛТАНЪ

ЦАРИЦА КРЫМСКАЯ.

(Историко-біографический очеркъ).

Въ исторіи союзныхъ отношеній Ioанна III и крымскаго хана Менгли Гирея не можетъ быть пройдена молчаніемъ жена послѣдняго, Нурь салтанъ царица, оказавшая существенныя услуги дѣлу мира. За все время крымскаго замужества она усердно поддерживала „дружбу“ своего мужа съ московскимъ государемъ; пережив ихъ обоихъ и видя, какъ при ихъ преемникахъ союзъ сталъ колебаться, старая царица хотѣла, по мѣрѣ своего вліянія, продолжить союзъ, соглася новыхъ государей Москвы и Крыма на дружбу, въ какой жили ихъ отцы. Она же все время старалась, чтобы дѣти ея Магметъ Аминъ и Абыль Летифъ, поперемѣнно царствовавшіе въ Казани, на столѣ отца ихъ Ибрагима, жили въ добрыхъ отношеніяхъ съ московскими государями, при помощи которыхъ они всего лучше могли бы утвердиться въ Казани. Всегда и ко всемъ царица держитъ рѣчи мирныя, разсудительныя, за то и сама пользуется общимъ уваженіемъ. По всемъ признакамъ, Нурь-салтанъ была женщина добрая, да притомъ не малаго ума и характера.

Татарская царица тѣмъ больше привлекаетъ наше вниманіе, что вообще восточныя мусульманскія царицы очень мало извѣстны, какъ личности: большинство ихъ скрыты для исторіи въ глубинѣ мусульманскаго гарема и, такъ сказать, подъ густою чадрой восточного этикета. Въ частности жены Менгли Гирея извѣстны только по именамъ; лишь одна Нурь-салтанъ является въ источникахъ со своими опредѣленными чертами, даже со своимъ крупнымъ лицемъ.

Эти источники главнѣйше суть крымскія посольскія книги за время Ioанна III и Василія III; тамъ часто идетъ рѣчь про Нурь-салтанъ царицу, а главное: тамъ вставлены ея письма къ москов-

скимъ государямъ и отвѣтныя къ ней письма изъ Москвы. Въ письмахъ царицы, неподражаемыхъ по слогу и тону рѣчи, слышится живой голосъ любящей, умной матери и жены; по этимъ письмамъ преимущественно мы желаемъ составить небольшой очеркъ жизни и дѣятельности знаменитой Менгли Гиреевой царицы, - лица, памятного въ исторіи Крыма.

Въ древнѣйшей книгѣ крымскихъ дѣлъ названы нѣсколько женъ Менгли Гирея. Именно въ дѣлѣ отъ юня 1486 года значится, что тогда было послано поминковъ отъ великаго князя „дѣма женамъ царевымъ“ по корабельнику. Въ дѣлѣ отъ августа того же года одна изъ царицъ названа своимъ именемъ, точнѣе сказать—отцовскимъ именемъ: „Едигерова дочь Зизивудова“, для коей опять посылается корабленикъ въ поминокъ. Рядомъ съ нею названъ царскій тестъ, Кирей-Сіитъ, отецъ другой Менгли-Гиреевой жены, по тому также слушаю, что и ему посылается поминокъ, но не дочери его, женѣ царской: про нее на этотъ разъ нѣть рѣчи. Подъ 1493 годомъ въ крымской посольской книгѣ называется третья жена Менгли Гирея, „Заянъ-салтанъ царица“, ненавѣстно чья дочь, только однажды въ книгѣ упомянутая. (Сбор. Ими. Русск. Истор. Общ. т. XLI, стр. 54, 56, 178).

Гораздо чаще по всей книгѣ и въ послѣдующихъ крымскихъ посольскихъ книгахъ говорится про Нуръ-салтанъ, самую знаменитую царицу Менгли Гирееву. Письмо къ ней великаго князя Ioanna III отъ марта 1487 года поздравляетъ ее по случаю вступленія въ бракъ съ крымскимъ царемъ: „слышели есмя, что если пришла за Менгли Гирея за царя, и мы, слышевъ ваше доброе дѣло, тому есмя ради“. Изъ письма однако видно, что не оно было первое, коимъ началась длинная переписка Ioanna съ крымской Нуръ-салтанъ царицей: впервые она сама написала московскому государю, такъ что письмо послѣдняго есть собственно отвѣтъ на царицино письмо. (Письмо на стр. 59).

Приведенные подробности имѣютъ значеніе для того, чтобы точнѣе опредѣлить время, когда состоялся бракъ Нуръ-салтанъ съ Менгли-Гиреемъ. По Карамзину, онъ имѣлъ мѣсто около 1485 г. (Истор. Гос. Росс., VI, примѣч. 297). По всей вѣроятности, онъ былъ позже годомъ, или даже больше того. Въ самомъ дѣлѣ, если подъ двумя царицами Менгли Гирея, коимъ посылаются поминки въ юнѣ и въ августѣ 1486 года, разумѣются дочь Едигерова, да дочь Кирей-Сіитова, то выходитъ, что Нуръ-султанъ, дочь Теми-

рова, въ это время еще не была замужемъ за крымскимъ царемъ. А такъ какъ—далѣе—она писала свое письмо къ московскому государю до начала марта 1487 года, когда тотъ уже отправилъ поздравительный отвѣтъ къ ней, какъ царицѣ крымской, то слѣдовательно выходъ ея замужъ за Менгли Гирея и письмо ея увѣдомительное въ Москву приходятся на вторую половину 1486 года, либо на самое начало 1487 года. Будь крымскій ея бракъ въ 1485 году, посольская книга упомянула бы о немъ раныше, чѣмъ въ мартѣ 1487 года впервые; случай для упоминанія нашелся бы въ посольскихъ дѣлахъ если не въ 1485 году, то въ слѣдующемъ, на ряду съ другими цаѣскими женами.

Такъ какъ четыре жены Менгли Гирея упоминаются на небольшомъ разстояніи времени, отъ 1486 по 1493 годъ, то можно предположить, что въ послѣдній годъ онъ всѣ четыре были на лицо. По мусульманскому закону позволительно имѣть такое именно число женъ одновременно.

Почетнѣйшая, наѣльшая изъ нихъ была Нуръ-салтанъ; по крайней мѣрѣ въ крымской посольской книжѣ она называется „большою царицей“. (Сборн. И. Р. И. О., XLI, 117). По происхожденію и бракамъ, по потомству и родству, она была самая знатная женщина въ тогдашнемъ татарскомъ мірѣ, поскольку онъ соприкасался и былъ извѣстенъ нашему миру русскому. Ея отецъ былъ Темиръ, князь Золотой Орды, вельможа изъ рода Мангитовъ; онъ и сынъ его Тевекель князь перѣхали на службу къ крымскому Менгли Гирею, служить которому было выгоднѣе для нихъ и почетнѣе, чѣмъ въ разлагавшейся Ордѣ Ахмата. Изъ того же рода Мангиты былъ вліятельный въ Крыму Янкуватъ мурза. Эти Мангиты причитали себя въ „братья“ москов кому великому князю, а если вѣрить Менгли Гирею, то Иоаннъ III будто бы даже звалъ князя Темира „отцомъ“ себѣ. (Тамъ же, стр. 518, письмо царя къ Иоанну отъ 1504 года). Впрочемъ, въ качествѣ родственниковъ Нуръ салтанъ царицы, которую Иоаннъ зоветъ своей „сестрой“, Мангиты послѣдовательно съ своей стороны имѣли притязанія па „братьство“ съ московскимъ государемъ. Таково родство царицы по отцу!. — Бракъ ея съ Менгли Гиреемъ былъ для нея не первый. Раныше она была женой казанского царя Халиля, сына царя Мамутека: этотъ бракъ былъ кратковременный и бездѣтный. Овдовѣвша, она во второй разъ вышла замужъ, за брата и преемника Халилева на столѣ казанскомъ, Ибрагима (царств. 1467—1478); отъ него она имѣла двухъ сыновей, бывшихъ послѣ также казанскими царями, — Мегметъ Аминя и Абдылъ Летифа. Если прибавить

еще, что дочь ногайского владельца Мусы мурзы стала женой царя Магмета Амина, а дочь Янкуватъ мурзы Мангита — женой Ямгурчая, брата царя Менгли Гирея, крымского калги, для Нурь-салтанъ деверя, то получимъ большой кругъ родства ея и свойства; въ этомъ кругу главное и почетнейшее мѣсто принадлежало именно Нурь-салтанъ, женъ Менгли-Гирея. Но это послѣднее ея супружество осталось безъ потомства: она вышла за крымского царя въ немолодомъ возрастѣ, отъ 30 до 35 лѣтъ, уже второбрачною вдовой *).

Можно догадываться, что этотъ бракъ былъ не безъ видовъ дипломатическихъ со стороны Иоанна III, т. е. и не безъ содѣствія его; прямыхъ и точныхъ данныхъ для подтвержденія такой догадки правда, нѣть, но есть нѣкоторая косвенная данныя и соображенія. Историкъ XVI вѣка Гванини, описывая дѣла Казани при первыхъ ея царяхъ, отчасти по Герберштейну, прибавляетъ отъ себя ту подробность, что царь Ибрагимъ взялъ за себя вдову брата Халиля Нурь-салтанъ, съ согласія великаго князя московскаго **).

Еще болѣе поздній писатель, Лызловъ, сочинитель „Скиосской исторіи“, повторяетъ это извѣстіе Гванини, только выражаясь рѣшительнѣе, что Ибрагимъ „по повелѣнію великаго князя“ взялъ себѣ въ жену Нурь-салтану царицу ***). Пусть оба названные писателя очень далеки отъ временъ Иоанна III и Менгли Гирея, и оба мало самостоятельные историки; однако преданіе или догадку о

*) О родствѣ и свойствахъ Нурь-салтанъ царицы знаемъ по тѣмъ же крымскимъ посольскимъ книгамъ и ногайскимъ, источнику весьма богатому во многихъ отношеніяхъ: для первого раза смотр. Указатель личныхъ имёнъ, въ нихъ встрѣчающихся. (Сборн. И. Рус. Ист. Общ. томы XL I и XC V). По генеалогіи царей казанскихъ, крымскихъ и про-чихъ татарскихъ царей смотр. превосходныя разслѣдованія Вельяминова-Зернова въ его трудѣ о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, въ части I. О казанскихъ бракахъ собственно Нурь-салтанъ царицы — тамъ же на стр. 51—53, гдѣ разобрано извѣстіе Герберштейна, сюда относящющееся, и указано извѣстіе Гванини.

**) „Hic Chelealeek, relieta uxore Nursultan, absque liberis moritur, cui Abrahamin magni mominis Tartarus, dueta uxore ejus vidua, consensu Magni Moechoviae Ducis Basili, in regno sucedit“. (Описаніе Сарматіи, по Красковскому изданію 1578 года, въ главѣ о татарахъ на листѣ 2-мъ, собственно о казанскихъ татарахъ..

***) Скиосская исторія . . Изъ разныхъ иностраннѣхъ историковъ, паче же изъ Россійскихъ європейскихъ исторій и повѣстей, отъ Андрея Лызлова приложными труды сложена и написана лѣта 1692“. Пѣдан. Н. Новикова 2-е, Москв. 1787. (Часть I, стр. 90). — Книга компилиативная, но въслуживаетъ обстоятельного критическаго разбора, начиная съ того, кто быть авторъ ея: столыпинъ, или свинценикъ?

выходъ Нуръ-салтацъ за царя Ибрагима, съ согласія или при со-
дѣйствіи московскаго государя, нельзя, кажется намъ, вовсе отвер-
гать. Въ самомъ дѣлѣ: умный, дальновидный Ioannъ III, задумавъ
свергнуть татарскую зависимость и сдержать татарскій міръ отъ
напора на свое государство, не оставлялъ никакихъ средствъ къ
достиженію своей задачи: онъ входилъ и въ семейныя дѣла татар-
скихъ властителей; да тѣ и сами обращались къ нему за совѣтами
по своимъ семействамъ. Въ частности относительно казанска-
го царя Ибрагима, то враждебнаго, то смирявшагося предъ Москвой,
Ioannъ былъ внимателенъ на счетъ его родныхъ; такъ, напримѣръ,
лѣтомъ 1469 года великий князь отпустилъ въ Казань къ Ибра-
гиму матерь его, жену Касима царевича Городецкаго, только что
овдовѣвшую: „конечно сдѣлалъ онъ это изъ видовъ политическихъ,
чтобы черезъ мать дѣйствовать на сына“, — замѣчаетъ авторитет-
ный знатокъ дѣлъ русскихъ и татарскихъ *). Не будетъ, кажется,
лишнимъ съ нашей стороны сдѣлать другое предположеніе, что тѣ
же виды Ioannъ III имѣлъ, когда устроилъ Нуръ-салтанъ царицу
за Ибрагима, а потомъ за Менгли Гирея; объ этихъ бракахъ онъ
зналъ, непомѣтно; если же зналъ, то по всей вѣроятности и со-
дѣйствовалъ имъ. Съ Менгли Гиреемъ великій князь давно уже
былъ въ хорошихъ отношеніяхъ; съ другой стороны, когда царица
выходила за него, ея родной сынъ Магметъ Аминъ проживалъ въ
городѣ Кашире на Окѣ, на службѣ московскому государю, который
готовилъ ему мѣсто еще болѣе важное, т. е. казанскій столъ: слѣ-
довательно для матери-царицы была дорога дружба московскаго
государя, а онъ съ своей стороны могъ разсчитывать на ея дру-
жескія услуги, когда она станетъ женой крымскаго царя. Видѣвъ
все это во вниманіе, убѣждаясь безъ документальныхъ даже
данныхъ, что онъ помогалъ даже браку Нуръ-салтанъ съ Менгли
Гиреемъ. А что касается его выраженія: „слышели ссыя, что если
пришла за Менгли Гирея за царя“, то оно, повидимому, указы-
ваетъ, что Ioannу остался неизвѣстнымъ только послѣдній соб-
ственно моментъ дѣла, т. е. самый прїѣздъ Нуръ-салтанъ въ Крымъ.
Но можетъ быть это выраженіе — отчасти дипломатическое, не
вполнѣ прямое, что-то замалчивающее.

*). В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Изсл. о касимов. цар. I, стр. 58—
59. Въ примѣръ обращенія татарскихъ властителей къ Ioannу по дѣламъ
брачнымъ приведемъ слѣдующій случай: въ 1490 году ногайской
Мусы мурза спрашивалъ совѣта, выдавать ли ему дочь за Магметъ
Амина, и будетъ ли на этотъ бракъ позволеніе великаго князя. Ioannъ
одобрилъ и согласился. Сборн. Рус. Ист. Общ. XLI, стр. 89—93 (въ
ногайскихъ дѣлахъ).

Впрочемъ – довольно предположеній. Не будемъ настаивать на ихъ точности, а обратимся лучше къ подлиннымъ извѣстіямъ.

О чемъ же переписывались московскіе государи и крымская царица? Существенное содержаніе переписки, вкратцѣ говоря, состоитъ въ двухъ пунктахъ: изъ Москвы желають, чтобы царица во всемъ добра хотѣла русскимъ государямъ, всегда бы держала ихъ сторону передъ мужемъ; изъ Крыма желають, чтобы великие князья были благосклонны къ дѣтямъ Нуръ-султанъ царицы, пасынкамъ царя Менгли Гирея. Въ этомъ – взаимный интересъ сношеній и существенное содержаніе переписки.

Вскорѣ послѣ выхода царицы за крымскаго хана случилось событіе, для нея и особенно для московскаго государя важное: въ іюлѣ 1487 года была взята съ бою русскими войсками Казань; при этомъ казанскій царь Алегамъ съ семействомъ былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Москву. Иоаннъ былъ очень доволенъ успѣхомъ надъ Казанью, высоко цѣнилъ это событіе, ибо принялъ съ тѣхъ поръ особый титулъ „Государя Болгаріи“; однако онъ не напечаталъ пока возможнымъ сполна присоединить къ своему государству Казань, т. е. управлять ею чрезъ московскаго намѣстника; на первый разъ онъ находилъ достаточнымъ посадить въ Казани зависимаго отъ себя присяжнаго царя. Таковымъ былъ назначенъ Магметъ Аминъ Ибрагимовичъ, жившій до того большую частію въ Кашире и участвовавшій въ походѣ русскихъ войскъ на Казань, въ 1487 г. *).

Иоаннъ увѣдомилъ крымскаго царя и царицу объ этомъ событіи. (Сборн. Р. И. Общ. XLІ, 61 – 62). Но не сдѣлалъ того же Магметъ Аминъ, рѣдко вообще писавшій своей матери, за что та была недовольна. Въ 1491 году она писала сыну: „слава Богу, на отцовомъ юрѣ господаремъ ся еси учинилъ: отъ недруга бы сердце на мѣстѣ было! Въ той землѣ мати у тебя и братъ у тебя есть; не мощно ли тебѣ послати спросити? Почаешь меня, что язъ далече отошла: ино у тебя одинъ братъ былъ, и ты бы вѣдѣлъ того отпытати, душа моя **“).

*) Въ это время онъ имѣлъ лѣтъ около 20ти возраста. Соперникъ его Алегамъ былъ его братъ, но отъ другой жены Ибрагимовой, которая почиталась „менинцею“, т. е. меньшей передъ Нуръ-султанъ: она и въ Казани была „большая царица“. – Критическія замѣчанія о семѣ Ибрагима и о событіяхъ въ Казани отъ смерти до низложенія Алегама и посаженія на столь казанскій Магметъ Аминъ, смотр. у г. Вельмишнова-Зернова, I, стр. 157–189. Впрочемъ есть сомнѣніе на счетъ Каширы: тамъ же стр. 191.

**) „Ты скажешь, что я-де далеко ушла и вступила въ другую семью; но у тебя есть еще единственный братъ, могъ бы ты справиться обѣ его здоровье, если ужъ не обо мнѣ“,—такъ яснѣ можно передать мысль царицы, выражавшейся по своему очень деликатно.

И нынѣча Абды Латифъ къ брату къ большому мыслить ѿхати: ся земля лиха, блюстися ея*); ажъ дастъ Богъ, и сами хотимъ отпустити: не въдаю, какъ тебѣ будетъ пригоже. И нынѣча слышели есмѧ, за себя у Мусы мырзы дочерь емлешь, князь велики Иванъ женить тобя, у посла слышели мы: юдная мати, богомолица твоя, рада есми вельми, Богъ дай въ добрый часъ!“ Въ заключеніе письма, мать проситъ разныхъ поминковъ отъ сына: хочется - де ей послать иѣкоторые подарки турецкому султану Баязету, который для нея есть „названый отецъ“, а добыть приличныхъ подарковъ у себя, въ Крыму, ей не удалось - дескать. (Тамъ же, 109). Такъ писала царица мать къ своему сыну царю то съ легкимъ упрекомъ, то больше съ лаской и любовью, то съ просьбами о гостинцахъ.

Въ письмѣ, какъ мы видѣли, дѣло идетъ между прочимъ и о царевичѣ Абдылѣ Летифѣ: мать спрашиваетъ старшаго сына, посовѣтуетъ ли онъ ей отпустить изъ Крыма младшаго брата его, приметъ ли онъ его къ себѣ. Магметъ Аминъ отвѣчалъ согласиемъ. (Тамъ же, стр. 147, подъ 1492 годомъ). Но еще раньше того московскій государь выразилъ царицѣ желаніе, чтобы младшій сынъ ея пріѣхалъ на службу въ Московское государство. Нуръ-салтанъ находилась въ затрудненіи: ей жаль было отпустить куда бы то ни было своего младшаго любимаго сына. Если же отпускать, то куда именно: къ Московскому государю, или къ казанскому брату? Что приличнѣе для нея, и что полезнѣе для ея сына? Царица колебалась, раздумывала, и на первое предложеніе Ioanna отвѣчала уклончиво. „А о сынѣ о своемъ о Абдылѣ Летипѣ салтанѣ приказала (т. е. поручила сказать) къ великому князю: здѣсь ему Менгли Гирей царь отецъ; а коли его къ тебѣ пошли, то вѣдаетъ Богъ, да ты ему и отецъ“,—такъ говорила она посланнику Московскому Дмитрію Шеину. (Тамъ же, 75, подъ 1488 годомъ). На самомъ дѣлѣ вѣтчимъ не могъ замѣнить родного отца; у Менгли Гирея была своя большая семья, въ которой насынокъ его не могъ быть на равномъ положеніи съ его кровными дѣтьми; очевидно вѣтчимъ не ласково относился къ насынку, если родная мать сочла необходимымъ разстаться со своимъ любимымъ дѣтищемъ. Ioannъ между тѣмъ настаивалъ на своей просьбѣ,—и царица, посовѣтовавшись съ мужемъ и сыновьями, уступила наконецъ его внушеніямъ: Абдылѣ Летифѣ поступилъ на службу къ Московскому государю, при томъ безо всякихъ обязательствъ со стороны послѣдняго, а какъ

*.) Крымъ? Царицѣ и сыну ея, видно, не очень нравилось тамъ.

бы сполна полагаясь на его милость*). При этомъ Нуръ-салтанъ разсчитывала, что младшій сынъ ея можетъ покинуть сначала у московскаго великаго князя, а потомъ дѣбровольно перѣѣхать къ брату въ Казань. Менгли Гирей съ своей стороны выставлялъ дѣло такъ, что онъ съ перваго-же разу отпустилъ Абдыль Летифа къ брату его, царю казанскому; что же касается до послѣдняго, то, изъявя согласіе принять брата, по совѣту со своими казанскими вельможами, онъ не обнаружилъ на дѣлѣ готовности исполнить свое обѣщаніе матери; впрочемъ онъ былъ еще молодъ, и слишкомъ мало имѣлъ своей воли, чтобы направлять ходъ дѣла своего брата.

Главнымъ направителемъ былъ Ioannъ: онъ жѣлалъ и дѣйствительно успѣлъ залучить къ себѣ второго Ибрагимовича. Этотъ царевичъ могъ стать новымъ звеномъ союза между нимъ, Ioannомъ, и крымскою семьей, залогомъ „дружбы“ дипломатической, а прямѣе сказать—заложникомъ на всякий случай; онъ могъ послужить орудіемъ противъ старшаго брата, если бы тотъ пересталъ слушаться Москвы. Ioannъ смотрѣлъ далеко и все взвѣшивалъ хладнокровно. Онъ хотѣлъ не только свергнуть послѣдніе остатки татарской зависимости, но и заставить служить своимъ видамъ всѣхъ татарскихъ властителей. И онъ въ значительной мѣрѣ уже успѣлъ въ данное время исполнить свое желаніе: цари Золотой Орды, Ахматовичи, были слишкомъ слабы для того, чтобы вредить Руси; крымскій Менгли Гирей, „брать и другъ“ Ioanna, состоять въ неизримой враждѣ съ царями Золотой Орды, и никакъ не можетъ подружиться съ Казимиромъ, королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ: этого не допускаетъ московскій „брать и другъ“. Въ Касимовѣ сидѣть московскій присяжникъ Нурдаулетъ царь, братъ Менгли Гирея и прежній соперникъ его по достижению крымскаго стола; въ Казани другой присяжникъ, Магметъ Аминъ; въ случаѣ неисправленья его онъ можетъ быть замѣненъ Абдыль Летифомъ; плѣнныи царь казанскій Аллагамъ за свою непріязнь къ Москвѣ поплатился ссылкой въ далекую Вологду, и ногайцы никакъ не могутъ добиться его освобожденія; сами ногайскіе мурзы до крайней степени заискиваютъ у русскаго государя. Успѣхи восточной политики Ioanna III были явные, очень значительные!

*) Лобанъ Колычевъ (посланникъ Ioanna въ Крыму) приѣхалъ генваря 6-го 1493 г. обратно въ Москву, вмѣстѣ съ царевичемъ Абдыль Летифомъ. „А что была дана ему запись: похочеть царици и царевичъ Абдыль Летифъ у Лобана правды не просили, а Лобанъ имъ правды не далъ“ (т. е. прописанной записи): Сборн. XLІ, стр. 169—170. Сравн. стран. 169; 177—178, гдѣ о видахъ Менгли Гирея и Нуръ-султанъ царицы на счетъ отпущенаго царевича.

Обратимся однако къ главному лицу пашего повѣствованія къ матери Магмета и Абдыла, послушаемъ письма ея откровеннаго и простодушнаго, далекаго отъ дипломатическихъ хитросплетеній, полнаго любви къ дѣтямъ и довѣрія къ „брату“, къ московскому великому князю: разумѣемъ письмо ея отъ сентября 1493 г., въ которомъ она поручаетъ благосклонности Иоанна своихъ сыновей, Багая и Сатику, какъ она называетъ ихъ съ ласкою, или можетъ быть слегка небрежно Передадимъ письмо царицы дословно, только съ необходимыми подновленіями старого перевода, для ясности рѣчи. (Сборн. Р. И. О. XLI, 194. Сравн. письма ея же на стр. 176 - 177). „По цареву жалованью, Нуру салтанъ царицыно слово: великому князю Ивану, брату моему, много много поклонъ! Послѣ поклона вѣдомо бы было: Сатику, на Бога надѣясь и на тебя, послала есми; то молодое дитя изи у себя держки, или къ брату пошли, уснокой его, какъ вѣдаешь. И братъ его молодъ, и онъ молодъ; будуть они жить въ любви между собой, или не въ любви, наше слово то: ты устрой ихъ, и пусть Богъ воздастъ тебѣ то, чего мы желаемъ тебѣ; а мы съ братомъ твоимъ, царемъ, пока мы здоровы, будемъ помощниками въ дѣлахъ твоихъ, сколько силь налихъ достанеть. Если улапы и князи, Магметъ Аминевы сильные временщики*) и всѣ казапцы, станутъ съ добрымъ расположениемъ просить къ себѣ Абдыль Летифа, ты отпусти его; если же не усердно будуть просить, то держи лучше у себя, корми его, какъ вѣдаешь: Сатика молодъ, иѣтъ у него надежныхъ слугъ, а у Багая ума иѣтъ **). Отпустиши ли ты младшаго брата къ старшему, у себя ли оставилъ его, приставь къ нему дядькой хорошаго человѣка изъ отцовыхъ слугъ Ибрагимовыхъ, котораго слушались бы и всѣ люди Сатики: они у него еще не привычны къ хорошимъ порядкамъ. Давай имъ отъ себя порученія, когда найдешь нужнымъ, пусть пріучаются къ порядку и станутъ умнѣе; если жъ въ одномъ мѣстѣ безъ дѣла будуть проживать, то они совсѣмъ испортятся“, — заканчиваетъ царица. Иоанъ отвѣчалъ въ тонъ царицѣ: онъ посыпалъ-де о царевичѣ Абдыль Летифѣ къ брату его, царю казанскому, и царь обѣщался прислать къ великому князю объ этомъ дѣлѣ, по доселѣ не присыпалъ. (Посольскія рѣчи отъ ноября

*) Въ подлинникѣ „добрѣе времѧнники“. Вотъ какъ дреvne въ нашемъ языкѣ употребленіе этого слова. Любопытно бы знать, какому татарскому слову оно соотвѣтствуетъ въ подлинномъ письмѣ царицы, и есть ли оно дословный переводъ, или описательное выраженіе, равносильное съ восточнымъ какимъ-нибудь словомъ.

**) Такъ откровенно отзыается мать о казанскомъ Магметѣ Аминѣ; но можетъ быть, что она меньшѣ любила его, чѣмъ Абдыль Летифа.

1493 года). А такъ какъ въ послѣдній разъ царица наказывала съ Константиномъ Заболотскимъ, чтобы сына ея не отпускать въ Казань, дабы отъ лихихъ людей не сдѣлалось зла между братьями, то великий князь содержитъ царевича на своеемъ иждивеніи. (Сборн. Р. И. Об. XLII, 202—203) Какъ видно, кромѣ приведенного письма, царица наказывала еще тайныя рѣчи съ Заболотскимъ: она окончательно, должно быть, склонилась къ тому, что младшему сыну ея будетъ лучше жить у великаго князя, чѣмъ у Магметъ Аминя, среди беспокойной Казани. Ioannъ такъ и поступилъ: онъ далъ Абдылъ Летифу на содержаніе Звенигородъ со всѣми пошли-нами. (В. В. Вильяминовъ-Зерновъ, I, стр. 180. Не извѣстно, почему исторіографъ Карамзинъ написалъ, что Ioannъ „въ угоду Менгли Гирею принялъ также меньшаго пасынка его, Абдылъ Летифа, и съ честію отправилъ къ царю казанскому, Магметъ Амину“: И. Г. Р. VI, 146, по изд. Эйнерлинга. Источники не подтверждаютъ этого замѣчанія: Абдылъ Летифъ остался пока въ Москвѣ, а въ Казань не ѿздилъ).

Не видать, успокоилась ли теперь Нуръ-султанъ царица за судьбу своихъ сыновей, или — что вѣроятнѣе — она скучала въ разлуки съ ними, да скучала и всей жизнью своей въ Бахчисарай-скихъ ущельяхъ, мало пріятныхъ для нея, прежней жительницы волжскихъ равнинъ и сѣверныхъ лѣсовъ: вѣрно то, что царица рѣшилась предпринять теперь далекое путешествіе на богоомолье въ Мекку. Оно засвидѣтельствовано какъ нашими крымскими дѣлами, такъ и турецкимъ историкомъ XVI вѣка, по имени Дженнаби. Похвальная благочестіе крымскаго хана Менгли Гирея, этотъ историкъ въ доказательство приводитъ именно то обстоятельство, что „въ 900 году Гиджры (соотв. наш. 1494—95 г.г.) Менгли ханъ отправилъ жену свою на поклоненіе святымъ мѣстамъ; она поѣхала Египетъ и была отлично привята тамошнимъ владѣльцемъ; при ней находилась свита, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 50 человѣкъ“. (Извѣстіе приведено въ той же богатой по содержанію книгѣ г. Вильяминова-Зерпова, I, 103). Правда, въ данномъ извѣстіи турецкаго писателя не названа по имени ханская жена, — а у Менгли Гирея, какъ мы знаемъ, было нѣсколько женъ; однако взявъ во внимаіе, что крымскія дѣла говорятъ подъ 1495 годомъ о сборахъ въ богоомольный путь именно Нуръ-султанъ царицы, мы должны заключить, что и въ турецкомъ источнике дѣло идетъ о ней же. (Сборн. Р. И. О. XLII, 222, письмо ея къ Ioannу. Сравн. въ Сборн. того же Общества, въ томѣ XCIV, на стр. 161, подъ 1515 годомъ: тамъ значится, что царица ѿздила въ свое время въ Мекку вмѣстѣ съ роднымъ братомъ, Усеиномъ — княземъ). Воро-

тъсъ изъ пути, Нуръ-салтанъ, отныне *Ази* царица, какъ постоянно пишется она въ крымскихъ дѣлахъ, прислала Ioannу въ подарокъ того коня, на которомъ сдѣлала путь: „сухой бы поклонъ не былъ, молвя, къ Маккѣ на которомъ иноходцѣ сама Ѣздила, съ Ахчюрою есми къ тебѣ послала“ (Сборн. XLI, 273). Повидимому, въ глазахъ царицы это былъ особенно интересный поминокъ, въ знакъ особенной дружбы къ московскому государю.

Вообще царица часто обмѣчивалась поминками съ названнымъ „братьемъ“, по пословицѣ, чтобы „поклонъ былъ не сухъ“. Иногда обѣ стороны по-пріятельски запрашивали другъ у друга гостинцевъ. Такъ Ioannъ, большой любитель восточныхъ драгоценностей, узнавъ, что у царицы есть „тохтамышево жемчужное зерно“, просилъ у нея это зерно для себя, обѣщаюсь отдать за него какимъ угодно подаркомъ съ своей стороны. Царица обѣщалась послать жемчужину, и дѣйствительно черезъ иѣкоторое время прислала ее. (Тамъ-же, стр. 80; 104; 142. Исторіографъ Карамзинъ предполагалъ, что эту жемчужину, можетъ быть, похитилъ Тохтамышъ въ Москву: И. Г. Р. VI, 116). Въ свою очередь Нуръ-салтанъ просила то соболей на шапку и бѣлокъ на шубу, то камки бѣлоголубой, то денегъ на подъемъ въ Москву сына Абдылъ Летифа и т. п. Ioannъ всегда исполнялъ просьбы своей „сестры“. (Сборн. XLI, 108; 142; 177).

Въ то время, какъ царица Ѣздила въ Мекку, случилось несчастіе съ ея казанскимъ сыномъ: Магметъ Аминъ, по интригамъ вельможъ, приведшихъ тайно къ Казани Шибанскаго царя Мамука, потерялъ свой столъ; великій же князь не счелъ нужнымъ восстановлять его, посадилъ въ Казани, по просьбѣ и съ согласія тамошнихъ татаръ, другого Ибрагимовича, т. е. Абдылъ Летифа, а бывшаго царя казанскаго попрежнему поселилъ въ Каширѣ, придавъ къ этому городу еще Серпуховъ и Хотунъ. Объ этой перемѣнѣ въ судьбѣ Ибрагимовичей великій князь московской уѣздомилъ Менгли Гирея и Нуръ-салтанъ царицу, изложа всѣ обстоятельства дѣла. Мать царица отвѣчала попрежнему: „я дѣти братья великому князю, да воздастъ ему самъ Богъ за его понеченія о нихъ, за его жалованье къ нимъ! Конечно, люди будутъ говорить, почему не старшій царемъ; но она сама во всякомъ случаѣ довольна, что великій князь не даль обладать „нашимъ юртомъ“ чужому недругу (т. е. шибанскому Мамуку). Попрежнему она хочетъ добра между мужемъ и великимъ княземъ; она молитъ Бога за своего брата и просить, чтобы онъ прощалъ ошибки молодости ея дѣтей и попрежнему призрѣвалъ ихъ своими милостями“ и т. п. (Сборн. XLI,

272). Въ то же время особыми письмами царица просить Ioanna, чтобы онъ замолвилъ за нее слово Менгли Гирею, дабы тотъ позволилъ ейъ ѿхать въ Россію повидаться съ дѣтьми: мужъ-де соглашается отпустить ее не иначе, какъ подъ ручательствомъ великаго князя въ томъ, что царица опять воротится въ Крымъ, а не останется тамъ, въ Россіи (тамъ же, стр. 272 — 273, подъ 1498 годомъ. Низложеніе Магметъ Аминя случилось въ 1496 году; Абдылъ Летифъ посаженъ въ Казани весной 1497 года). Что отвѣчалъ Ioannъ на послѣднюю просьбу царицы, изъ крымскихъ дѣлъ не видно; кажется, онъ отклонилъ на этотъ разъ просьбу ея. Да и царица не настаивала, тѣмъ больше, что вскорѣ царь Менгли Гирей опасно заболѣлъ; въ Москвѣ весной 1500 года боялись за самую жизнь его. (Тамъ же, стр. 311). При такихъ обстоятельствахъ царица сама, вѣроятно, не согласилась бы уѣзжать изъ Крыма, какъ ни наскучилъ онъ ейъ, какъ ни хѣтѣла бы она видѣться съ любимыми дѣтьми.

А съ ними—новыя перемѣны: Абдылъ Летифъ въ 1502 году былъ смѣщенъ съ казанскаго стола, по волѣ Ioanna. Вину смѣщенія московскій государь очень рѣзко выражилъ въ слухъ царицы и царя крымскаго: „я ножаловалъ было Абдылъ Летифа, посадилъ его на Казани, и онъ учаль мнѣ лгать, ни въ какихъ дѣлахъ не учаль мнѣ править, да и землѣ казанской началь быть лихъ; за это я свелъ его съ Казани и держу у себя, а на Казани посадилъ Магметъ Аминя царя“. (Гамт-же, стр. 464. Снес. 495; 530 и 557 стр.) Менгли Гирей былъ недоволенъ строгостью Ioanna, который не только смѣстилъ царя Абдылъ Летифа, но отправилъ его еще въ ссылку на Бѣлоозеро, по свидѣтельству иѣкоторыхъ лѣтописей russкихъ и записокъ Герберштейна *). Крымскій царь неоднократно писалъ въ Москву про своего пасынка: „опь—дитя наше, не лихомъ онъ прїѣхалъ къ тебѣ, ты просилъ его добромъ, и мы добромъ отпустили его: развѣ нечѣмъ было намъ кормить его? Прощу тебя, съ честью держи его у себя, дай ему помѣстье, а не то—отпусти къ намъ. Теперь ты поучилъ его за невѣжество, пора тебѣ

*) Издѣдов. о касимовск. царяхъ и царевичахъ, I, стр. 191—193. Справн. Соловьевъ, Истор. Росс. V, стр. 1420—21, по нов. изд. Товарищ. „Общ. Пользы“. Карамзинъ не говоритъ о ссылкѣ Абдылъ Летифа, выражаясь только, что великий князь опасался выпустить Летифа изъ Россіи, и далъ ему пристойное содержаніе, чѣмъ удовольствовалъ Менгли Гирея. И. Г. Р. VI, 195. Впрочемъ и крымскія дѣла ясно свидѣтельствуютъ о ссылкѣ: „Ино ужъ не мочно было отъ него его лиха терпѣти, и язъ того дѣля его съ Казани свелъ, да отославъ его въ иномъ городѣ держалъ“—пишетъ Ioannъ царицѣ въ августѣ 1504 года, обѣщаючись освободить ея сына. (Сборн. Р. И. Общ. XLI, 530).

простить его; если же не исполнишь нашего прошенья, то тѣмъ прекратишь наше братство и дружбу, тогда шерть и правда между нами отошла“. (Тамъ-же, стр. 468; 474—476, письма отъ весны и лѣта 1503 года). Мать царя пишетъ мягче: „ты наказывалъ, братъ мой, что Абдылъ Летиѳ показалъ невѣжливый обычай, что ты хотѣлъ вразумить его и поручить: пріятно слышать твои умныя рѣчи. Но теперь я прошу тебя простить моего молодаго сына: вели привести его передъ себѧ, и пожалуй своей милостью; за это будетъ много молитвы и моленія о тебѣ, братѣ моемъ, отъ сестры твоей“. (Тамъ-же, 477). Получа такія письма царя и царицы, Ioannъ смягчился: Абдылъ былъ освобожденъ изъ ссылки, стать проживать въ Москвѣ, гдѣ и видѣли его татарскіе послы, по по-рученію имъ данному изъ Крыма. (Тамъ-же, 546; 557).

Это происходило къ концу государствованія Ioanna III Васильевича (ум. 27 октября 1505 года). Незадолго до кончины онъ испыталъ гораздо большее огорченье, откуда не ожидалъ: казанскій Магметъ Аминъ отложился отъ Москвы, обезчестивъ русскаго посла, ограбя русскихъ купцовъ на казанской ярмаркѣ, подступивъ съ войскомъ подъ Нижній. Ioannъ не успѣлъ наказать невѣрнаго присяжника; это исполнилъ сынъ его и преемникъ Василій III; дѣло кончилось тѣмъ, что Магметъ Аминъ сталъ просить прощенія, и обязался шертною грамотой быть въ прежней зависимости отъ Москвы. Онъ дѣйствительно сдержанъ обѣщаніе и, если вѣрить некоторымъ источникамъ, много даже раскаивался за свой преступокъ передъ Ioannомъ, который, несмотря на легкомысліе Магметъ Амина и его жадность къ корысти, выказанную и въ Кашире, и въ Казани, все таки поддерживалъ его во власти на отцовскомъ столѣ, отчасти по дружбѣ къ его матери, Нури-салтанъ царицѣ, а отчасти въ томъ разсчетѣ, что онъ современемъ будетъ имѣть лучшій нравъ.

Что же касается другого сына Нури-салтана царицы, то судьба его при новомъ московскомъ государѣ была очень перемѣнчива, то легче, то тяжелѣе, смотря по тому, мирныя отношенія были къ Крыму, или не мирныя: въ случаихъ крымскихъ разбойническихъ нападеній на русскія границы Абдылъ Летиѳ былъ заключаемъ подъ стражу, переводился съ одного мѣста заключенія въ другое, онъ очутился теперь въ положеніи настоящаго заложника. Напрасно изъ Крыма просили отпустить его туда на жительство, или по крайней мѣрѣ на временное свиданіе съ матерью; его не отпускали, вѣроятно потому, что опасались отпустить его Передъ 1508 годомъ Абдылъ Летиѳ находился въ заключеніи. Только въ этомъ году, уступая просьбамъ царя и царицы крымскихъ, дали ему сво-

боду и помѣстье, именно городъ Юрьевъ Польскій, но не Каширу, какъ тогда домогались татары. При этомъ бывшій царь казанскій далъ на себя особую шерть, т. е. обязательство подъ присягой служить вѣрно московскому государю, не выѣзжая своевольно никуда изъ Юрьева *).

Когда дѣла обоихъ Ибрагимовичей такимъ образомъ лучшее уладились, то изъ Москвы согласились, чтобы матерь ихъ прїѣхала повидѣться съ ними; давнѣе желаніе Нуръ-салтанъ царицы видѣться съ сыновьями, увеличенное еще скучой жизни въ Крыму, наконецъ исполнилось. Лѣтописи извѣщаютъ, что она прїѣхала въ Москву въ іюль 1510 года, въ сопровождѣніи Сайдъ Гирея, пасынка, и пословъ царскихъ, что она была встрѣчена „честно“ самимъ великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ и боярами. Прогостиивъ мѣсяцъ у московскаго государя, царица поѣхала въ Казань къ старшему сыну, гдѣ провела около 10 мѣсяцевъ, послѣ чего снова прїѣхала въ Москву, и гостила здѣсь свыше пяти мѣсяцевъ, до начала декабря 1511 года. Хотя наши лѣтописи не упоминаютъ, въ какомъ мѣстѣ и когда царица видѣлась съ младшимъ сыномъ, но, конечно, свиданіе ея съ нимъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ и сами лѣтописи причиной прїѣзда царицы полагаютъ именно желаніе ея видѣться съ дѣтьми. Зная притомъ мягкий нравъ умной царицы, можемъ съ вѣроятностью полагать, что она внушила обоимъ сыновьямъ жить въ мирѣ и въ повиновеніи русскому государю. То вѣрно, что вслѣдъ за отѣѣздомъ царицы изъ Россіи Магметъ Аминъ прислалъ къ великому князю своего человѣка съ просьбой, чтобы къ нему было прислано довѣренное лицо отъ великаго князя: царь де хочетъ утвердить передъ нимъ вѣчный миръ, и вмѣстѣ откровенно разсказать, изъ-за чего собственно онъ раньше учинилъ измѣну отцу государеву. Такое настроеніе казанскаго царя было, вѣроятно, не безъ материнскаго внушенія ему **).

*) Сборн. И. Рус. Рус. Истор. Общ. томъ ХСV, дѣло подъ № 2. Раньше шертныя грамоты Абдыль Летифа были напечатаны въ Собр. Гос. Гр. и Догов. II, №№ 26 и 27; V, № 55. Сравн. замѣчанія В. В. Вельяминова-Зернова, I, стр. 206—210.

**) Прїѣздъ царицы описанъ въ лѣтописяхъ Софійской, Воскресенской, Никоновской, — подъ 1510 и 1511 годами; но крымскія посольскія дѣла какъ разъ за эти годы не сохранились. Герберштейнъ по ошибкѣ говоритъ, будто прїѣздъ Нуръ-салтанъ царицы былъ въ 1504 году: наши источники — крымскія посольскія дѣла и лѣтописи — знаютъ только одинъ случай прїѣзда ея въ 1510 году. Но важна замѣтка цезарскаго посланника про царицу: „не имѣя дѣтей отъ Менгли Гирея и тоскуя „по сыновьямъ отъ первыхъ браковъ, она прїѣхала „въ Москву, къ Абдыль Летифу“ и проч. (Записки о Московіи, перев. Анонимова, стр. 139—140).

Поездка въ Россію крымской царицы и проживаніе ея тамъ въ теченіе около полутора лѣтъ были знакомъ мира между Россіей и Крымомъ, но мира уже непрочаго, только кратковременнаго. Какъ разъ съ этой поры Крымъ становится въ отпошнія, явно враждебныя къ Москвѣ. Онъ былъ перекупленъ на сторону Польши и Литвы; ослабѣвшій Менгли Гирей не могъ управиться ни съ сыновьями, ни съ вельможами продажными, ни съ массой татаръ, жадныхъ до корысти и грабежей, порывавшихся въ набѣги; въ 1515 году онъ умеръ, оставивъ царство сыну Магметъ Гирею, который былъ „сердечный недругъ“ московскому государю, по современному русскому выраженію. Что могла теперь сдѣлать для поддержки прежняго союза старая вдова Менгли Гирея, Нуръ-султанъ царица, мачеха новому крымскому царю? Въ началѣ 1512 года крымцы сдѣлали набѣгъ на окскую украину: въ Москвѣ отплатили за набѣгъ лишениемъ свободы Абдылъ Летифа,*^{*)} чѣмъ татары еще больше обозлились. Снова въ Москву идутъ требованія освободить царя, отпустить его въ Крымъ; вся „злоба“ отношеній съ обѣихъ сторонъ какъ будто сосредоточилась на этомъ несчастливомъ царѣ; конечно, не столько важенъ былъ онъ самъ по себѣ, сколько важна сущность и тонъ требованій съ одной стороны, да нежеланіе выдавать—съ другой. Въ дѣло вмѣшался даже турецкій султанъ; но въ Москвѣ не обратили вниманія и на представленія турецкаго султана **). Тогда изъ Крыма сдѣлали новый ходъ. Новый царь Магметъ Гирей въ одной изъ многихъ высокомѣрныхъ грамотъ писалъ между прочимъ на счетъ Абдылъ Летифа: „нынѣ мати наша Азеи—царица къ Мекѣ идетъ, а по нашей вѣрѣ и по нашимъ кни-
гамъ, женскій полъ только пойдетъ къ Мекѣ, ино ей надобе любо бы съ нею мужъ былъ, любо бы съ нею сынъ былъ; и нынѣ мужъ

*^{*)} „Тогда же кнізь великий Василей Ивановичъ вселъ Руси опалу свою положилъ на царя Абдылъ Летифа за его неправду, и велѣлъ у него приставомъ быти, и Коширу у него отнялъ“. (Ш. С. Рус. Лѣт. VI, 252). Эта отмѣтка стоитъ вслѣдъ за извѣстіемъ о набѣгѣ татарскомъ; но позже нея также видно, что царь имѣлъ еще личную вину; видно также, что Юрьевъ былъ перемѣненъ на Каширу, если только лѣтопись точна здѣсь.

**) Въ прошломъ году вышелъ въ свѣтъ ХCV-й томъ „сборника Имп. Рус. Исторического Общества“, включившій въ себя дѣла крымскихъ, ногайскихъ и турецкихъ за 1508—21 годы. Въ этомъ томѣ, не мѣѧ содержательномъ, какъ и XLІ-й томъ, коимъ началось изданіе крымскихъ и ногайскихъ посольскихъ дѣлъ, находится много данныхъ про Нуръ-султана царицу и обоихъ сыновей ея. Грамота султана Селима (на сербскомъ языке) объ освобожденіи Абдылъ Летифа, отъ 1513 года, въ ХCV томѣ Сборника, на стр. 97; см. стр. 100—101.

ея, а нашъ отецъ на волю Божію пошелъ . . . сею дорогою, чтобы еси брата нашего Абдылъ Летифа царя прислалъ, и опъ бы съ своею и съ нашою матерью съ царицею къ Мекѣ шелъ“ и проч. Царица пишеть съ своей стороны: „язь еще при царевѣ животѣ завѣтъ положила себѣ, что ми къ Мекѣ ити, и нынѣ хочу итти къ Мекѣ. И въ нашей вѣрѣ такъ: только женской полъ къ Мекѣ пойдетъ, ино бы съ нею былъ любо мужъ, или сынъ, или братъ. И напередъ того ходила есми къ Мекѣ, ино былъ со мною родной братъ Усеинъ князъ, а нынѣ у меня родного брата нѣть, пожаловалъ бы еси сына моего Абдылъ Летифа ко мнѣ отпустиль, и язы бы его взявъ, да къ Мекѣ съ нимъ шла, и тебѣ бы великое спасеніе было таково же, какъ бы ты съ своей Мекѣ ходилъ поклонитися“. (Сборн. ХСВ, 167; 161; снес. 247). Сомнительно, чтобы Нуръ-салтанъ имѣла серьезное намѣреніе отправиться во вторичное богомольное путешествіе въ Аравію: вѣдь теперь ей уже было около 65-ти лѣтъ! Вѣроятнѣе представляется другое: ей и Магметъ Гирею хотѣлось найти новый предлогъ для просыбы объ отпускѣ Абдылъ Летифа въ Крымъ. Но великій князъ не отпустилъ и на этотъ разъ царя; впрочемъ снялъ съ него опалу, позволилъ ему бывать въ своемъ дворцѣ и провожать себя на охоту. (Тамъ же, 177; 245). Въ послѣдующее время великій князъ, по просыбѣ болѣнаго Магмета Амина и всей казанской земли, готовъ былъ отправить Абдылъ Летифа въ Казань съ тѣмъ, чтобы онъ наслѣдовалъ тамъ умирающему брату; но судьба привела умереть младшему брату прежде старшаго: Абдылъ Летифъ скончался въ ноябрѣ 1517 года. Бывшій при немъ царицынъ человѣкъ поѣхалъ въ Крымъ рассказать матери-царицѣ, какъ заболѣлъ и умеръ ея сынъ. (Тамъ же, 388; 411; 415 - 416; 481; 488). Въ декабрѣ слѣдующаго 1518 года скончался, послѣ долгой и тяжелой болѣзни, старшій сынъ ея, Магметъ Аминъ *). О смерти его еще не знала Нуръ-салтанъ царица въ генварѣ 1519 года, когда писала грамоту къ великому князю московскому; въ этой грамотѣ она ни однимъ словомъ не упоминаетъ про младшаго покойнаго сына, а просить, чтобы великій князъ не замедлилъ отправить подателя грамоты, ея человѣка, въ Казань къ царю Магмету. «Да еще у тебя, у брата моего, одно прощеніе мое есть: у насъ въ сей землѣ лисицы черные

*) О болѣзни его подробности передаются въ „Скинскай исторії“, часть I, стр. 98--99, но съ неумѣренной бранью, даже съ проклятіями татарскому царю. Сравн. у Карамзина VII, 48—49; 57—58. Это — не точность, будто Ибрагимовичи оба умерли въ одномъ году, т. е. 1518: у Карамзина обѣ этомъ какъ—то неотчетливо, а у В. В. Вельяминова Зорнова не точно (Изслѣд. о касим. цар. I, стр. 250).

1533.

«не мочно добыти, и язъ нынѣ у тебя, у брата своего, у великаго князя, на шапку одной черные добрые лисицы прошу: изначала еси «намъ братъ быль и нынѣ какъ братства не забудешь, самъ вѣдаешь.» Вообще Нуръ-салтанъ была все время неравнодушна къ московскимъ гостинцамъ, хотя съ сожалѣнiemъ видѣла, что при новомъ государѣ московскомъ они стали посыпаться ей скуднѣе прежнихъ, что она откровенно выражала великому князю, сверхъ своего обыкновенія даже съ неудовольствиемъ, съ сердцемъ. Въ 1517 году она писала: „я какъ прежде дружбу свою и братство чинила, такъ и нынѣ на томъ стою, сколько могу, по своей силѣ, я и нынѣ рада дружбу и братство чинить, да токъко ты мало знаешь ихъ. Бывало отецъ твой, великий князь, ради братства посыпалъ намъ въ поминки шубу горностайную съ атласомъ гепедицкимъ, либо камка шемахинская на горностаяхъ же, либо шубу добрыхъ черныхъ лисицъ присыпалъ. А нынѣ мнѣ твой бояринъ Иванъ^{*)} подалъ отъ тебя поминка сорокъ соболей сѣрыхъ, да шубу хребтову бѣличью, да шубу бѣличью облячну, да два сукна: такое жа лованье ты посылаешь и самому простому человѣку; выходитъ, что ты попонарасу зовешь меня сестрой своей... Посоль твой Иванъ сказывалъ, что-де князь великій послалъ мнѣ хорошую шубу, да ее-де отнялъ у него насильно Богатырь-царевичъ. Но мы видѣли эту шубу: верхъ пестрядь, а исподъ черева бѣль! Увидавши такую шубу, я сказала себѣ самой: навѣрное эта шуба не мнѣ, великій князь такой дурной шубы не прислалъ бы мнѣ... (Тамъ-же, 391; а письмо отъ начала 1519 года на стр. 643; это послѣднее письмо отъ царицы).

Но что шубы и разные гостины въ сравненіи съ потерей любимыхъ дѣтей?.. А впрочемъ Нуръ-салтанъ царица очень только не многимъ пережила ихъ; послѣ 1519 года крымскія посольскія книги перестаютъ говорить о ней; изъ Москвы, конечно, не забыли бы ее поклонами и гостицами, хотя бы умѣренными, если бы она была жива въ послѣдующіе годы. Вѣроятно она уже умерла въ 1519 году.

М. Бережковъ.

^{*)} Иванъ Григорьевичъ Мамоновъ былъ отправленъ посланникомъ въ Крымъ весной 1515 года къ царю Магмету Гирею. Онъ и умеръ въ Крыму, испытавъ тамъ разныя оскорблѣнія и насилия.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II и КРЫМЪ.

(Къ столѣтію со дня кончины Екатерины Великой).

Важное значение царствования Императрицы Екатерины для всей Россіи было, можно сказать, исключительно важнымъ для Крыма, который именно въ то время вошелъ въ составъ русского государства, съ чего и начался новый—русскій періодъ крымской исторіи; въ виду этого всѣ современныя учрежденія культурнаго характера, дѣятельность которыхъ такъ или иначе связывается съ Крымомъ, не могутъ не помянуть знаменитой государыни по истечениіи ста лѣтъ со дня ея кончины, какъ поминаетъ ее вся Россія.

При Императрицѣ Екатеринѣ II съ Крымомъ совершился столь глубокій переворотъ, что для оцѣнки его требуется довольно сложный анализъ какъ совершившихся тогда событий, такъ и предшествующей исторіи Крыма. Поэтому я постараюсь, хотя и вкратцѣ, очертить сперва предшествующую исторію отношеній Россіи къ Крыму, затѣмъ охарактеризовать вообще царствованіе Императрицы Екатерины II со стороны вѣщней и внутренней политики, далѣе изобразить положеніе Крымскаго ханства съ его ордами и тогда уже разсказать о его постепенномъ подчиненіи Россіи и мѣрахъ, принятыхъ для его переустройства, послѣ чего Крымъ и сталъ окончательно частью Имперіи. Особенно я желалъ бы показать, что политика Императрицы Екатерины II относительно Крыма была вполнѣ національною.

Въ настоящее время все больше и больше утверждается въ наукѣ положеніе, что Крымъ издревле былъ мѣстомъ пребыванія Русовъ, пока появленіе враждебныхъ инородцевъ не отодвинуло ихъ постепенно въ глубь нынѣшней Россіи, почти отрѣзавъ отъ моря. Въ концѣ концовъ въ Крыму и нынѣшихъ черноморскихъ стенахъ расположились татарскія орды, иногда соединенные, иногда раздѣленные и враждующія между собою, но всегда достаточно сильныя для нападеній на русскія земли и ихъ грабежка. Отсюда для русскихъ являлось хорошо сознаваемою необходимостью избавиться

отъ такихъ зловредныхъ сосѣдей, особенно когда въ концѣ XV вѣка татарскія орды какъ бы объединились подъ властью турокъ. Самое образованіе западно (Литовско)-русскаго и Московскаго государства было въ значительной степени обусловлено желаніемъ ихъ населенія создать государства, достаточно сильныя для борьбы съ татарами, и эти государства примѣняли всѣ существовавшія въ то время средства обороны противъ кочевниковъ. Мало того, руководимыя стихійнымъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію важныхъ для земледѣлія плодородныхъ степей, лежавшихъ между Русью и татарами, русскія государства создали на своихъ рубежахъ живой форпостъ въ видѣ казачества и, благодаря ему, далеко вдвинулись въ черноморскія степи, гдѣ шла безконечная борьба между казаками и татарами, съ перевѣсомъ первыхъ; при чемъ запорожье подошло уже близко къ населеннымъ татарами мѣстностямъ. Польша, которой принадлежала главная роль въ томъ государствѣ, въ составъ котораго вошла западная Русь, не оказала однако южнорусскимъ дѣламъ того вниманія, какое они заслуживали; по разнымъ причинамъ она не только потеряла власть надъ Крымомъ и Черноморьемъ, но даже враждебно отнеслась къ казачеству и въ результате отклонилась отъ задачи возвратить Черноморье русскому населенію; эта обязанность пала исключительно на долю Московскаго государства, чѣмъ, по моему мнѣнію, и предрѣшена была послѣдующая исторія обоихъ государствъ. Здѣсь, на черноморскихъ степяхъ, положено было начало тому ходу дѣлъ, который продолжался образованіемъ всея величія и малыя и бѣлыя Россіи и окончился раздѣломъ Польши.

Но у Московскаго государства на западныхъ границахъ было еще двѣ старинныхъ задачи национального характера: присоединеніе западно-русскихъ областей и утвержденіе на Балтійскомъ поборѣ для выхода въ Западную Европу. Иногда возможно было искуснымъ образомъ достигать нѣкоторыхъ успѣховъ относительно всѣхъ этихъ задачъ, иногда же одна мѣшала другой; тѣмъ болѣе, что у Москвы были дѣла и на Востокѣ. Правда, тамъ политика была вполнѣ ясною и послѣдовательною, ибо государство лишь прикрывало и закрѣпляло результатъ стихійнаго движенія народонаселенія, тогда какъ на западѣ, гдѣ политика требовалась сложная, многое зависѣло и отъ личностей московскихъ правителей. Великій князь Иванъ III, напримѣръ, посыпалъ повсюду, раздвигая предѣлы Москвы во всѣхъ направленияхъ; такъ же действовали отчасти и великий князь Василій Ивановичъ и Иванъ IV, т. е. правительство въ началѣ его царствованія; они подчинили Москву всѣхъ татаръ, за исключеніемъ крымскихъ, а при Иванѣ IV пред-

ставился моментъ, когда Москва могла присоединить все При-днѣпровье, Черноморье и самыи Крымъ; но грозный царь предполѣлъ, бросивъ южныя дѣла, заняться поріобрѣтеніемъ Балтійскаго поморья, чего однако совершенно не достигъ. Онъ могъ стать государемъ въ Польшѣ и Литвѣ съ западной Русью, но и этому по мѣшиали его личныя качества, и рѣшеніе важнѣйшихъ для жизни русскаго народа вопросовъ растянуто было на 200 лѣтъ.

Смутное время не благопріятствовало существованію у настъ какихъ-либо завоевательныхъ стремленій, и въ томъ числѣ относительно Черноморья, куда въ то время даже западная Европа продолжала настъ тянуть, подымаю идею крестовыхъ походовъ. Въ началѣ новой династіи Москва тоже была слишкомъ слаба, она предпочитала откупаться отъ татаръ, а не воевать съ ними; бывали моменты, когда мы могли бы воспользоваться существовавшими въ Турціи затрудненіями для успѣховъ въ Черноморье; мы и чувствовали къ тому охоту, но не могли рѣшиться на активную политику,— и лишь при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда насту-нили, вслѣдствіе малорусскихъ дѣлъ, весьма благопріятныя для настъ условія и образовалось большое русское государство, мы сильно двинулись къ Черному морю; мало того, присоединеніе Малороссіи съ запорожьемъ открывало намъ уже перспективу и на Балканскій полуостровъ, куда усиленно стали настъ приглашать греки. Но тогдашніе московскіе западники, съ бояриномъ Ординымъ Нашокинымъ во главѣ, опять предпочли бросить южныя дѣла ради балтійскихъ, устремились къ Балтійскому морю— и опять безрезультатно; между тѣмъ ради него заключено было печальной памяти Андрусовское перемиріе, ставшее источникомъ безпредѣльныхъ бѣдъ для южной Руси и даже погубившее ее, хотя стремленія самого народа все же оказались сильнѣе политическихъ авантюристъ. Московское правительство скоро сознalo сдѣланную ошибку и снова вернулось къ черноморскимъ дѣламъ; въ концѣ XVII вѣка въ Москвѣ существовали даже очень широкіе планы на Черноморье и Балканскій полуостровъ, тѣмъ, болѣе, что дальновидные политики, въ родѣ грека патріарха Досифея, хорвата Крижанича, малоросса Самойловича, указывали на опасность завоеванія славянъ нѣмцами (австрійцами), отъ которыхъ ихъ освободить будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ отъ турокъ; но наши военные предприятия этого времени успѣха не имѣли.

Въ началѣ царствованія Петра Великаго видно тоже традиціонное стремленіе къ югу; но, ставши крайнимъ западникомъ, онъ принялъ участіе въ войнѣ за Балтійское поморье, и хотя здѣсь достигъ блестящихъ результатовъ, но потерялъ южное Поднѣпровье

и Запорожье, а неудачный походъ 1711 г. надолго прекратилъ охоту у грековъ и славянъ разсчитывать на освобождение ихъ отъ турокъ при помощи русскаго оружія. Точно также не воспользовался царь и полнouю возможностью присоединить къ Россіи западно-русскія земли во время Палівчины и борьбы за корону въ Польшѣ.

Столь геніальный политикъ, какимъ былъ Петръ Великій, не могъ, разумѣется, не сознавать сдѣланныхъ имъ упущеній; поэтому въ послѣдніе годы его царствованія онъ снова вернулся къ прежней черноморской политикѣ, широко занявшиcъ ею, а также утвердилъ русское вліяніе въ Польшѣ, подготовляя ея подчиненіе Россіи (а не раздѣль!); но вскорѣ онъ и скончался.

Распространено мнѣніе, что при первыхъ преемникахъ Петра Великаго наша политика была антинаціональною, даже больше — безтолковою. Отчасти это вѣрно; мы безъ толку заключали западно-европейскіе союзы и отдавали наши силы на служеніе чуждынь для настъ, или даже враждебныемъ намъ интересамъ; но относительно трехъ указанныхъ выше задачъ наша политика все же оставалась національною: Россія ревниво охраняла свое балтійское пісморѣ, подготовила присоединеніе Курляндіи и завоевала еще часть Финляндіи; точно также русское вліяніе доминировало въ Польшѣ, а, главное, мы достигли на югѣ немаловажныхъ успѣховъ: линіей крѣпостей ограждена была южная Россія отъ татарскихъ набѣговъ; тогда же подъ власть Россіи возвратилось запорожье, русскія войска громили Крымъ, разрушали турецкія крѣпости, присоединяя была обширная мѣстность между рр. Дономъ и Южнымъ Бугомъ, и на здѣшнихъ степяхъ шла широкая колонизация, вслѣдствіе которой образовалась Новороссія. Не трудно понять, почему при сравнительно плохомъ у насъ правительствѣ явились столь недурные все же результаты: оно дѣйствовало по традиціямъ, вслѣдь за народными стремленіями, къ счастью встрѣчая вслѣдствіе слабости противниковъ не особенно сильное противодѣйствіе. Какъ бы то ни было, національная политика Россіи относительно Черноморія ко времени вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II опредѣлилась окончательно, бѣла вполнѣ ясною; странно было бы ожидать, чтобы она не нашла въ этой замѣчательной Государынѣ умнаго и консеквентнаго исполнителя.

Не только предшествующее воспитаніе, но и позднѣйшее образованіе вырабатывали изъ Императрицы Екатерины космополитического дѣятеля; но долгое пребываніе въ Россіи, сознательная подготовка себя къ занятію престола и желаніе добросовѣстно со-

блодать интересы новой родины, сдѣлали изъ Екатерины II дѣятеля національного въ томъ смыслѣ, какъ это понималось въ ея времія. Важнѣе всего было то, что въ лицѣ Екатерины II на престолъ взошла личность необычайно умная, прекрасно образованная, полная энергіи, съ сильною волею и съ желаніемъ сдѣлать для Россіи все, что только было въ предѣлахъ силъ человѣческихъ.

Я не настолько поклонникъ знаменитой Императрицы, чтобы закрывать глаза на ея недостатки. Имѣла она ихъ и какъ женщина, при чёмъ они отзывались и на интересахъ государства, и какъ государыня. Я не поставлю ей, пожалуй, въ особую вину слѣдомъ ужъ хитроумную политику, — припомнимъ, съ какими послѣдователями Маккіавели приходилось ей имѣть дѣло, — ни отчасти эгоистического отношенія къ своимъ сподвижникамъ, — большинство изъ нихъ точно такъ же относилось къ людямъ; но не могу не указать на нѣсколько показной характеръ ея царствованія. Многое было совершено, но еще болѣе надѣлало шуму; иное было производимо прямо съ расчетомъ на эффектъ, при театральной обстановкѣ, для иностранцевъ и особенно для влиятельныхъ публичистовъ. Императрица старательно изучала свое государство, она знала его, можетъ быть, лучше, нежели окружавшіе ее, но все же она не узнала Россіи, какъ слѣдовало бы, не вполнѣ понимала своей народъ, не всегда умѣла оцѣнивать его силы и стремленія; словомъ, стать такимъ же національнымъ государемъ, какимъ былъ Пётръ Великій, ей удалось невполнѣ.

Въ довершеніе всего, обстоятельства, при которыхъ Императрица Екатерина вступила на престолъ, создали для ея послѣдующей дѣятельности почти непреодолимыя затрудненія. Убѣжденія она имѣла для своего времени передовыя, и потому космополитическая; но и Императоръ Пётръ III потерялъ тронъ вслѣдствіе крайне отрицательного отношенія къ національнымъ интересамъ Россіи, особенно къ вѣнчаной политикѣ, и Екатерина II не могла уже не дѣйствовать иначе. Сверхъ тѣго Императрица обязана была престоломъ главнымъ образомъ одному элементу, достаточно могущественному вообще для производства переворотовъ при условіяхъ, какими окружила себя въ то время власть; нужно было отблагодарить этотъ элементъ или, вѣрнѣе сказать, создавшее его сословіе, нужно было и угодить ему, хотя бы и вопреки столь симпатичнымъ передовымъ идеямъ своего времени. Такимъ образомъ приходилось совмѣщать несовмѣстимое.

Въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II видимъ сильную путаницу идей и фактовъ, видимъ мѣры, рѣзко противо-

рѣчащія высказываемъ доктрина мъ; но съ теченіемъ времени эти противорѣчія если не сгладились, то во всякомъ случаѣ размежевались по различнымъ сторонамъ государственной дѣятельности. Внѣшняя политика стала національною, внутренняя была направлена въ интересахъ господствующаго сословія, а передовыми идеями отведено было мѣсто въ интеллигентуальныхъ сферахъ, и въ томъ числѣ въ воспитаніи, благодаря чему послѣдующее поколѣніе гораздо прочнѣе усвоило себѣ эти идеи и, не будучи еще въ состояніи реализовать ихъ, по крайней мѣрѣ мучилось сознаніемъ такого разлада, а слѣдующее за нимъ уже сгладило по возможности несоответствіе между словомъ и дѣломъ и дѣйствительно произвело въ Россіи соотвѣтственныя преобразованія.

Такъ какъ внѣшняя политика Императрицы Екатерины II была національною, то ей на западѣ предстояло решать указаныя выше задачи; слабость Швеціи не грозила намъ на Балтійскомъ поморіи, но западно-руssкія области все еще оставались подъ властью Польши, а Черноморье принадлежало Турціи; отсюда ясно, чѣмъ наша политика должна была заняться. Мѣры, принятые Императрицею относительно отмѣны сепаратнаго строя въ Малороссіи (какъ и въ иныхъ областяхъ), и вообще на югѣ Россіи, приводили ее къ татарскимъ дѣламъ; но тогдашнее положеніе Польши давало возможность ожидать здѣсь для Россіи болѣе легкихъ успѣховъ и приобрѣтеній, и политика Императрицы Екатерины направилась въ эту сторону. Дѣйствительно, успѣхи казались блестящими; но заступничество Турціи заставило Императрицу, вопреки національнымъ интересамъ Россіи, допустить къ дѣлежу польскихъ земель и пѣмецкія державы; такъ что результаты такой политики оказались проблематичными.

Заступничество Турціи вызвало Первую Турецкую войну, въ которой не маловажная роль досталась и Крыму, вступившему такимъ образомъ въ сферу внѣшней политики Императрицы Екатерины. Воспользовавшись этимъ, чтобы хоть вкратцѣ изобразить, чѣмъ было тогда Крымское государство, и выяснить причины его политической гибели.

Въ половинѣ XVIII вѣка югъ Русскаго государства уже далеко подвинулся въ степь такими форпостами, какъ Новороссія и Славяно-Сербія, Запорожье и Донское казачество; при чёмъ колонизація, подъ прикрытиемъ линій крѣпостей, продолжала направляться и далѣе къ югу; но все же за крайними русскими поселеніями лежала обширная степь, на которой продолжали раскидываться

различныя татарскія орды, подобно лапамъ гигантскаго паука, выходицімъ изъ плотнаго туловища, представляемаго Крымомъ. Территорія Крымскаго ханства съ подчиненными ему ордами и разными племенами была обширна—приблизительно отъ р. Прута почти до Каспійскаго моря и отъ южныхъ границъ Русскаго государства до Чернаго моря и Кавказскихъ горъ. На этомъ громадномъ пространствѣ расположились преимущественно различныя татарскія орды, но жили и иные племена, даже христіанскія, напримѣръ румыны, кое гдѣ и русскіе, а по крѣпостямъ турки, главнымъ образомъ въ качествѣ гарнизоновъ. Крымское ханство находилось въ вассальной зависимости отъ Турціи, и это выражалось между прочимъ, нахожденіемъ въ турецкихъ рукахъ южныхъ крѣпостей: Хотина, Бендеръ, Аккермана, Хаджибая, Очакова и др.

И такъ Крымское ханство не было государствомъ независимымъ; ханъ былъ вассаломъ турецкаго султана. Но при тогдашней слабости Турціи зависимость отъ нея Крыма была не велика. Султанъ утверждалъ хана въ его достоинствѣ, даже иногда присыпалъ хана въ Крымъ изъ Стамбула; но если крымцамъ приходила охота выбрать себѣ хана вопреки желанію султана, то они это и дѣлали, и султану оставалось лишь согласиться съ выборомъ или создавать въ Крыму партію противъ избраннаго хана и предаваться всѣмъ случайностямъ борьбы. Какъ вассаль, ханъ долженъ былъ помогать султану, по его требованію, во время войны и обыкновенно дѣлали это, разсчитывая на добычу; но крымцы могли и не ити въ походъ по требованію султана, если походъ казался имъ труднымъ и результаты ненадежными, и средствъ заставить ихъ идти па войну султанъ не имѣлъ. Доходовъ отъ Крыма султанъ не получалъ, и наоборотъ постоянно посыпалъ въ Крымъ значительные подарки и жалованье, особенно если нуждался въ крымской военной помощи. Словомъ, Крымъ вовсе не былъ какимъ-либо драгоценнымъ камнемъ въ коронѣ падишаха, и ихъ связывали болѣе всего религіозныя отношенія, ибо султанъ былъ и главою всего магометанскаго міра; поэтому среди татарскаго простонародья вліяніе султана все же было довольно значительно.

Крымское ханство въ общемъ имѣло слѣдующій строй. Во главѣ его былъ ханъ изъ династіи Гераевъ. По теоріи престолъ переходилъ по принципу старшинства въ родѣ, но на практикѣ бывали постоянныя отклоненія, то вслѣдствіе интригъ креъмцевъ, то волею султана, который утверждалъ хана на его престолѣ съ известными церемоніями. Жилъ ханъ въ то время въ Бахчисараѣ, окруженный большими дворомъ, и довольно роскошно, соблюдая,

впрочемъ, обычныя условія мусульманскаго быта. Были у хана и иные резиденціи, какъ въ Крыму, такъ и въ его; напримѣръ на лѣто ему случалось перебѣжать въ болѣе прохладную Бессарабію. Помощникомъ хана, намѣстникомъ въ его отсутствіе и какъ бы наследникомъ его престола былъ *калга*, имѣвши свой дворъ, свою резиденцію и пр.; но рѣдко приходилось калгѣ вступать на престолъ непосредственно вслѣдъ за своимъ ханомъ, чаще всего онъ падаль вмѣстѣ съ нимъ и уѣзжалъ въ Стамбуль; но съ теченіемъ времени и до него могла дойти очередь, по милости султана или по выбору крымцевъ, стать ханомъ Другимъ родственникомъ — помощникомъ хана былъ *пурединг*, въ сущности второй калга.

Власть хана казалась неограниченной; но въ дѣйствительности, не говоря уже о томъ, что она окутана была прѣыдущимъ рядомъ вытекающихъ изъ религіи предписаній, ханъ по обычаю почти не могъ ничего важнаго предпринять безъ согласія своихъ подданныхъ; онъ рисковалъ, что неодобреннное ими распоряженіе можетъ вызвать съ ихъ стороны бунтъ, и въ предупрежденіе этого обыкновенно предпочиталъ собирать ихъ для решения болѣе или менѣе важныхъ дѣлъ; все это было очень плохо организовано и основывалось лишь на обычаѣ.

Сословія въ Крыму были очень слабо дифференцированы. Духовнаго сословія не было, хотя духовныя лица — улемы, какъ представители религіи, пользовались значительнымъ вліяніемъ. Еще болѣе важна была крымская родовая аристократія — *карачи-бей*, значеніе которой въ то же время ощиралось и на владѣніе крупнымъ недвижимымъ имуществомъ; они были какъ-бы вассалами хана и въ свою очередь имѣли подданныхъ, сидѣвшихъ на ихъ землѣ и обязанныхъ имъ податями и повинностями. Караби-бей были тѣмъ элементомъ, съ которымъ ханъ считалъ необходимымъ совѣщаться въ важныхъ случаяхъ, и составляли ханскій *Диванъ*. Затѣмъшли мурзы и уланы, наконецъ значительнымъ вліяніемъ пользовались и такъ называемые *кашы-кулу* — ханскіе придворные. Всѣ они представляли изъ себя землевладѣльческій классъ въ ханствѣ. Третьяго сословія национальнаго въ Крымскомъ ханствѣ почти не было, ибо татары мало занимались такою промышленностью или торговлею, которая не была бы связана съ ихъ примитивными сельско-хозяйственными занятіями, и представителями третьяго сословія являлись армяне, греки, евреи, караимы, даже русскіе. Затѣмъ сплошную массу населенія составляли, конечно, татары, жившіе въ родовомъ быту и кочевавшіе по степямъ, хотя въ XVIII вѣкѣ можно

замѣтить и осѣданіе татаръ по селамъ и городамъ, разлагавшее родовой бытъ. Наконецъ, существовало и рабство, источники которого были обычны, и въ числѣ рабовъ увы! все еще не маловажное количество было русскихъ, добываемыхъ нападеніями на порубежные земли Россіи и Рѣчи Посполитой!

Управлениe, разумѣется, принадлежало прежде всего хану, при которомъ для обсужденія дѣлъ состоялъ совѣтъ Диванъ изъ карачи-беевъ и главныхъ придворныхъ лицъ; въ важнѣйшихъ случа-яхъ устраивались большиe и шумные съѣзды съ беями и мурзами, хотя къ концу XVIII вѣка этотъ обычай сталъ уже выходить изъ употребленія. Остальная администрація была въ самомъ хаотическомъ состояніи; смѣшивались самыя разнообразныя функціи управления, и раздѣлялись такія, которые были нераздѣльны по существу; напримѣръ, дипломатическими сношеніями съ Россіей завѣдывали въ Крыму одни лица (это была ихъ родовая привилегія), а съ Польшей другой и т. п. При томъ вся администрація была жалкая, необразованная, всегда склонная къ подкупамъ, что, впрочемъ, надоѣло сказать и о придворныхъ. Судъ тоже не былъ раздѣленъ отъ управления; судопроизводство находилось въ примитивномъ состояніи, вслѣдствіе чего нерѣдко имѣла мѣсто неправильное примѣненіе закона (шеріата).

Подобный общественный строй могъ, пожалуй, до поры до времени удовлетворять потребностямъ магометанского государства, но онъ былъ немыслимъ передъ лицомъ государства культурнаго, какимъ была въ половинѣ XVIII вѣка Россія, не смотря на ея сравнительное неблагоустройство; разница стала уже слишкомъ рѣзкою, и допускать дальнѣйшее существованіе Крымскаго ханства о бокъ съ собою Россія не могла.

Конечно, если бы Крымъ былъ могущественнымъ государствомъ, существованіе его и при наличныхъ условіяхъ могло бы продолжаться; но и силами онъ вовсе не располагалъ. Войска у него было достаточно, такъ какъ военнымъ было все татарское населеніе; но войско это было не постоянное и въ особенности не благоустроенное, дѣйствовавшее исключительно натискомъ и плохо вооруженное; флота совсѣмъ не было, такъ что для защиты являлись турецкія суда; крѣпости тоже заняты были турецкими гарнизонами, поддержка которыхъ изъ Турціи представлялась довольно затруднительной.

Не имѣю цѣли останавливаться на промышленности и торговли Крыма, которая были въ самомъ примитивномъ состояніи, или, какъ я уже говорилъ, находились въ рукахъ иноземцевъ; было

нѣсколько городовъ, оставшихся отъ эпохъ, предшествующихъ татарской, по они были незначительные, мало отличавшиеся отъ сель. Финансовая система Крыма, крайне архаическая, основывалась на натуральныхъ повинностяхъ и на доходахъ хана съ его личныхъ имуществъ; поэтому, при всей сравнительной роскоши жизни, денегъ у хана никогда не было, и жалование могло уплачиваться лишь субсидіями изъ Стамбула. Разные доходы отдавались на откупъ, иные отрасли хозяйства монополизированы, и вообще въ экономической жизни Крыма господствовалъ хаосъ; хотя нельзя не прибавить, что вообще татары вели существование безбѣдное: для этого ихъ промыслы обезпечивали ихъ достаточно.

Наконецъ, религіозное, умственное, нравственное и вообще культурное состояніе татаръ, обусловленное вліяніемъ религіи, оставалось такимъ, какимъ было, вѣроятно, 300 лѣтъ назадъ, т. е. совершенно не соотвѣтствовало интеллектуальной жизни Европы въ XVIII вѣкѣ, когда и Россія уже озарялась лучами вѣка „просвѣщенія“.

При такихъ условіяхъ Крымъ существовать въ прежнемъ видѣ не могъ, и покореніе его сосѣдней державой явилось только вопросомъ времени

Интересно однако, что просвѣщеніе XVIII вѣка проложило себѣ путь и въ Крымъ. Благодаря появлению тамъ политическихъ и торговыхъ западно-европейскихъ агентовъ, особенно французовъ, образовалось въ придворныхъ сферахъ новое теченіе; явились и въ Крыму представители идеи „просвѣщенного абсолютизма“; но, какъ видно будетъ далѣе, это просвѣщеніе болѣе всего выразилось въ уточненной роскоши ханского двора, въ разнообразіи удовольствій, о серьезныхъ же реформахъ подумали лишь тогда, когда отъ независимости Крыма оставалась одна тѣнь.

Отношенія между Россіей и Крымомъ, обычно враждебныя, къ половинѣ XVIII вѣка стали улегаться; даже между Запорожьемъ и Крымомъ установились отношенія болѣе миролюбовыя; но культурное состояніе Крыма дѣлало невозможнымъ упроченіе правильныхъ международныхъ отношеній съ Русскимъ государствомъ. Продолжались порубежные набѣги, ничтожные для причиненія вреда слишкомъ уже могущественной Россіи, но тѣмъ болѣе досадные. Невозможно было не прекратить существованія Крымскаго ханства и не присоединить его къ Россіи. Первымъ шагомъ къ тому было появленіе въ Бахчисараѣ русскихъ резидентовъ, пользовавшихся большими вліяніемъ при ханскомъ дворѣ и вмѣшивавшихся во всѣ крымскія дѣла. Нѣкоторые ханы уже

предвидѣли даже предстоящее покореніе Крыма Россіей и относились къ этому или съ фаталистическою покорностью, или, наоборотъ, съ фанатическою ненавистью къ Россіи, какъ къ страшному врагу. Такова была политическая ситуация наканунѣ Первой Турецкой войны.

При вступлении на престолъ Императрицы Екатерины, крымскимъ ханомъ былъ Крымъ Герай, котораго считаютъ послѣднимъ выдающимся татарскимъ дѣятелемъ; онъ именно уже былъ просвѣщенъ абсолютомъ, хотя и сочеталъ съ западно-европейскимъ образованіемъ чисто турецкую свирѣпость. Это былъ человѣкъ энергичный, очень воинственный, стремившійся возродить Крымъ заботами о промышленности, торговлѣ, просвѣщеніи; неnevѣждо онъ былъ и во виѣшней политикѣ, и именно онъ обратилъ внимание султана на опасность для Турціи отъ избрания польскимъ королемъ Станислава Августа—руссской креатуры; Россію Крымъ Герай ненавидѣлъ, какъ особено опаснаго врага. Такимъ образомъ, по часто встрѣчающейся въ исторіи ироніи судьбы, на Крымскомъ престолѣ въ концѣ существованія ханства сидѣлъ государь, который раньше могъ бы принести ему гораздо болѣе пользы. Но самостоятельность Крымъ Герая не нашла себѣ сочувствія въ Стамбулѣ, и въ 1764 г. онъ даже былъ низложенъ. Преемникъ его Селимъ Герай III, хотя и ничтожный правитель, тоже былъ врагомъ Россіи, не допускалъ въ Бахчисарай нашего комиссара и патрavлялъ на насъ Турцію. И Селимъ Герай потерялъ престолъ, послѣ чего было еще два хана, совершенно незначительныхъ, пока, наконецъ, въ виду неизбѣжной войны съ Россіей султанъ въ 1765 г. вернулся престолъ энергичному Крымъ Гераю.

Началась война зимио 1768/69 г. Крымъ Герай совершилъ знаменитый набѣгъ на Новую Сербію, сильно опустошилъ ее и увелъ массу плѣнныхъ. Въ настоящее время историки, впрочемъ, сомнѣваются въ вѣрности показаній объ этомъ походѣ барона Тотта, панегириста (отчасти шута) Крымъ Герая, котораго онъ сопровождалъ; притомъ лютые морозы были причиною гибели и многихъ татаръ. Во всякомъ случаѣ пріятно замѣтить, что это былъ послѣдній набѣгъ татаръ на Россію, тѣмъ болѣе, что энергичный Крымъ Герай вскорѣ и скончался въ Каушанахъ, среди утонченныхъ развлечений, въ родѣ театра, и оргій французско-татарского характера, при звукахъ оркестра, который онъ заставилъ играть во время своей агоніи. Были ли оргіи причиною его смерти, или здѣсь имѣла мѣсто отрава, — безразлично; съ Крымъ

Гераемъ сошла въ могилу послѣдняя крупная татарская личность; далѣе слѣдуютъ Крымскій мартиологъ и подчиненіе Крыма.

Преемникъ Крымъ Герая Девлетъ Герай IV (1769-1770 г.) принималъ участіе въ войнѣ, то неудачного диверсіей на крѣпость Св. Елизаветы, то помагая туркамъ подъ Хотиномъ, такъ какъ въ самомъ Крыму войны не было, если не считать нѣсколькоихъ запорожскихъ набѣговъ. Вскорѣ его смѣнилъ Капланъ Герай (1770 г.), молодой и болѣе энергичный, войска котораго тоже дѣйствовали въ Бессарабіи. Сознавая, что Крымская помощь туркамъ не лишена значенія, и имѣя въ виду дальнѣйшія перспективы, Императрица Екатерина II пыталась дипломатическимъ путемъ, чрезъ резидента своего Щербинина, склонить хана на свою сторону, предлагая ему независимость отъ Турціи. Капланъ Герай сперва отвѣтилъ отказомъ, но среди татаръ, преимущественно жившихъ въ пред-крымскихъ степяхъ, образовалась партія, склонная къ подчиненію Россіи, особенно когда стали извѣстны побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ, гдѣ пострадали и татары, при чемъ взяты были Бендери и пр. Даже Капланъ Герай поколебался, не подчиниться ли ему Россіи, а татары прямо набивались на подчиненіе; но Императрица Екатерина и ея совѣтникъ по вѣшнимъ дѣламъ графъ Н. И. Панинъ еще не рѣшились на такой смѣлый шагъ, и шла агитация въ пользу татарской независимости. Въ результатѣ Капланъ Герай потерялъ престолъ, и его замѣнилъ одинъ изъ прежнихъ хановъ Селимъ III Герай (1770 - 1771 г.), долго не являвшійся въ Крымъ. Начальникъ русской арміи, направленной противъ Крыма, князь В. М. Долгорукій продолжалъ дѣйствовать болѣе съ помощью переговоровъ и подыскать лицъ даже изъ ханской семьи, склонныхъ къ союзу съ Россіей; такимъ былъ особенно Шагинъ Герай, тогда только начавшій свое печальное поприще. Такъ какъ дипломатические успѣхи князя Долгорукаго были не велики,— крымцы въ большинствѣ высказывались противъ Россіи, и явился Селимъ Герай,—то князь Долгорукій перешелъ отъ словъ къ дѣлу, лѣтомъ 1771 г. вмѣстѣ съ запорожцами и дружественными татарами вторгся въ Крымъ, взялъ Перекопъ и разорилъ много городовъ до самой Кафы, получивъ за эти подвиги титулъ Крымскаго. Селимъ Герай бѣжалъ изъ Ялты въ Стамбуль; тогда князь Долгорукій сталъ хозяиномъ въ Крыму, опираясь на партію Шагинъ Герая и иныхъ измѣнниковъ, а тѣмъ болѣе не жившую въ Крыму райю. Въ 1771 году князь Долгорукій провозгласилъ независимость Крыма, вмѣсто того, чтобы просто присоединить его къ Россіи, что было вовсе не такъ трудно. Ханомъ онъ назначилъ Сагибъ Герая, стар-

шаго брата Шагинъ Герая, сдѣлавшагося калгою, а по крымскимъ крѣпостямъ быть поставленъ вездѣ русскій гарнизонъ.

Повидимому Сагибъ и Шагинъ Гераи не въ шутку поняли независимость Крыма, почему и хлопотали о выводѣ нашихъ гарнизоновъ, но напрасно. Наоборотъ, состоявшій при ханѣ русскій резидентъ Веселицкій склонялъ его просить Императрицу забрать Керчь и еще нѣкоторые интересные для Россіи пункты, но ханъ на это не соглашался, а Шагинъ Герай даже отправился въ Петербургъ хлопотать о дѣйствительной независимости ханства. Его приняли очень любезно, украсили крупными орденами, а тѣмъ временемъ Сагибъ Гераи все же заставили въ 1772 г. подписать актъ о нахожденіи Крыма подъ покровительствомъ Россіи. Недовольный Шагинъ Герай даже не вернулся тогда въ Крымъ, а поселился въ Полтавѣ, получая отъ Россіи значительное жалованье.

Переговоры, которые велись между Россіей и Турцией въ концѣ войны, долго не могли привести къ миру, и главнымъ образомъ изъ-за Крыма. Турки удивлялись, почему русскіе не берутъ его себѣ, и не вѣрили его независимости; наши военные дѣйствія тогда шли неважно, австрійская политика поддерживала Порту, поведеніе русскихъ войскъ въ Крыму не могло внушить татарамъ особаго къ нимъ сочувствія, — все это было причиною упорства; султанъ назначалъ въ Крымъ своихъ хановъ, но они туда не попадали. Новые успѣхи русскихъ привели наконецъ въ 1774 г. къ заключенію Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, по § 3 котораго устанавливалась самостоятельность крымскихъ и другихъ татаръ, оставшихся однако въ духовной зависимости отъ султана, который тогда же послалъ Сагибъ Гераю investitura.

Конечно, Кучукъ-Кайнарджійскій миръ хорошо упрочилъ положеніе Россіи въ Черноморіи и открывалъ ей обширныя перспективы на Балканскомъ полуостровѣ, что и имѣлось въ виду; но нельзя не сказать, что вслѣдствіе нерѣшительности Императрицы Екатерины и графа Шанина относительно Крыма результаты получились не вполнѣ консеквентные: было большою неосторожностью оставлять Крымъ хотя бы съ тѣнью независимости, а тѣмъ болѣе въ духовномъ подчиненіи султану, что должно было стать источникомъ дальнѣйшихъ пререканій; пришлось вести ради Крыма еще одну войну съ Турцией!

Въ независимомъ ханствѣ съ мѣста начались безпорядки, спрашиваться съ которыми ничтожный Сагибъ Герай былъ не въ состояніи, а вернувшись въ Крымъ Шагинъ Герай сильно интриговалъ противъ Россіи, занятый грандиозными планами, о которыхъ рѣчь

впереди. Интриги разбились объ осторожность русского главно-командующаго графа Румянцова, но еще сильнѣе были беспорядки среди татаръ консервативнаго направления, не переносившихъ господства гяуровъ. Въ 1775 г. Сагибъ Герай былъ, изгнанъ, и ханомъ провозглашенъ Девлетъ IV Герай, немедленно признанный султаномъ и продержавшійся въ Крыму года два, когда мы заняты были раздѣломъ Польши. Девлетъ Герай показывалъ видъ, что онъ готовъ ладить съ Россіей, а въ то же время замышлялъ изгнаніе русскихъ изъ Крыма и сносился съ Стамбуломъ, гдѣ въ это время, по интригамъ короля Фридриха II прусскаго, готовились къ новой войнѣ съ Россіей. Въ виду этого графъ Румянцовъ усилилъ свою армію, а затѣмъ устроилъ провозглашеніе на р. Кубани татарами Крымскимъ ханомъ Шагинъ Герая. Поддержаній русскимъ войскомъ подъ начальствомъ князя Прозоровскаго, Шагинъ Герай выгналъ Девлетъ Герая и 21 апрѣля 1777 г. близъ Карасу торжественно, по старымъ обычаямъ, былъ избранъ въ ханы собравшимся татарами народомъ. Выборъ хана былъ будто бы свободный, но при этомъ присутствовали и русскія войска. Султаномъ новый ханъ утвержденъ тогда не былъ.

Шагинъ Герай — послѣдній Крымскій ханъ, поэтому личность его особенно запечатлѣлась въ памяти исторіи; ему даже посвящены специальная изслѣдованія со стороны лицъ, занимавшихся исторіей Крыма. Правду сказать, Шагинъ Герай мало достоинъ такой чести; это былъ по характеру совершенно незначительный государь. Если у него были весьма широкія политическая зятки, это не дѣлаетъ чести его политической проницательности, ибо осуществить ихъ было невозможно. Любопытнѣе всего было его увлечение западо-европейскою культурою, показывающее, какіе значительные успѣхи могла она въ то время сдѣлать въ Крыму. Короче сказать, Шагинъ Герай копировалъ замѣчательнаго государственного человѣка въ духѣ XVIII вѣка, но самъ былъ въ сущности полнымъ ничтожествомъ.

Затѣмъ его была дѣйствительна граціозная: создать татарскую имперію въ тѣхъ предѣлахъ, которые заняты были татарами ордами, и реформировать ее по западно-европейскому образцу; при чемъ онъ думалъ перехитрить и русскихъ, чтобы они, уѣхавши въ его благонадежности, позволили ему дѣйствительно стать независимымъ, и турокъ, чтобы они даже отдали ему свои крѣпости въ южной Россіи; желалъ онъ освободиться и отъ духовнаго суверенитета султана.

Сдѣлавшись ханомъ, Шагинъ Герай объявилъ амнистію, издалъ рядъ манифестовъ относительно государственного устройства,

управлять права грековъ и армянъ съ правами магометанъ, ввель бюрократическое управление, увеличилъ жалованье чиновникамъ, завелъ гвардію, обучавшуюся на иностранный манеръ, съ большой помпой являлся передъ подданными, замостила Бахчисарай, понасстроилъ дворцовъ, гдѣ предавался развлечениямъ, и даже занялся археологіей. Но вся помпа, дворцы и развлечения требовали большихъ денегъ, собираемыхъ съ народа съ большимъ вымогательствомъ; старовѣры косо смотрѣли на права данина христіанамъ; особенно же внушила неудовольствие вводимая ханомъ солдатчина, противъ которой возставалъ и князь Прозоровскій, хотя и по инымъ причинамъ. Уже въ концѣ 1777 г. по всему Крыму разразился страшный бунтъ, при чемъ досталось и христіанамъ; пострадали и русскіе. Узнавъ объ этомъ, бывшій ханъ Селимъ III Герай, заручившись негласною поддеражкой Турціи, попытался захватить Крымъ; по посланный графомъ Румянцевымъ Суворовъ, выведя изъ Крыма большинство армянъ (въ Нахачивань на Дону) и грековъ (въ Мариуполь), занялъ Крымъ и выгналъ Селима. Послѣ долгой дипломатической возни между Россіей и Турціей заключена была въ 1779 г. конвенція, согласная съ договоромъ въ Кучукъ Кайнарджи, которою султанъ призналъ Шагинъ Герая крымскимъ ханомъ, но не далъ ему ни Очакова, ни Бессарабскихъ крѣпостей, ни Кавказа, о чёмъ онъ мечталъ и относительно чего вель переговоры, готовый изъ-за этого отложитьсь отъ Россіи.

Далеко не удовлетворенный получившимися результатами своей политики, Шагинъ Герай тѣмъ съ большей энергией сталъ заниматься культурными преобразованиями. Вместо неудачной гвардіи онъ завелъ два иностранныхъ полка, хлопоталъ объ артиллеріи, чеканилъ монету болѣе благообразную и точную, сходную съ россійской, вызывалъ въ Крымъ лѣсоводовъ, мастеровъ, медиковъ, архитекторовъ, инженеровъ, музыкантовъ и пр., даже устроилъ кабаки, отдавъ ихъ на откупъ. Онъ вель широкія дипломатическія сношенія, все мечтая о громадной татарской имперіи, — и не замѣчалъ, что наступаютъ послѣдніе дни самостоятельности Крыма, вслѣдствіе извѣстнымъ образомъ сложившихся политическихъ условій.

Послѣ осторожнаго и не всегда достаточно смѣлаго графа Н. И. Панина главнымъ сотрудникомъ Императрицы по виѣшинѣ политики стала знаменитый графъ Г. А. Потемкинъ, отличавшійся способностью создавать грандіозные планы и, что всего удивительнѣе, въ значительной степени осуществлять ихъ. Назначенный Новороссійскимъ Генералъ-Губернаторомъ, онъ, какъ извѣстно, сдѣ-

лалъ многое для примѣненія къ этому краю общеимперскихъ порядковъ, въ силу чего уничтожено было и самое Запорожье, слабыя силы которого казались уже неважною помощью русскимъ войскамъ въ случаѣ борьбы съ Крымомъ.

Политика графа Панина опиралась на союзъ съ Пруссіей; теперь мы перешли къ союзу съ Австріей, которая раньше помѣшала нашимъ успѣхамъ на Дунай и при помощи которой мы теперь могли бы наверстать упущенное. Иниціатива этого союза шла отъ Императора Іосифа II, желавшаго заручиться союзомъ съ могущественной уже Россіей для округленія австрійскихъ земель въ Германіи; осуществить эти планы казалось ему нетрудно именно теперь, такъ какъ важнѣйша западно-европейскія государства заняты были съверо-американскими дѣлами. За помощь въ Германіи Императоръ Іосифъ II соглашался не препятствовать Россіи присоединить Крымъ, а при такомъ условіи Турціи опасаться намъ было нечего. Потемкинъ съ тѣмъ большимъ удовольствиемъ схватился за этотъ планъ, что Крымъ все же мѣшалъ развитію принятой имъ широкой колонизаціи Новороссії.

Въ сущности беспорядки, направленные противъ Шагинъ Герая въ Крыму, никогда не прекращались; въ 1782 г. они стали до того сильными, что Шагинъ Герай бѣжалъ въ Еникале, а ханомъ провозглашенъ былъ его дальній родственникъ Бегадыръ Герай. Тогда наступилъ, по мнѣнію Потемкина, подходящій моментъ для подчиненія Крыма; ему удалось убѣдить въ этомъ Императрицу, и 8 Февраля 1783 г. состоялся наконецъ манифестъ о присоединеніи Крыма къ Россійской Имперіи.

Имѣвшій свою партію въ Крыму Шагинъ Герай, не ожидая ничего подобнаго, выступилъ съ войскомъ изъ Еникале и сталъ подавлять бунтъ съ страшнымъ кровопролитіемъ, невообразимо жестоко мстя своимъ врагамъ; въ это время онъ узналъ о манифестѣ; въ первую минуту онъ видимо хотѣлъ сопротивляться и бѣжалъ въ Тамань, чтобы собрать войска; но у него не хватило энергіи, и онъ сдался русскимъ. Его водворили на жительство въ Калугу, откуда отпустили въ Турцію, где его скоро и казнили.

Но Порта не сразу примирилась съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи; она не объявила войны, но было ясно, что ея не избѣжать, и Турція непремѣнно воспользуется первымъ подходящимъ случаемъ. Впрочемъ, не хотѣлъ избѣгать войны и самъ Потемкинъ; она даже входила въ его грандіозные планы; нужно только было къ ней хорошо подготовиться. Потемкинъ ожидалъ, что война эта развернется на Балканскомъ полуостровѣ; въ такомъ случаѣ

Новороссія съ Крымомъ должны были представить тыль арміи, который и нужно было организовать соотвѣтственнымъ образомъ. И великий организаторъ Новороссіи принялъ за дѣло съ удвоенной энергией, распространивъ свою дѣятельность и на Крымъ.

Первый вопросъ былъ — заселеніе Крыма. Часть татаръ осталась здѣсь, но большинство ихъ ушло. Потемкинъ принимаетъ все-возможныя мѣры для привлечения въ Крымъ русскихъ и иностранныхъ поселенцевъ, не останавливаясь передъ покупкою женщинъ и вызовомъ англійскихъ католиковъ. Шедро раздавались крымскія земли помѣщикамъ и преимущественно въ весьма крупномъ размѣрѣ; иностранные принцы получали здѣсь чуть-ли не цѣлыя княжества. Многіе изъ этихъ помѣщиковъ держали свои земли впустѣ; но другіе озабочились колонизовать ихъ. Затѣмъ правительство чрезвычайно хлопотало о развитіи въ Крыму промысловъ (хотя заботы его и не всегда были удачными, напримѣръ относительно устройства чего-либо въ родѣ фарфоровыхъ заводовъ), о постройкѣ городовъ, обѣ устройствѣ пристаней, заведеніи флота и т. д. и т. д.

Крымъ съ прилегающей къ нему съвера татарской же территоріей составилъ Таврическую область, въ которой введенено было почти сходное съ общеимперскимъ устройство; она была разделена на уѣзды съ уѣздными городами, а лежащей въ центрѣ Крыма Акъ-Мечеть, переименованный въ Симферополь, сталъ областнымъ (помимо губернскимъ) городомъ, затушевавъ исторической Бахчисарай. Ахтиаръ, онъ же и Севастополь, сталъ военнымъ портомъ, где собранъ былъ значительный по тому времени флотъ.

Принципы внутренней политики, примѣняемые въ Имперіи, тоже, къ сожалѣнію, нашли себѣ отраженіе и въ Крыму. Крымская аристократія, мурзы, аяны и пр. получили права русскихъ дворянъ и въ томъ числѣ право владѣть населенными имѣніями, а жившіе на ихъ земляхъ поселенцы, связанные лишь договорными отношеніями, причислены были къ категоріи крестьянъ: словомъ, хотя невольничество въ Крыму и уничтожилось, но оно замѣнилось крѣпостничествомъ. Управленіе краемъ передано было въ руки новоиспеченаго привилегированного сословія аналогично тому, что имѣло мѣсто въ русскихъ губерніяхъ.

Разумѣется устроеніе Крыма и приспособленіе его къ обычному строю Имперіи было дѣломъ не одного Потемкина, но и его сотрудниковъ: Каховского, Тутолмина, Жегулина и многихъ иныхъ, менѣе важныхъ; но всѣ эти лица были въ сущности агентами Потемкина, исполнителями его программы, хотя исполнителями

сознательными, воодушевленными той идеей, что имъ приходится служить дѣлу первостепенной важности для своего государства.

Считаю не безъинтереснымъ указаніе, сдѣланное мнѣ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи Крыма, что при Императрицѣ Екатеринѣ II страна эта была такъ изучаема въ научномъ, даже историко-археологическомъ отношеніи, какъ не озабочились, къ со- жалѣнію, изучать ее впослѣдствіи. Уже печатныя изданія от- части доказываютъ это, но лицо, о которомъ я говорю, имѣло слу- чай познакомиться съ многочисленными картами Крыма и запис- ками, хранящимися въ различныхъ С.-Петербургскихъ архивахъ, и тамъ получило столь благогріятное для конца XVIII вѣка за- ключеніе.

По всей вѣроятности, Потемкинъ былъ доволенъ результатами своей организаторской дѣятельности, если съ одной стороны на- ставивъ на войнѣ съ Турцией, чтобы осуществить свой греческій проектъ, а съ другой — рѣшился показать Крымъ самой Императрицѣ.

Несомнѣнно, что и Екатерина II желала осмотрѣть Новорос- сію и Крымъ, чтобы убѣдиться въ томъ, о чёмъ ей сообщалъ Потемкинъ и относительно чего при Дворѣ господствовало большое сомнѣніе. Желалъ сдѣлать такой осмотръ и императоръ Іосифъ II раньше, чѣмъ начать войну съ турками. Не достигши ничего въ Германіи, онъ соглашался вести въ союзѣ съ Россіей войну съ Турцией, чтобы отнять отъ нея земли, прилегающія къ австрій- скимъ и населенными славянами. У Потемкина же были и болѣе широкія задачи: изгнаніе турокъ изъ Европы, возстановленіе Ви- зантійской имперіи съ русскимъ царевичемъ во главѣ и, зато, присоединеніе къ Россіи дунайскихъ княжествъ, если не больше...

Не стану говорить здѣсь о знаменитомъ путешествіи Импе- ратрицы Екатерины II въ 1787 г.; оно достаточно извѣстно. Много было въ этомъ путешествіи театрального, бывшаго исклю- чительно на эффеクトѣ; но не сомнѣваюсь, что Екатерина, хоть и любившая подобные эффеクトы, сумѣла оцѣнить истинныя заслуги Потемкина; оцѣнилъ результаты его трудовъ и импера- торъ Іосифъ, котораго нельзѧ было подкупить эффеектами и кото- рый, какъ это видно изъ его перениски, былъ очень вниматель- нымъ и тонкимъ наблюдателемъ.

Поѣзда Императрицы Екатерины по Крыму была фееричною; необычная обстановка при перѣѣздѣ къ Перекопу, поэтическое пребываніе въ Бахчисараѣ, эффеクトная сцена съ флотомъ въ Се- вастополѣ, волшебныя картины южнаго берега и т. д. — все это про-

извело на путешественниковъ чарующее впечатлѣніе. Но помимо того путешествіе 1787 г. дало и болѣе важные результаты.

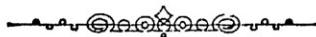
Какъ я уже сказалъ, Екатерина оцѣнила и важность сдѣланнаго пріобрѣтенія и труды Потемкина по его организаціи, и титулъ князя Таврическаго былъ признаніемъ этого. Западная Европа, въ лицѣ участвовавшихъ въ поѣздкѣ знатныхъ иностранцевъ, тоже убѣдилась въ томъ, насколько цѣны были пріобрѣтенія Россіи и насколько во время царствованія Екатерины возрасло могущество Россіи. Для Крыма же появленіе Императрицы было эрою. Екатерина Падишахъ, предъ силою которой уничтожились ханы, которая ослѣпляла своимъ величиемъ и пышностью, приблизилась къ своему новому народу, была среди его, довѣрилась ему, заботилась о немъ. Такая политика сильнѣе всякихъ военныхъ силъ дѣйствуетъ на вѣрноподданническія чувства населенія.

Въ Турціи поняли значеніе путешествія Екатерины и начали войну, не дожидаясь, пока ее объявлять Россія и Австрія. Война эта мало коснулась Крыма; Турція послѣдовательно выслала въ Крымъ трехъ хановъ изъ той же династіи Гераевъ, пробовала предить Россіи со стороны Кавказа, но все это имѣло незначительный характеръ, сравнительно съ дѣйствіями на Дунаѣ, прославившими Суворова. Результаты же второй турецкой войны оказались совсѣмъ маловажными, такъ какъ сперва смерть Іосифа II и начавшаяся во Франціи революція отвлекли Австрію отъ Балканскихъ дѣлъ, а затѣмъ события въ Польшѣ заставили и Россію удовольствоваться по Ясскому миру съ Турціею въ 1792 г. очень небольшими территориальными пріобрѣтеніями. Признала, наконецъ, Порта и подчиненіе Крыма Россіи, что уже не имѣло значенія; между тѣмъ какъ пріобрѣтеніе Крыма въ свое время, по Кучукъ-Кайнарджійскому миру, могло бы помочь намъ вытребовать при заключеніи Ясского мира что-либо и болѣе существенное.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II въ Крыму не происходило какихъ-либо событий выдающагося интереса. Скончался князь Потемкинъ; смѣнившій его князь Зубовъ мало интересовался Крымомъ; происходили важныя события въ Польшѣ, окончившіяся ея раздѣлами, а затѣмъ скончалась и Императрица. Тѣмъ не менѣе и въ эти годы безостановочно продолжалась русификація Крыма и введеніе въ него обще-руssкаго строя; результаты были таковы, что черезъ какіе либо 12 лѣтъ со времени своего присоединенія къ Россіи Крымъ сталъ вполнѣ русскою провинціей. Столь положительный результатъ явился, безъ сомнѣнія, следствиемъ того подъема общественнаго самосознанія, какое имѣло мѣсто

въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ культурномъ классѣ ея, при Императорицѣ Екатеринѣ, умѣвшей поручать важныя дѣла людямъ полнымъ инициативы и способныхъ къ настойчивой и энергичной работе. Таковъ былъ Потемкинъ, таковы были и его сотрудники, которымъ Крымъ обязанъ тѣмъ, что сталъ Россіей.

Алексѣй Маркевичъ.

ЮЖНАЯ РОССИЯ на X Археологическомъ съездѣ въ г. Ригѣ.

Знаменитые учредители русскихъ археологическихъ съездовъ графъ А. С. Уваровъ и Н. В. Калачовъ желали главнымъ образомъ придать имъ значение пересмотра того, что въ теченіе извѣстнаго періода времени сдѣлано археологическою наукой. И нельзя не признать такую задачу для съездовъ вполнѣ консеквентною. Разумѣется, нѣкоторая случайность въ пріѣздѣ археологовъ давала ограничение этой задачѣ, но и съѣхавшихся бывало достаточно, чтобы при ихъ посредствѣ знать (если кто этимъ интересуется), чѣмъ занято было за промежуточное между съездами время извѣстное ученое общество или отдельное лицо, и надѣ чѣмъ они трудятся во время съезда. Такой характеръ имѣли преимущественно первые съезды—Московскій и Петербургскій.

Но уже съ III Киевскаго съезда выдвигаются на сцену иныя задачи для съездовъ—ознакомленіе съ мѣстною археологіею и, главное, пробужденіе въ извѣстной мѣстности археологическаго интереса, организація мѣстныхъ археологическихъ силъ. Киевскій съездъ далъ въ этомъ отношеніи особенно блестящіе результаты; но и всѣ послѣдующіе съезды тоже были чрезвычайно полезны для оживленія мѣстной археологической науки.

Такой характеръ съездовъ дѣлаетъ ихъ, пожалуй, болѣе интересными. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ ученые, которые составили главный контингентъ первыхъ археологическихъ съездовъ, напр Соловьевъ, Костомаровъ, Буслаевъ, Тихонравовъ и т. д., всегда нашли бы способъ познакомить интересующихся со своими работами; статьи Григоровича или Срезневскаго все равно были бы опубликованы, если бы и не были прочтены на съездахъ. Тогда какъ на послѣдующихъ съездахъ появлялось множество провинциальныхъ работниковъ, не безъ страха сообщавшихъ рефераты по мѣстной исторіи, этнографіи, литературѣ, которые, по всей вѣроятности, иначе и не увидѣли бы свѣта Божьяго; между тѣмъ здѣсь было много важнаго и интереснаго; нужно было только бережно обхо-

диться съ мѣстными авторами, замѣнявшими часто недостатокъ серьезнаго научнаго образованія упорнымъ и продолжительнымъ трудомъ. Покойный гр. Уваровъ отличался въ этомъ отношеніи большимъ тактомъ; онъ умѣлъ приурочить дикаго провинціала, ободрить его и до того втянуть въ научную работу, что тотъ уже навсегда сохранялъ вкусъ къ ней. Такимъ образомъ всякий съѣздъ давалъ сильный толчокъ послѣдующей мѣстной работѣ.

Два послѣдніе археологическіе съѣзда, въ Вильнѣ и Ригѣ, присоединили къ прежнимъ еще и новыя культурныя задачи, но мнѣ нѣтъ цѣли на нихъ останавливаться.

На X съѣздѣ мѣстные археологическіе интересы представлены были весьма сильно, какъ мѣстными, такъ и пріѣзжими учеными; достаточно назвать знаменитаго Вирхова, который прочелъ блестящій рефератъ о древнѣйшихъ жителяхъ Ливоніи. Но и скромные русскіе ученые, которые мало занимались исторіей или археологіей Прибалтійскаго края, все же старались какъ либо въ своихъ рефератахъ коснуться этой области; такъ поступилъ, напримѣръ, проф. Н. И. Петровъ, о рефератѣ котораго я буду говорить далѣе; такъ поступилъ и я, ибо представить специальнаго реферата по археологіи Прибалтійскаго края не могъ, ею вовсе не занимавшись.

Я чрезвычайно благодаренъ X съѣзду за тѣ знанія, которыя онъ мнѣ далъ, но долженъ признаться, что, какъ старый членъ съѣздовъ, я больше интересуюсь на съѣздахъ выясненіемъ для себя, чѣмъ въ данное время заняты интересующіе меня ученые и что совершается въ области, наиболѣе меня занимающей въ исторіи Южной Россіи; за этимъ я, кажется, внимательно слѣдилъ на X съѣздѣ, и вотъ какіе получились результаты.

Территорія Южной Россіи осталась незатронутою. Можно указать, пожалуй, лишь на рефератъ варшавскаго проф. И. П. Филевича: „Нѣсколько замѣтокъ по поводу разработки географической номенклатуры“, такъ какъ подъ общою фирмой здѣсь скрывался вопросъ, очень важный для исторіи Южной Россіи. Профессоръ Филевичъ указывалъ на необычайную важность изученія „языка земли“, и настаивалъ на строго систематическомъ и полномъ собираніи и затѣмъ разработкѣ повсемѣстныхъ названій уроцищъ; помимо общаго научнаго интереса этимъ путемъ опредѣлились бы мѣстности, первоначально занятыя русскимъ племенемъ, т. е. Прикарпатье и страны къ нему прилежащи, и въ томъ числѣ равнины, простирающіяся на югъ до р. Дуная и Чернаго моря. Какъ ни справедливы были соображенія референта, но его требованія, кажется, прямо

неосуществимы, въ виду той бесконечной массы урочищъ, какую пришлось бы зарегиcтровывать; поэтому приходится предоставить это дѣло, какъ и иныѣ, частной инициативѣ и добровольной работѣ.

О народахъ, издревле обитавшихъ въ Южной Россіи, тоже сообщено было немногое. Такъ относительно народностей, наукою совершиенно неопределенныхъ, представленъ былъ лишь въ сущности одинъ рефератъ киевскаго профессора В. Б. Антоновича: „Памятники каменного века, найденные въ г. Киевѣ въ течение 3-хъ послѣднихъ летъ“. Сдѣлавъ раскопки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гор. Киева, референтъ при помощи геологовъ опредѣлилъ здѣсь существование 3-хъ наслоеній: сперва жили люди палеолитической эпохи, затѣмъ неолитической эпохи; о жителяхъ третьяго наслоенія я скажу нѣсколько далѣе, такъ какъ попытка ихъ болѣе точнаго определенія представляется уже возможною.

Въ другомъ рефератѣ проф. Антоновича о городищахъ (см. далѣе) упоманаются о такъ наз. городищахъ майданахъ, принадлежность которыхъ какой-либо народности тоже еще не опредѣлена; но, во всякомъ случаѣ, ихъ можно отнести къ болѣе позднему (напр. такъ наз. скиескому) времени. Къ еще болѣе поздней эпохѣ, можетъ быть тюркской или монгольской, но безъ опредѣленія національности, относятся каменные бабы, о которыхъ были доставлены рефератъ Д. Смирнова, за недостаткомъ времени недоделанный; по онъ вѣроятно будетъ напечатанъ въ трудахъ съѣзда.

Если обратиться затѣмъ къ археологіи народностей уже съ именнымъ обозначеніемъ, то и здѣсь число рефератовъ было не особенно многочисленно. Такъ киммеріанамъ не было посвящено ни одного доклада, однако о нихъ упоминалось на съѣздѣ. Киевский проф. Ю. А. Кулаковскій въ сообщеніи о своихъ раскопкахъ крымскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г. на югъ отъ Бахчисарая, между нижнимъ теченіемъ рѣкъ Каchi и Бельбека, охарактеризовалъ встрѣчающіеся здѣсь (и хорошо известные всѣмъ раскопывателямъ кургановъ) 2 типа погребеній, впрочемъ довольно сходные, наиболѣе рѣзкою примѣтой которыхъ служить окрашиваніе костяка; такие типы погребеній, какъ известно, подымаются и далеко на сѣверъ, въ глубь Россіи. Проф. Кулаковскій предлагалъ установить за этими типами название киммерійскихъ, прямо лишь какъ терминъ, во избѣженіе употребленія описательныхъ выражений; но само собою понятно, примѣненіе въ данномъ случаѣ такого термина прикрываетъ собою гипотезу, что костяки этого погребенія скорѣе всего принадлежать киммерійцамъ. Что такая гипотеза возможна, видно уже изъ того, что, независимо отъ

проф. Кулаковского, ее высказалъ и членъ Императорской Археологической Комиссии г. Спицынъ въ преніяхъ по поводу реферата проф. Мищенка (см. сейчасъ же); по его мнѣнию, курганы извѣстного типа, распространенные отъ Крыма, Кавказа и Астрахани до Курска и Саратова, принадлежать киммерийцамъ.

Вопросу о скиюахъ тоже не было посвящено специального реферата, но обширный докладъ казанского профессора Ф. Г. Мищенко имѣлъ въ виду извѣстія Геродота о вѣ-скиюскихъ земляхъ Россіи, и поэтому долженъ былъ коснуться и скиевъ. Профессоръ Мищенко предпринялъ новую варіацію разселенія упоминаемыхъ Геродотомъ племенъ, при чемъ наиболѣе отдаленные изъ таковыхъ вынесены въ Туркестанъ и даже за предѣлы нынѣшнихъ русскихъ владѣній. Чтобы судить объ основательности новой теоріи, необходимо дождаться ея опубликованія въ печати со всѣми деталями; но признаюсь, что при всемъ уваженіи къ почтенному референту, специально работавшему надъ извѣстіями Геродота о племенахъ, обитавшихъ въ нынѣшней Россіи, мнѣ ужасно трудно примириться съ его теоріей, хотя бы уже вслѣдствіе отдаленности тѣхъ земель, куда помѣщены имъ эти племена и куда однако съ трудомъ, даже въ настоящее время, проникаютъ люди съ помощью всѣхъ успѣховъ цивилизациі. И самые аргументы уважаемаго профессора показались мнѣ, при бѣгломъ слушаніи, недостаточно убѣдительными съ точки зрѣнія современной исторической критики.

Рефератъ профессора Мищенка вызвалъ много споровъ, которые снова возникли и послѣ прочтенія реферата профессоромъ Мальмбергомъ (см. далѣе), когда профессоръ Мищенко сообщилъ нѣсколько соображеній по поводу скиевъ; въ преніяхъ принялъ участіе и Д. И. Иловайскій; но всѣ эти споры были повтореніемъ уже извѣстныхъ въ наукѣ аргументовъ и новаго ничего въ археологію Скиюи не внесли.

Какое-то небольшое замѣчаніе о скиюскихъ могилахъ еще сдѣлано было профессоромъ Кулаковскимъ въ томъ рефератѣ, о которомъ я упоминалъ; но въ протоколахъ съѣзда оно изложено очень неясно, а мнѣ измѣнила память; во всякомъ случаѣ рефератъ профессора Кулаковского будетъ напечатанъ.

Какъ рефератъ профессора Мищенка, такъ и споры по поводу его коснулись и эллино-варварскаго міра на берегахъ Чернаго моря; но и здѣсь получились результаты, аналогичные „скиюскимъ“.

Классическая археология южной Россіи дала всего одинъ рефератъ, но весьма важный по своему группирующему характеру,

ибо при обычномъ у насть накоплениі массы археологическихъ даннныхъ, попытки ихъ группировки, особенно строго научной, представляются не только рѣдкими, но, можно сказать, исключительными. Рефератъ, о которомъ я говорю, принадлежитъ юрьевскому профессору Мальмбергу: „Время и место греческихъ и греко-варварскихъ издѣлій, найденныхъ въ Южной Россіи“. Референтъ обратилъ внимание на двѣ группы предметовъ; украшенія изъ благородныхъ металловъ и расписныя вазы. Первыя, по мнѣнію профессора Мальмберга, принадлежали скиѳскимъ царямъ и вообще знатнымъ лицамъ, вторыя — эллинскимъ колонистамъ. Украшенія, по времени, проф. Мальмбергъ относить къ IV вѣку до Р. Х. и мѣстомъ ихъ происхожденія считаетъ Малую Азію, хотя греческими мастерами дѣлались по ихъ образцу и мѣстныя издѣлія, напримѣръ знаменитая чертомлыцкая и куль-обская вазы; расписныя же вазы аттическаго происхожденія, хотя встречаются и родосскія. Изъ Малой же Азіи доставлены и двѣ бронзовыя вещи конца V вѣка: Гортона, найденная въ 1882 г. въ Херсонской губерніи, бывшая сперва въ музѣѣ Елисаветградскаго реального училища и теперь поступившая въ Эрмитажъ, и женская статуэтка, найденная въ 1896 году около Херсонеса, изображеніе которой недавно опубликовано въ Запискахъ Одесского Общества Истории и Древностей.

Прибавлю, пожалуй, что въ рефератѣ профессора Багалля о Харьковскомъ университѣтѣ (см. далѣе) упоминается о 3-хъ фактахъ изъ его исторіи, имѣющихъ отношеніе къ классической археології: объ экскурсіи профессора Рижскаго въ Ольвію, о древнемъ камнѣ съ надписью, изслѣдованною профессоромъ Роммелемъ, и о бронзовой статуэткѣ, найденной въ Полтавской губерніи и описанной г. Бѣлецкимъ-Носенкомъ. Всѣ эти факты уже полузаѣты, малоизвѣстны, и о нихъ слѣдовало бы напомнить въ печати обстоятельнѣе, что, вѣроятно, и сдѣлаетъ профессоръ Багалль въ своей исторіи Харьковскаго университета.

Особнякомъ стоитъ чрезвычайно интересный рефератъ профессора Новороссійскаго университета Э. Р. фонъ Штерна: *О поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи*. Эти поддѣлки представляютъ, какъ извѣстно, большой вопросъ нынѣшняго времени, и объ нихъ существуетъ уже значительная литература; поддѣлываются и надписи, терракотты, а пуще всего, понятно, золотыя вещи, пріобрѣтаемыя не только коллекціонерами, но и музеями, и иногда за громадную цѣну; такъ за пресловутую ольвійскую корону царя Сайтафарна Парижскій музей (директоромъ которого извѣстный ученый Рейнахъ) заплатилъ 200000 франковъ. Акаде-

микъ Латышевъ посвятилъ не мало труда разоблачению поддѣльныхъ надписей. Теперь же профессоръ Штернъ произвелъ, можно сказать, цѣлое разслѣдованіе насчетъ издѣлій изъ золота; онъ указалъ даже ту одесскую мастерскую, гдѣ они фабрикуются, опредѣлилъ степень знаній поддѣльвателя, пути распространенія поддѣлокъ и пр. Остается пожелать, чтобы рефератъ профессора Штерна былъ напечатанъ какъ можно скорѣе (и на иностраннѣхъ языкахъ), равно какъ и то циркулярное сообщеніе, на главныхъ европейскихъ языкахъ, которое, по его инициативѣ, будетъ опубликовано стѣздомъ въ общихъ и специальнѣ археологическихъ изданіяхъ,—ибо, насколько известно по газетамъ, ловкія поддѣлки вещей благополучно продолжаются и по настоящее время и даже бываютъ предметомъ судебнаго разбирательства.

Византійская эпоха въ Крыму была затронута лишь при спорахъ о происхожденіи христіанства на Дону (см. далѣе); было указаніе на г. Корсунь и тамошняго священника Евстафія, но относящееся къ XII вѣку и сомнительное (см. далѣе).

Эпоха великаго переселенія народовъ тоже осталась незатронутой, если не считать летучаго указанія профессора Кулаковскаго, что христіанство на Дону могло распространиться отъ аланъ, и рефера знаменитаго кенигсбергскаго профессора Бецценбергера о Гудахъ, въ которыхъ онъ отказался видѣть готовъ, какъ это раньше предполагалось.

Обращаясь къ славянскимъ древностямъ, я пропускаю рефера ты слишкомъ общаго характера, напримѣръ г-жи Ефименко: „*Обз археическихъ формахъ землевладнія у германцевъ и славянъ*“ (на основаніи новаго и важнаго труда Мейцена), хотя здѣсь и могли быть приведены весьма любопытныя параллели, и перехожу къ рефератамъ чисто археологическимъ.

Профессоръ Антоновичъ раскопалъ въ г. Киевѣ, сверху указанныхъ уже поселеній людей каменнаго періода, старое славянское кладбище, которое и описалъ, осторожно избѣгая выводовъ и отмѣчая лишь особенности, не встрѣчавшіяся ему въ другихъ слу чаяхъ; разъяснить ихъ онъ не могъ, и онъ такъ и остались въ видѣ загадки.

Больше решительными были другіе изслѣдователи. Такъ Н. Е. Бранденбургъ въ рефератѣ: „*Какому племени могутъ быть принадлежать эти изъ языческихъ могилъ Кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остатки убитыхъ лошадей?*“?—вы сказали гипотезу, что такимъ племенемъ были печенѣги, тогда какъ

раньше профессоръ Антоновичъ считалъ эти могилы полянскими. Въ возникшемъ послѣ реферата жаркомъ спорѣ, при чёмъ иные ученые предлагали гипотезы о половецкомъ, яссскомъ, аланскомъ и т. п. происхождении могиль, обнаружилось, какъ и слѣдовало ожидать при нынѣшнемъ состояніи археологіи, что вопросъ разрѣшенъ быть не можетъ и всѣ гипотезы имѣютъ право на вниманіе.

Но если Н. Е. Бранденбургъ, очень извѣстный археологъ, высказалъ предположеніе, основанное на недостаточныхъ данныхъ, то по крайней мѣрѣ таковыя дѣйствительно могли быть истолкованы имъ консеквентнымъ образомъ. Иное дѣло г. Хайновскій, сообщившій рефератъ „*О курганахъ окрестностей г. Канева Киевской губерніи*“. Очень счастливый разыскатель древностей, обладающій недурнымъ музеемъ, важнѣйшия предметы изъ котораго имъ прекрасно изданы, г. Хайновскій большой фантазерь въ истолкованіи такихъ предметовъ; напримѣръ, онъ нашелъ „богатый конскій уборъ вендскаго жреца III вѣка“ и т. п. Само собою понятно, что его можно благодарить за собраніе и опубликованіе вещей, повидимому, дѣйствительно относящихся преимущественно къ древне-русскому быту; но считаться съ его объясненіями не-обязательно.

Пропускаю рефератъ г. Якубова, изложившаго соображенія гельсингфорского профессора Крона: „*О норманскомъ происхождении имени Русь*“, какъ мало для меня интересный. Не остановлюсь и на обширномъ рефератѣ юрьевскаго профессора А. С. Будиловича: „*О задачахъ славяно-русской археологии по отношению къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгрии*“, ибо это только рядъ указаний на тѣ вопросы, которые могутъ быть решены, если будетъ направлена въ Венгрию русская ученая экспедиція, — фактическихъ же указаній въ рефератѣ неть,— и перехожу къ отмѣченому уже очень важному реферату профессора Антоновича о городищахъ.

Рефератъ этотъ тоже имѣеть группирующій характеръ, такъ и называемъ: „*Попытка группировки городищъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ рѣки Днѣпра*“. Устанавливаетъ профессоръ 4 типа этихъ городищъ: 1) такъ называемые майданы, принадлежность которыхъ къ извѣстному племени или извѣстной эпохѣ не разъяснена (см. выше) и которыя, по мнѣнію иѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ археологовъ, служили, кажется, охотничимъ цѣлямъ; 2) славянскія городища, характеризуемыя очертаніями циркульныхъ формъ; 3) городища великокняжеской эпохи, въ которыхъ видно гораздо большее умѣніе приспособиться къ мѣстности съ цѣлью

защиты, и 4) литовскія, о которыхъ скажу далѣе, упомянувъ лишь полноты рады, что примѣтою ихъ являются роидели, вызванные употребленiemъ уже артиллери. Положенія свои знаменитый археологъ иллюстрировалъ многочисленными и убѣдительными примѣрами.

Кромѣ этого реферата велиокняжескую эпоху затронули и еще нѣкоторые, но по очень частнымъ вопросамъ. Такъ профессоръ Кіевской духовной академіи Н. И. Петровъ въ рефератѣ „*Сказание о перенесении образа Св. Николая Зарайского изъ Корсуня черезъ Ригу въ Зарайскъ въ 1224—1225 г.*“ опровергалъ возможность такого перенесенія, ибо образа Св. Николая въ Корсунѣ еще не могло быть; референтъ допускалъ перенесеніе образа прямо изъ Кіева въ Зарайскъ; во всякомъ случаѣ въ этомъ сказаніи, хотя и чисто литературномъ памятникъ, находятся не безъ-интересныя указанія на нѣкоторые древнерусскіе пути.

Г. Звѣревъ въ рефератѣ „*Слѣды христіанства на Дону въ до-Монгольский периодъ*“ приводилъ въ доказательство не прямыхъ данныхъ, а скорѣе косвенныхъ: сосѣдство съ странами, издавна христіанскими, позднѣйшія показанія, отъ которыхъ можно отчасти заключать къ прошлому, и, что представлялось новинкою, недавнее нахожденіе въ Придоньи крестиковъ вмѣстѣ съ предметами быта до-христіанского. Откуда проникло христіанство на Донъ, референтъ не высказался рѣшительно, но подчеркнулъ указаніе профессора Голубинскаго на зависимость Дона отъ Черниговской епархіи. Профессоръ Кулаковскій, какъ я упомянулъ уже, считалъ возможнымъ, что христіанство проникло на Донъ отъ аланъ изъ Прикавказья.

Указанія изъ велиокняжеской эпохи въ рефератахъ о городахъ Пинскѣ и Каменцѣ (см. далѣе) были маловажны. Къ сожалѣнію, очень интересный рефератъ с.-петербургскаго профессора А. И. Соболевскаго: „*Какой народъ жилъ на юге Галицкаго княжества въ концѣ XIII вѣка?*“ не былъ прочитанъ за непредвидѣннымъ отъѣздомъ референта. Конечно, можно было бы высказать нѣсколько догадокъ на основаніи послѣднихъ трудовъ профессора Соболевскаго, но нѣть цѣли, ибо статья его, безъ сомнѣнія, вскорѣ будетъ напечатана.

Рефератъ профессора Новороссійскаго университета А. И. Кирничникова „*Къ литературной истории русскихъ лѣтописныхъ сказаний*“ составленъ былъ по напечатанной еще въ 1878 г., но только нынѣ опубликованной книгѣ Гилярова (уже покойнаго) „*Преданія русской начальной лѣтописи*“. Профессоръ Кирнични-

ковъ именно желалъ обратить вниманіе съѣзда на этотъ интересный трудъ. Хотя онъ и приводилъ сказанія о древнерусскихъ князьяхъ, но исключительно легендарныя и очень позднія, находящіяся въ лѣтописныхъ сводахъ Сѣверо-Восточной Руси, такъ что здѣсь говорить о нихъ нѣтъ основанія.

Вообще нужно сказать, что о рефератахъ литературнаго характера говорить при столь бѣгломъ изложеніи затруднительно; всякий изъ нихъ можетъ быть сопоставленъ съ другими, напримѣръ въ данномъ случаѣ съ южно-русскими, могутъ быть сдѣланы и болѣе широкія параллели, а это завело бы рецензента слишкомъ далеко.

Къ литовско-польскому періоду относится указанный уже рефератъ профессора Антоновича о городищахъ, гдѣ описаны и литовскія. Я бы не возвращался къ этому вопросу, если бы профессоръ Антоновичъ въ примѣръ такого городища не привелъ г. Карапулъ, который представляетъ тотъ специальный интересъ, что въ актахъ XV - XVI вѣка упоминается всегда вмѣстѣ съ Качибемъ и Маяками. Въ виду этого все историки г. Качибая, и я въ томъ числѣ, полагали, что г. Карапулъ находится гдѣ-то въ нижнемъ Поднѣстровьи; но профессоръ Антоновичъ на съѣздѣ указалъ, что г. Карапулъ находился возлѣ нынѣшняго м. Рашкова (Каменецъ-Подольской губерніи, Ольгонольского уѣзда), т. е. на разстояніи верстъ около 200 отъ Маяка и 250 отъ Качибая (Одессы). Мнеъ трудно было повѣрить этому, но профессоръ Антоновичъ сказалъ мнѣ, что у него имѣются положительныя данныя. И точно; въ октябрьской книжкѣ Киевской Старинѣ 1896 г. (стр. 9 - 12) напечатанъ актъ, не оставляющій сомнѣнія въ томъ, что Рашковъ выстроился у бывшаго г. Карапула. Въ виду всего этого, можно бы сдѣлать весьма вѣроятное предположеніе, не было ли двухъ Карапуловъ, подобно тому какъ было два Качибая: одинъ въ Подолії, въ среднемъ Приднѣстровьи, другой въ нижнемъ Приднѣстровьи? И дѣйствительно, въ Подольской губерніи, на берегу реки Днѣстра, находится большое село Троицкое, въ 72 верстахъ отъ Одессы (Качибая) и въ 25 верстахъ отъ Маяковъ, а вблизи его озеро Карапулъ. (Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, томъ XIX, смѣсь, стр. 5). Это название, а также обилие находящихся вблизи с. Троицкаго большихъ кургановъ дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ мое предположеніе, что именно здѣсь былъ также г. Карапулъ. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о Карапулѣ нуждается въ пересмотрѣ.

Рефератъ г. Милэвидова „Церковно-археологические памятники г. Пинска“ былъ слишкомъ конспективенъ, но и при этомъ условіи можно было замѣтить, что въ г. Пинскѣ еще сохранились малоизвѣстные памятники времени литовско-польского владычества. Наоборотъ рефератъ о. Паевскаго „Каменецъ Литовской и его древніе храмы“ хотя и былъ очень обширенъ, но повторялъ свѣдѣнія уже достаточно извѣстныя, и лишь въ концѣ его было нѣсколько новыхъ указаний, напримѣръ на одну изъ грамотъ митрополита Петра Могилы. Заявленье было еще рефератъ о г. Луцкѣ Н. И. Теодоровича, но доложенъ че былъ, и это очень жаль, такъ какъ авторъ извѣстенъ работами по церковной исторіи Волыни.

Обширный рефератъ юрьевскаго проф. Пѣтухова „О слѣдахъ непосредственнаго вліянія немецкой литературы на древне-русскую“ не затронулъ литературы Юго-западной Россіи, хотя это было вполнѣ возможно, что сейчасъ же и было указано проф. Завитневичемъ. Второй рефератъ проф. Пѣтухова — о Псково-Печерскомъ монастырѣ хотя и коснулся такихъ лицъ, какъ кн. Курбскій и игуменъ Троицко-Сергіева монастыря Артемій, дѣятельность которыхъ имѣла мѣсто и въ Юго-западной Руси, но далъ слишкомъ мало указаній.

Для исторіи спеціально Малороссіи, кромѣ реферата проф. Антоновича о городищахъ, гдѣ описывались такія городища, какъ Кодацкое, можетъ быть указанъ лишь одинъ рефератъ харьковскаго проф. Д. И. Багалѣя „О магдебургскомъ правѣ въ лѣвобережной Малороссії“. Собственно исторія магдебургскаго права въ Южной Руси достаточно разработана, но почти исключительно въ право-бережной Малороссіи, такъ что будущій трудъ проф. Багалѣя, познакомившаго лишь съ его очеркомъ, явится не маловажнымъ дополненіемъ; уже по этому очерку можно было познакомиться съ строемъ лѣвобережныхъ городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, ходомъ дѣлъ въ нихъ, паденіемъ здѣсь магдебургскаго права и т. д. По поводу этого реферата одесский ученый А. В. Лонгиновъ предполагалъ сдѣлать нѣкоторая дополненія, но, повидимому, не успѣлъ.

Упомянемъ еще и превосходный рефератъ С. А. Бѣлокурова о Крижаничѣ, авторъ котораго выяснилъ вѣкоторые детали его пребыванія въ западной Россіи и въ Малороссіи.

Обыкновенно гранью, которою заканчивается для насъ время археологического изслѣдованія, является XVII в.; но для памятниковъ искусства дѣлается исключеніе; благодаря этому былъ представленъ прекрасный рефератъ М. П. Истомина: „Къ исторіи живописи въ Киево-Печерской Лаврѣ“. Рѣчь шла о XVIII в. Впрочемъ,

говоря о руководствахъ по живописи, здѣсь практиковавшихся (*Kunstbuch'ахъ*), авторъ коснулся и XVII вѣка. Вопросъ о живописи Киево-Печерской Лавры имѣеть и современный интересъ, въ виду того обновленія ея, которое предпринято было въ послѣднее время.

Послѣдній рефератъ, который слѣдуетъ отмѣтить, — пр. Багалѣя: „*Роль Харьковского университета въ дѣлѣ изученія древностей*“, авторъ которого имѣлъ въ виду значеніе для археологіи письменныхъ указаній относительно памятниковъ ея и необходимость систематизаціи такихъ указаній, въ доказательство чего приведены были тѣ примѣры (проф. Рижскаго, Ромеля и Бѣлецкаго-Носенка), о которыхъ я уже упомянулъ выше.

Вотъ и все то, что на X археологическомъ съездѣ въ Ригѣ такъ или иначе относилось къ исторіи Южной Россіи. Немного, но если припомнить, что съездъ имѣлъ преимущественно мѣстное значеніе, то нельзя не сказать, что и для исторіи Южной Россіи сдѣлано было имъ не мало, едва-ли не больше, чѣмъ можно было ожидать. Это объясняется, мнѣ кажется, тѣмъ, что на съездѣ въ Ригу, какъ и вообще на послѣдніе археологические съезды, явилось очень много профессоровъ и ученыхъ съ юга Россіи: изъ Одессы, Киева и пр. (или жившихъ тамъ раньше), въ работахъ которыхъ естественно преобладаетъ мѣстный колоритъ.

Хоть это и выходитъ за предѣлы моей задачи, не могу не отмѣтить, не входя въ подробности, той громадной роли, которую сыграли на X археологическомъ съездѣ рефераты, вызванные дѣятельностью Русскаго Археологическаго Института въ Константино полѣ. Это еще не Южная Россія, но все же мѣстность, къ ней наиболѣе близкая. Южная Россія была тою страною, черезъ которую шли сношенія Руси съ Царьградомъ и Стамбуломъ, и, наконецъ, вся предшествующая выдающаяся научная дѣятельность главнаго работника Института Т. И. Успенскаго прошла на югѣ Россіи, принадлежала Новороссійскому университету, при энергичномъ содѣйствіи которого организовался и самий Институтъ.

Алексѣй Маркевичъ.

ГЕНУЭЗСКО-ТАТАРСКІЯ МОНЕТЫ

ГОРОДА КАФФЫ.

Я напомню лишь въ иѣсколькихъ словахъ главнѣйшіе моменты исторической жизни древней Каффи во времена генуэзскаго владычества, рекомендую вниманію читателей, интересующихся подробнѣстями этой эпохи, извѣстные труды Мурзакевича¹⁾, Кене²⁾ и Виноградова³⁾.

Сдѣлавшись, около половины XIII-го вѣка, колоніей генуэской республики, Каффа въ 1318 г. была уже такимъ цвѣтущимъ и многолюднымъ городомъ, что римскій папа Іоанъ XII учредилъ особенную Каффскую епархію; въ 1453 г., послѣ взятія Константиноپоля Турками, она перешла изъ владѣнія республики во владѣніе банка Святаго Георгія и наконецъ въ 1475 г. была отнята Турками у Генуэзцевъ навсегда.

И такъ владычество Генуэзцевъ въ Каффѣ продолжалось болѣе двухсотъ лѣтъ, и болѣе полтораста лѣтъ Каффа была цвѣтущимъ торговымъ центромъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Не смотря на это, монеты изъ періода генуэзскаго владычества принадлежатъ большою частію къ нумизматическимъ рѣдкостямъ. Заслуга первого изданія генуэзско-татарскихъ монетъ принадлежить извѣстному оріенталисту Френу, который въ своеї знаменитой „Recensio numitorum Mihamedanorum“ въ 1826 г. въ концѣ описанія джучидскихъ монетъ описалъ и четыре монеты (одного типа), принадлежащихъ г. Каффѣ⁴⁾. Но, не узнавъ генуэзскаго герба на главной сторонѣ

¹⁾ Н. Мурзакевичъ. Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму. 1837.

²⁾ В. Кене. Описаніе музеума покойнаго князя Василія Викторовича Кочубея и наслѣдованія обѣ исторіи и нумизматикѣ греческихъ поселеній, равно какъ царствъ: Понтійскаго и Босфора Киммерійскаго. Томъ I. С.-Петербургъ. 1857, стр. 279—307. Такъ какъ мнѣ въ теченіе моей работы еще часто придется цитировать это сочиненіе, то я буду обозначать его въ сокращеніи: Кене: О. м. К.

³⁾ В. К. Виноградовъ. ѡеодосія. Исторический очеркъ. ѡеодосія 1884,

⁴⁾ Ch. M. Fraenii recensio numitorum Mihamedanorum acad. imp. scient. Petropolitanae. Petropoli 1826, стр. 411. 412.

этихъ монетъ и не разобравъ латинской надписи вслѣдствіе плохой сохранности экземпляровъ, находившихся въ его рукахъ, онъ ошибочно считалъ эти монеты чеканенными какимъ-то литовскимъ княземъ⁵⁾). Точно также внослѣдствіи, когда Мурзакевичъ послалъ нѣсколько генуэзско-татарскихъ монетъ, найденныхъ въ Крыму, Френу для определенія, послѣдній не зналъ, что съ ними дѣлать, и переслалъ ихъ знаменитому женевскому оріенталисту Сорету, который вѣрно опредѣлилъ ихъ принадлежность городу Каффѣ и въ 1841 г. первый описалъ двѣ Каффскія монеты⁶⁾). Когда такимъ образомъ первое извѣстіе о существованіи генуэзско-татарскихъ монетъ дошло до свѣдѣнія нумизматического ученаго міра, уже въ 1844 г. Григорьевъ⁷⁾ былъ въ состояніи издать четыре новыхъ такихъ монеты. Савельевъ⁸⁾, писавшій скоро послѣ Григорьева объ этихъ монетахъ, не увеличилъ нашихъ свѣдѣній о нихъ, такъ какъ одна изъ монетъ, описанныхъ имъ, уже была издана Соретомъ, другая же Григорьевымъ.—Каффская монета, описанная въ 1847 г. бар. Кене⁹⁾), тоже одинакова съ одной монетой Григорьева.—Въ 1857 году явилось уже упомянутое мною знаменитое сочиненіе того же автора „Описаніе музеума князя В. В. Кочубея“, въ которомъ Кене на стр. 310—313 соединяетъ все, что до этого времени стало извѣстно о генуэзско-татарскихъ монетахъ и, описавши снова семь монетъ, уже раньше извѣстныхъ, даетъ описание еще четырехъ монетъ, до тѣхъ поръ неизданныхъ. Статья Кене очень интересна, но она содержитъ много ошибокъ, которыхъ отчасти уже исправлены г. Юргевичемъ и Блау, отчасти же я старался исправить ихъ въ своеімъ спискѣ каффскихъ монетъ.—Скоро послѣ этого польскій нумизматъ К. Свидзинскій¹⁰⁾ издалъ пять генуэзско-татарскихъ

⁵⁾ Монеты, изданныя Френомъ, точно также какъ и другія генуэзско-татарскія монеты, упомянутыя въ этомъ обзорѣ литературы каффской нумизматики, приводятся ниже въ надлежащихъ мѣстахъ моего списка монетъ.

⁶⁾ Soret: Lettre à Mr. le comte de Castiglioni. Bibliothèque universelle de Genève, стр. 24. № 16 и 17. Genève 1841.

⁷⁾ Григорьевъ: Монеты Джудчиковъ, Генуэзцевъ и пр. Въ „Запискахъ Одесского Общества Исторіи и Древностей“. Томъ I, стр. 304. № 4, 5, 8 и 9. Одесса 1844.

⁸⁾ Савельевъ: Записки Арх.—Нум. Общества. I, стр. 231 и 232.

⁹⁾ Köhne: Mémoires de la Société d'arch. et de num., I, стр. 537. Таб. XX. № 1.

Онъ же: Записки Арх.—Нум. Общества. I, стр. 229. Таб. XIV. № 1.

¹⁰⁾ Свидзинскій: O monetach Hanow Kipezaku, czyli Złotej Hordy, ze znamionami i nazwiskiem Wielkiego Księcia Litewskiego (Witolda i Kazimierza) wъ Al-Koran, z arabskiego, przeklad polski Iana murzy Tarak-Buczackiego. Томъ I, стр. 19. Варшава 1858.

монетъ своеї коллекції и двѣ принадлежащія барону Шодуару; но монеты принадлежали къ уже известнымъ типамъ, а авторъ, не знаяшій, какъ видно, работъ Сорета, Григорьева, Савельева и барона Кене, повторяетъ ошибку Френа, принимая генуэзскую порталь за литовскій гербъ и читая поэтому латинскую надпись довольно произвольно: CAS(imir) и M(agnus) DY(x) (Alex)ANDER! Ставясь объяснить значеніе монетъ съ такою надписью на одной сторонѣ, при арабской надписи на другой, авторъ приходитъ къ замѣчательному заключенію, что онъ чеканены крымскими татарами, которые на главной сторонѣ монеты изображали титулъ и эмблему литовскаго великаго князя Витольда и короля Казиміра, какъ знаки зависимости ихъ отъ послѣднихъ, о чемъ въ исторіи ничего не известно. Такое ошибочное чтеніе латинской надписи объясняется вѣроятно плохой сохранностью монетъ, имѣвшихся у автора.

Всѣ монеты г. Каффы, до сихъ поръ упомянутыя, чеканены изъ серебра; въ 1860 г. Мурзакевичъ¹¹⁾ описалъ первыя мѣдныя генуэзско-татарскія монеты по экземплярамъ музея Одесского Общества Исторіи и Древностей. Мурзакевичъ описалъ шесть разныхъ монетъ, изъ которыхъ однако одну нельзя считать собственно каффскою монетой, такъ какъ она татарская съ генуэзской контрь-маркою¹²⁾. Сорокъ генуэзскихъ монетъ г. Каффы, которые въ 1872 г. находились въ коллекціи только что названаго музея, дали заслуженному теперешнему Вице-президенту Одесского Общества В. Н. Юргевичу, материалъ для подробной работы, которая явилась въ томъ же году въ Запискахъ Общества¹³⁾. Новаго нумизматического материала эта работа не дала, такъ какъ двѣ монеты, приведенные подъ №№ 1 и 2, едва ли относятся къ Каффѣ, и въ данномъ случаѣ Кене вѣроятно правъ, считая ихъ выбитыми русскими князьями. Описаніе и рисунки остальныхъ монетъ также далеко не удовлетворительны, но работа г. Юргевича имѣеть ту заслугу, что она исправляетъ нѣсколько грубыхъ ошибокъ въ статьѣ барона Кене, и кромѣ того мы находимъ въ ней первую попытку дать

¹¹⁾ Н. Мурзакевичъ. Мѣдныя монеты города Кафы. Въ Зап. Имп. Одесского Общ. Ист. и Древн.. Томъ IV, отд. 2 и 3-й, стр. 387, таб. IX. 1860.

¹²⁾ Одна изъ монетъ, описанныхъ Мурзакевичемъ, была уже раньше издана Лелевелемъ въ его известномъ сочиненіи: *Numismatiqe du moyen âge. Atlas. Pl. XIV, № 47 и 48*, но она тамъ не обозначена, какъ каффская монета.

¹³⁾ В. Юргевичъ. О монетахъ генуэзскихъ, находимыхъ въ Россіи. Въ Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Древн., томъ VIII, стр. 147—160. Таб. III. Одесса 1872. (Юргевичъ I).

нѣкоторыя свѣдѣнія о монетномъ дѣлѣ въ г. Каффѣ, при чмъ авторъ, между прочимъ, старается доказать, что Генуэзцы только въ 1449 г. начали чеканить монеты въ Каффѣ. Французскій переводъ этой работы, посланный авторомъ извѣстному генуэзскому историку Десимони, побудилъ послѣдняго послать русскому историку очень подробное письмо съ разными поправками и объяснительными примѣчаніями. Это въ свою очередь дало г. Юргевичу поводъ ко второй статьѣ, изданной имъ въ томъ же самомъ томѣ Записокъ Одесского Общества Исторіи и Древностей¹⁴⁾). Двѣ небольшихъ статьи, которая Десимони скоро послѣ того самъ опубликовалъ въ двухъ итальянскихъ журналахъ¹⁵⁾, мнѣ, къ сожалѣнію, не были доступны, но, какъ я вижу изъ слѣдующей работы барона Кене, про которую сейчасъ будетъ рѣчь, онъ въ сущности содержитъ то же самое, что авторъ въ письмѣ сообщилъ профессору Юргевичу. Главнымъ результатомъ сообщеній Десимони было документальное доказательство, что уже въ 1420 г. въ Каффѣ существовалъ монетный дворъ; но за то г. Юргевичъ справедливо оспаривалъ предположеніе итальянскаго автора о постепенномъ понижениі каффской серебряной монеты. Въ 1875 г. Кене издалъ свою послѣднюю работу о генуэзско-татарскихъ монетахъ¹⁶⁾, содержащую критической обзоръ работъ Десимони и Юргевича и описание шести новыхъ монетъ изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ. Статья эта очень поверхностна и производить впечатлѣніе, будто авторъ отдалъ ее въ печать, не перечитавъ внимательно. Иначе не понятно, какъ онъ, говоря о монетахъ, изданныхъ профессоромъ Юргевичемъ, могъ сказать, что изъ нихъ *только одна*, а именно изображенная на Таб. III подъ № 2, не принадлежитъ Каффѣ, изъ чего, конечно, читатель выводить заключеніе, что Кене считаетъ всѣ остальные монеты каффскими; а черезъ двѣ страницы авторъ доказываетъ, что монета, описанная и изображенная подъ № 1, тоже не генуэзско-татарская, и кромѣ того еще дальше онъ называетъ № 8 татарскою монетою съ генуэзскою контръ-маркою. Хотя замѣчанія, сдѣланныя Кене относительно принадлежности этихъ трехъ монетъ, по моему мнѣнію, совершен-

¹⁴⁾ В. Юргевичъ. Замѣчанія на статью о генуэзскихъ монетахъ, помещенную въ VIII томѣ Записокъ Общества, сдѣланную итальянскимъ ученымъ К. Десимони,—въ Зап. О. О. И. и Др. Томъ VIII, стр. 465. Одесса 1872. (Юргевичъ II).

¹⁵⁾ Desimoni. Archivio storico italiano, vol. XIX, и Rivista della numismatica italiana Vol 1874. p. 122.

¹⁶⁾ Baron B. de Koehne: „Les monnaies gênoises de Kaffa“ въ „Revue belge de numismatique, ann e 1875.“

но вѣрны, однако онъ ихъ даетъ въ такой формѣ, которая ясно доказываетъ его поверхностное и небрежное отношение къ собственной работѣ. Поразительно всего однако то, что онъ, критикуя работу г. Юрьевича, совершенно не признаетъ хорошаго, действительного встрѣчающагося въ ней, а ставить въ заслугу автору только то, на что онъ въ сущности права не имѣеть, а именно, будто онъ увеличилъ число известныхъ монетъ Каффы довольно большимъ количествомъ новыхъ монетъ. Кене здѣсь имѣеть въ виду мѣдные монеты Каффы, которая, однако, какъ мы видѣли, всѣ уже были описаны Мурзакевичемъ за 12 лѣтъ до появленія работы Юрьевича. Очевидно, Кене вовсе не зналъ статьи Мурзакевича. Описание шести неизданныхъ генуэзскихъ монетъ изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа, находящіяся въ ковцѣ работы Кене, сдѣланы—въ противоположность его прежнимъ описаніямъ монетъ—такъ небрежно и, какъ мнѣ кажется, ошибочно, что совершенно невозможно, имѣя въ рукахъ экземпляры этихъ же монетъ, узнать ихъ по описаніямъ Кене. Кромѣ того объясненія, данныхъ авторомъ для этихъ монетъ, всѣ очень мало и правдоподобны, какъ я ниже изложу, когда буду говорить о самыхъ монетахъ.

Новое описание двуязычныхъ монетъ г. Каффы, принадлежавшихъ Одесскому музею, мы находимъ въ описаніи восточныхъ монетъ этого музея, составленномъ д-ромъ О. Блау¹⁷⁾). Автора, какъ ориенталиста, интересовала главнымъ образомъ арабская надпись на обратной сторонѣ монетъ, и ему удалось доказать, что имя хана на нѣкоторыхъ экземплярахъ до тѣхъ поръ невѣрно было разобрано. До него на каффскихъ монетахъ были дознаны только имена двухъ хановъ, Девлета-Бирди и Хаджи-Гирея; онъ же доказалъ, что нѣкоторыя монеты носятъ имя Мухамедъ Хана. Зато описание другой стороны съ латинскою легендою у Блау часто неточно.

Изъ каталога восточныхъ монетъ Московскихъ музеевъ, изданного В. Трутовскимъ въ 1886 г.¹⁸⁾, мы видимъ, что въ этихъ коллекціяхъ въ то время находилась только одна генуэзско-татарская монета, принадлежащая къ уже раньше описанымъ.

Подробно занимается каффскими монетами В. Д. Смирновъ въ своемъ объемистомъ сочиненіи о Крымскомъ ханствѣ¹⁹⁾, такъ

¹⁷⁾ О. Блау. Восточные монеты музея Императорского Общества Исторіи и Древностей въ Одессѣ. Одесса 1876, стр. 87 и 88.

¹⁸⁾ Московский Публичный и Румянцевский музей. Нумизматический кабинетъ. Выпускъ III. Каталогъ восточныхъ монетъ. (Изд. В. Трутовской). Москва 1886, стр. 120.

¹⁹⁾ В. Д. Смирновъ. Крымское Ханство подъ верховенствомъ Отоманской порты. Томъ I. С.-Петербургъ. 1887. стр. 189—235.

какъ онъ для него служать однимъ изъ главныхъ доказательствъ его гипотезы, что Девлетъ Бирди и Хаджи-Гирей были одно и то же лицо. Не отрицая вполнѣ возможности этого предположенія, я однако долженъ сказать, что каффскія монеты отнюдь не служатъ доказательствомъ его. Необыкновенаго сходства, которое, по мнѣнію г. Смирнова, замѣчается между монетами съ именемъ Девлета-Бирди и монетами, носящими имя Хаджи-Гирея, изъ котораго онъ заключаетъ, что тѣ и другія чеканены въ одно время²⁰⁾), на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не существуетъ; для этого стоитъ только разъ взглянуть на таблицы, приложенные къ настоящей работѣ. Нѣкоторое сходство, конечно, замѣтно между почти всѣми генуэзско-татарскими монетами, но иначе и быть не можетъ у монетъ *одного* мѣста и *одного* періода времени. Во всякомъ случаѣ сходство между монетами Девлета-Бирди и монетами Мухамеда гораздо больше, чѣмъ между первыми и монетами Хаджи-Гирея. Двумя страницами дальше²¹⁾ г. Смирновъ говоритъ, что на монетахъ Девлета-Бирди и Хаджи-Гирея встрѣчается одна и та же тамга, но въ дѣйствительности мы видимъ на монетахъ Девлета только тамгу Золотой Орды, а на монетахъ Хаджи-Гирея исключительно гиреевскую тамгу. И въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія г. Смирновъ опять утверждаетъ то же самое, говоря о третьей категоріи генуэзско-татарскихъ монетъ, которыхъ имѣютъ имя Хаджи-Гирея, „но все еще пока съ общекипчакскою тамгою“²²⁾. Монеты, приведенныя имъ какъ доказательство, дѣйствительно показываютъ джучидскую тамгу, но имя хана, находящееся на нихъ, не Хаджи-Гирей, а Мухамедъ, какъ уже раньше доказалъ Блау въ своемъ описаніи восточныхъ монетъ Одесского музея. Здѣсь не мѣсто изслѣдоввать, на сколько остальные доводы, приведенные профессоромъ Смирновымъ въ пользу своей интересной гипотезы, выдерживаютъ критику, но во всякомъ случаѣ нумизматика не даетъ для нея опоры.—Сочиненіемъ г. Смирнова я оканчиваю свое краткое обозрѣніе литературы данного вопроса и перехожу къ самымъ монетамъ.

Всѣ генуэзско-татарскія монеты, которыхъ намъ до сихъ поръ известны, маленькаго размѣра; серебряныя носили название аспровъ (aspro), которое еще не такъ давно употреблялось въ Турціи для очень мелкой серебряной монеты. Въ документахъ генуэзскаго архива эти монеты называются и „aspri danga“. Asper собственно греческое название для монеты, которая въ средніе вѣка въ Запад-

²⁰⁾ Смирновъ, тамъ же, стр. 190.

²¹⁾ Смирновъ, тамъ же, стр. 192.

²²⁾ Смирновъ, тамъ же, стр. 235.

ной Европѣ была извѣстна подъ названіемъ „blanc“, а „danga“, по мнѣнію Кене,²³⁾ можетъ быть, совпадаетъ съ русскою деньгою, такъ какъ аспры имѣли почти одну и ту же цѣнность, какъ и русскія и татарскія деньги. Всѣ кѣфскіхъ аспровъ у экземпляровъ моей коллекціи колеблется довольно значительно, а именно между 0,70 — 1,28 грамма; при чёмъ однако слѣдуетъ замѣтить, что при монетахъ, принадлежащихъ одному консулу или происходящихъ изъ того же самаго периода времени, колебанія не такъ велики, какъ между всѣми кѣфскими аспрами вообще. Въ нижеслѣдующемъ спискѣ монетъ я обозначилъ всѣ у каждой группы монетъ въ отдѣльности.

Въ книгѣ Кѣфскаго казначейства за 1423 г. мы находимъ показаніе, что изъ одного „somo“¹, вѣсившаго $8\frac{1}{2}$ генуэзскихъ унцій, чеканили 202 аспра, слѣдовательно аспръ имѣлъ въ то время легальный вѣсъ $\frac{1}{24}$ генуэзской унціи = 1,10 грамма, съ $\frac{61}{100}$ чистаго серебра²⁴⁾. Упомянутое только что „somo“ происходитъ отъ итальянскаго „soma“, обозначающаго всѣ, тяжесть, и хотя встрѣчающіяся въ документахъ „somm“ большою частію только обозначали извѣстный всѣ или сумму серебра, однако онѣ навѣрно также были въ обращеніи какъ настоящія деньги, въ формѣ рубленыхъ кусковъ серебра. Доказательствомъ этому служить, что татары называли самые древніе русскіе рубли „саумами“, изъ чего можно заключить, что они знали генуэзскіе рубли раньше русскихъ²⁵⁾. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не было найдено ни одного рубля, который бы имѣлъ клеймо, показывающее его генуэзское происхожденіе. Чистота серебра колебалась въ разныя времена довольно значительно, ниже всего — какъ мнѣ кажется ниже $\frac{50}{100}$ — она была въ монетѣ, описанной въ моемъ спискѣ подъ № 1;²⁶⁾ въ монетахъ, носящихъ имя хановъ Мухамеда и Девлета — Бирди, она, по Юргевичу, равняется приблизительно $\frac{70}{100}$, а выше всего, $= \frac{83}{100}$, она въ монетахъ, чеканенныхъ во время Хаджи-Гирея и имѣющихъ надпись CAFFA.Y.Y.; B.G. и B.S., которая также своимъ болѣе значительнымъ вѣсомъ отличаются отъ другихъ кѣфскіхъ аспровъ. Исходя изъ того предположенія, что для кѣфской монеты должно было служить то же самое мѣрило, которое существовало для одновременной генуэзской монеты, Десимони за-

²³⁾ Koehne. Les monnaies gênoises de Kaffa.

²⁴⁾ Юргевичъ, II., стр. 466.

²⁵⁾ Юргевичъ, I., стр. 154.

²⁶⁾ Болѣе точнаго исследованія я не могъ сдѣлать, такъ какъ мнѣ не хотѣлось еще болѣе испортить экземпляръ моей коллекціи, который въ добавокъ единственный до сихъ поръ извѣстный.

ключаетъ, что чистота каффской монеты въ пятидесятилѣтіе послѣ 1423 г. мало по-малу пада до $\frac{30}{100}$ чистаго серебра, потому что въ этотъ періодъ генуэзская монета постепенно дѣлалась болѣе и болѣе низкопробной. Но такъ какъ монеты болѣе низкой пробы съ именами хановъ Мухамеда и Девлета Бирди безспорно относятся къ третьему десятку пятнадцатаго вѣка, а аспры съ именемъ Хаджи – Гирея пробы высшей и павѣрно позже чеканены, то мнѣніе итальянскаго ученаго является ошибочнымъ. Причина несогласія въ монетныхъ отношеніяхъ метрополіи и колоніи заключается, какъ проф. Юргевичъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, въ томъ, „что вѣсь и проба монеты въ Крыму зависѣла отъ особыхъ условій, въ которыхъ находились генуэзцы въ этой странѣ, отъ выгода торго-выхъ, не позволявшихъ имъ пускать въ оборотъ плохія деньги, отъ качества монеты монгольской, чаконецъ отъ требованія со стороны хановъ“²⁷⁾). Прямое указаніе на независимость каффской монеты отъ генуэзской въ отношеніи пробы мы находимъ въ реестрахъ попечительного Романскаго Комитета отъ 1424 г., въ которыхъ сообщается распоряженіе названаго комитета о томъ, чтобы монету каффскую уравнять въ достоинствѣ съ старокрымскою. Дать болѣе точная свѣдѣнія относительно пробы серебряныхъ каффскихъ монетъ по времени ихъ чеканки, къ сожалѣнію, невозможно, такъ какъ съ абсолютной точностью нельзя опредѣлить время чеканки ни одной монеты.

Въ документахъ упоминаются еще полу-аспры, но они до сихъ поръ не были найдены.

Какое название носили мѣдныя каффскія монеты во время ихъ обращенія, намъ, не извѣстно, потому что нигдѣ о нихъ не упоминается. Кене полагаетъ, что болѣшія были вѣроятно „follerii“, а менышія „mezzo follerii“. Фоллери итальянское пазваніе для мѣдныхъ монетъ, извѣстныхъ у восточныхъ народовъ подъ именемъ фельсъ или фульсъ, назвнія, которая въ томъ и другомъ случаѣ, точно также какъ и русское пуло, происходятъ отъ византійскаго фоллсъ. Очень возможно, что каффскія мѣдныя деньги имѣли только что упомянутое название, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что и большія между ними, которая Кене обозначаетъ какъ фоллери, по величинѣ и вѣсу уступаютъ и небольшимъ изъ арабскихъ фельсъ.

Особенный интересъ должно, конечно, имѣть время, въ которое чеканились каффскія монеты. Въ уставахъ 1290 и 1316 гг., изданныхъ генуэзской республикой для Каффы, чеканка монетъ

²⁷⁾ Юргевичъ, II, стр. 467.

колоніі строго воспрещается подъ наказаніемъ въ 500 генуэзскихъ лиръ²⁹⁾). Слѣдовательно Каффа вначалѣ не имѣла собственной монеты; но если профессоръ Юргевичъ изъ пункта договора Генуэзцевъ съ Тохтамышъ-Ханомъ 1380 года, по которому татары должны были чеканить хорошую монету, заключаетъ, что Каффинцы и въ это время не могли имѣть собственной монеты, потому что въ противномъ случаѣ татары требовали бы того же самаго отъ нихъ, то такой выводъ хотя и возможенъ, но не абсолютно необходимъ. Можно предполагать, что этотъ пунктъ принялъ въ договоръ вслѣдствіе того, что Тохтамышъ-Ханъ въ годы, предшествующіе договору, началъ чеканить монеты меньшей пробы, чѣмъ каффскія монеты, бывшия тогда въ обращеніи, что, конечно, должно было быть причиной убытковъ для Генуэзцевъ, такъ что они при заключеніи договора съ ханомъ требовали чеканки хорошей монеты. Первое документальное доказательство существованія монетнаго двора въ Каффѣ однако находится только въ книгахъ каффскаго казначейства за 1420, 1422, 1423 и 1424 годы, где отмѣчены издержки на починку и покупку желѣзныхъ инструментовъ для монетнаго двора; тамъ же говорится и о чиновникахъ послѣдняго³⁰⁾). Замѣчательно, что въ чрезвычайно подробномъ уставѣ для генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ 1449 г., въ которомъ права и обязанности всѣхъ чиновниковъ колоніального правленія обозначаются самымъ подробнымъ образомъ, ни слова не говорится о монетномъ дворѣ и принадлежащихъ къ нему чиновникахъ. Между тѣмъ въ самомъ уставѣ находятся прямые указанія на то, что въ это время существовалъ монетный дворъ въ Каффѣ. Хотя и можно допустить, что упомянутые тамъ „summi de Capha“³¹⁾ или „summi currentes de Capha“³²⁾ или „summi argenti de Capha“ обозначали, можетъ быть, только известный вѣсъ серебра, однако „asperi de Capha“³³⁾ или „asperi argenti de Capha“³⁴⁾ упомянутые тамъ же, непремѣнно указываютъ на существующую каффскую монету. Сообщенія, сдѣланныя Десимони, что въ книгѣ каффскаго казначейства за 1471 г. упоминается какой-то еврей „Cochos“, какъ „emperor superstantie ecche pro anno ipso“, который за это платилъ 21345

²⁹⁾ Юргевичъ. I, стр. 153.

³⁰⁾ Юргевичъ. II, стр. 466.

³¹⁾ Atti della Societa Ligure di storia patria. Vol. VII, parte II, fascicolo II. Genova 1881. Statutum Caphe. Cap. LXXVII. § 477 (стр. 653).

³²⁾ Тамъ-же, cap. LXXXVI. § 606. (стр. 670).

³³⁾ Тамъ-же, cap. LXXVIII. § 505. (стр. 657).

³⁴⁾ Тамъ-же, cap. LXXXVIII. § 653. (стр. 675).

аспрова, и что послѣ него „Iacobus Zoalio“ занялъ его мѣсто,³⁵⁾ даютъ намъ поводъ предполагать, что правительство отдало право чеканки монетъ частнымъ лицамъ въ видѣ откупа; но это все-таки не объясняетъ, почему же обѣ этомъ пунктѣ, столь важномъ для колоніи, какъ и для метрополіи, ничего не говорится въ уставѣ 1449 г.—Только что приведенные замѣтки изъ книгъ каффскаго казначейства даютъ вѣрное доказательство того, что отъ 1420 г. до 1472 чеканили монету въ Каффѣ. По мнѣнію Кене,³⁶⁾ монетный дворъ, вѣроятно, былъ учрежденъ въ Каффѣ между 1380 и 1396 годами, но это покамѣстъ гипотеза, ничѣмъ не доказанная. По крайней мѣрѣ въ документахъ мы не находимъ ничего, что дало бы намъ право къ такому предположенію, и между каффскими монетами, дошедшиими до насъ, нѣть ни одной, про которую можно сказать, что она чеканена до 1420 г.—Что касается времени чеканки каждой отдельной каффской монеты, то я ссылаюсь на вторую часть моей работы, въ которой я, описавъ самыя монеты, сопоставилъ все, что могъ найти о времени происхожденіи ихъ.

Въ началѣ своего труда я сказалъ, что генуэзско-татарскія монеты вообще принадлежать къ нумизматическимъ рѣдкостямъ. Это подтверждается, если мы соберемъ справки, сколько ихъ находится въ большихъ коллекціяхъ. Внѣ Россіи онѣ чрезвычайно рѣдки и почти совсѣмъ неизвѣстны; такъ напр. въ большой коллекціи генуэзскихъ монетъ и медалей „Cav. G. Avignone“³⁷⁾ находилась только одна каффская монета. Незначительно также число этихъ монетъ въ коллекціяхъ Петербургскаго Эрмитажа и Московскихъ музеевъ. Въ Одесскомъ музѣя находится теперь только 19 мѣдныхъ монетъ, такъ какъ около 20 аспровъ, которые прежде принадлежали этому учрежденію, исчезли при большой кражѣ, бывшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Самое большое количество генуэзско-татарскихъ монетъ находится въ нѣкоторыхъ частныхъ коллекціяхъ.

Профессоръ Юргевичъ сообщаетъ³⁸⁾, что онъ въ 1860 г. видѣлъ въ Одессѣ въ коллекціи сенатора Казначеева, бывшаго градоначальника г. Феодосіи, около 200 генуэзско-татарскихъ монетъ, но тогда не имѣлъ времени разсмотрѣть ихъ поближе. Куда эти монеты дѣвались послѣ смерти Казначеева, мнѣ неизвѣстно. Около

³⁵⁾ Юргевичъ. II, стр. 470.

³⁶⁾ Koehne: *Les monnaies gênoises de Kaffa*.

³⁷⁾ G. Cabella: Catalogo delle monete e medaglie genovesi del fu Cav. Gaetano Avignone. Genova 1892.

³⁸⁾ Юргевичъ. I, стр. 147.

100 экземпляровъ находятся въ коллекціи извѣстнаго собирателя И. К. Суручана въ Кишиневѣ, но, къ сожалѣнію, онъ мнѣ не были доступны, такъ что я не могъ пользоваться ими при составленіи слѣдующаго списка каффскихъ монетъ. Между 20.—30 экземплярами, принадлежащими Ю. Б. Иверсену въ С.-Петербургѣ, находятся нѣсколько очень хорошо сохранившихся монетъ, которыхъ до сихъ поръ не были изданы; владѣлецъ былъ настолько добръ, что позволилъ мнѣ снять копіи съ нихъ для моей работы, за что я здѣсь приношу ему свою искреннюю благодарность. Главный же матеріаль для этой работы дали мнѣ монеты, имѣющіяся въ моей собственной коллекціи. Въ теченіе многихъ лѣтъ я могъ собрать только одну серебряную и дюжину мѣдныхъ монетъ, но лѣтъ пять тому назадъ мнѣ удалось, покупкою большей части клада, состоящаго изъ 180 генуэзско-татарскихъ монетъ, 523 монетъ Хаджи-Гирея и 30 монетъ Золотой Орды, сразу пріобрѣсть довольно значительную коллекцію, которая потомъ еще увеличилась почти 30 экземплярами, найденными въ Феодосіи при работахъ по сооруженію Феодосійского порта.

Переходя теперь къ описанію извѣстныхъ мнѣ генуэзско-татарскихъ монетъ, я предварительно долженъ замѣтить, что, къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности перечислить монеты въ хронологическомъ порядке, но зато ихъ раздѣлилъ, для болѣе легкаго обзора, на 4 большихъ группы, изъ которыхъ первыя двѣ заключаютъ въ себѣ аспры, чеканенные при ханахъ Мухамедѣ и и Девлетѣ-Бирди, третья — аспры съ тамгою Гиреевъ, четвертая же мѣдныя каффскія монеты. Во второй и третьей группахъ я сдѣлалъ особые подраздѣленія для монетъ, сходныхъ по содержанію надписи и сходству чеканки.

МОНЕТЫ.

I группа.

Серебряные монеты (асиры), показывающія на обратной сторонѣ³⁹) арабскую надпись въ некоторыхъ строкахъ, безъ тамги.

Мнѣ известенъ только одинъ аспръ этого типа, который вдобавокъ до того плохо сохранился, что невозможно было разобрать латинскую надпись на одной сторонѣ, а арабская надпись на другой тоже не вполнѣ ясна. Тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что эту монету слѣдуетъ помѣстить раньше всѣхъ остальныхъ генуэзско-татарскихъ монетъ. Послѣднія показываютъ на обратной сторонѣ въ серединѣ или тамгу Золотой Орды, или тамгу гиреевской династіи, а арабская легенда кругомъ тамги по краю монеты. У монеты же этой группы нѣть никакой тамги, и арабская надпись занимаетъ пять строкъ, что придаетъ этой сторонѣ болѣе сходства съ послѣдними монетами Золотой Орды. Это отступленіе отъ типа остальныхъ каффскихъ монетъ говорить, какъ мнѣ кажется, въ пользу того, что она болѣе древняго чекана, чѣмъ всѣ другія. То, что сохранилось отъ арабской надписи, во всякомъ случаѣ, не противорѣчитъ моему предположенію.

³⁹) Какая сторона у генуэзско-татарскихъ монетъ главная и какая обратная, обѣ этомъ можно, конечно, спорить. Если принять во вниманіе, что Генуэзцы, хотя и не всегда, но во всякомъ случаѣ по временнымъ, уплачивали дань татарскимъ владѣтелямъ Крыма, то слѣдовало бы считать сторону съ арабскою легендой главной, такъ какъ на ней находится имя верховнаго властителя, и Блау, въ своемъ описаніи восточныхъ монетъ Одесского музея, дѣйствительно такъ и сдѣлалъ. Я, однако, счелъ болѣе вѣрнымъ послѣдовать примѣру Кене, Юргевича и другихъ, которые считали главною стороною ту, на которой находятся гербъ Генуи и латинская надпись. Въ пользу этого мнѣнія можно привести 1) то, что обязательство платить дань не всегда существовало, и чеканка арабской легенды имѣла главнымъ образомъ цѣлью облегчить обращеніе каффской монеты у соѣдей татаръ, и 2) что арабская надпись у большаго числа генуэзско-татарскихъ монетъ сильно испорчена, и штемпель, повидимому, сдѣланъ рѣзчикомъ, совершенно незнакомымъ съ арабскимъ шрифтомъ.

I отдельение.

1. I. Въ кругѣ гербъ Генуи, дверь съ тремя башнями. Отъ надписи сохранились только первая и послѣдняя буквы +а.....**ГИР.**

II. Арабская надпись въ 5 строкахъ. Первая двѣ содержать очевидно **السلطان العادل** (справедливый султанъ); второе слово третьей строки я читало **محمد** (Мухамедъ); что начертано однако передъ этимъ именемъ, нельзя разобрать. Четвертая строка содержитъ, по моему, титулъ **خان** (ханъ) и слова **خلد الله**, а остатки пятой строки въ такомъ случаѣ обозначаютъ **كما** (чтобы Богъ продлилъ царство его).

(См. Таб. 1).

Одинъ экземпляр этой замѣчательной, неизданной монеты въ моей коллекціи.

Если мое чтеніе имени хана „Мухамедъ“ вѣрно, то эта монета, вѣроятно, чеканена во время Улу-Мухамеда, который, какъ сообщаетъ Гаффари, впервые избралъ столицею Крымъ⁴⁰⁾). Дать болѣе точное опредѣленіе времени совершенно невозможно, такъ какъ данныхъ относительно периода распаденія большого государства Золотой Орды на три ханства—Крымское, Казанское и Астраханское до того наполнены противорѣчіями, что нечего и думать объ опредѣленіи даже съ нѣкоторою точностію времени царствованія какого-либо изъ многочисленныхъ претендентовъ на ханскій престолъ. Картина этого смутнаго периода приблизительно слѣдующая. Вышеупомянутый Улу-Мухамедъ является ханомъ сначала отъ 1419—1426 г.; потомъ слѣдуетъ короткое царствованіе Девлета-Бирди, отъ 1426—1428 г. (а можетъ быть только до 1427 г.); въ 1428 г. власть находилась слова въ рукахъ Мухамеда; въ 1436 (или 1437 г.) Гыясь-ед-Динъ завладѣваетъ трономъ, умираетъ однако полтора года спустя; потомъ являются два новыхъ претендента, второй Мухамедъ, названный историками „Кучукъ-Мухамедъ“, и Боракъ-Ханъ. Послѣдній скоро былъ побѣженъ Кучукъ-Мухамедомъ, затѣявшимъ тогда войну съ Улу-Мухамедомъ; эта война окончилась договоромъ между обоими ханами, по которому Кучукъ Мухамеду достались всѣ земли около рѣки Волги, а Улу-Мухамедъ остался властителемъ Крыма. Здѣсь нападаетъ на него новый искатель ханской власти Сеидъ-Ахмедъ-Ханъ, пото-

⁴⁰⁾ Смирновъ. Крымское ханство. I, стр. 210.

мокъ Тохтамыша, побѣждаетъ его и принуждаетъ бѣжать въ Казань. Этимъ кончаются дошедшія до настъ свѣдѣнія объ Улу-Мухамедѣ. Невозможно точнѣе опредѣлить время, когда онъ павсегда долженъ былъ оставить Крымъ; вѣроятно это случилось въ сороковыхъ годахъ 15-го столѣтія.— Значеніе буквъ, находящихся въ концѣ латинской надписи на главной сторонѣ монеты, мы совершенно неясно.

II группа.

Аспры съ тамгою Золотой Орды.

- I. Гербъ Гепуи въ кругѣ изъ точекъ, или въ овалѣ, образованномъ изъ четырехъ дугъ, рѣдко въ простомъ кругѣ, и еще реже гербъ безъ всякаго окаймленія. Кругомъ латинская надпись.
  - II. Тамга Золотой Орды въ кругѣ. Кругомъ арабская надпись.
-

2 отдельніе.

Съ буквами D. V. M. D. на главной сторонѣ.
Вѣсъ 0,82—095 гр.

- A. Обратная сторона съ именемъ Мухамедъ-Хана.
  - a. Гербъ Генуи въ овалѣ, образованномъ изъ четырехъ дугъ. Иногда изгибы исчезаютъ почти совсѣмъ, такъ что образуется ромбъ съ округленными углами (напр. при №№ 11, 17 и 18).
2. I. DV M. D. **СЛД**. Подъ порталомъ и по сторонамъ его по точкамъ. Поставлена ли послѣ второго D одна точка или двѣ, на моихъ экземплярахъ не видно.
- II. **السلطان العادل محمد خان** (Справедливый султанъ Мухамедъ-Ханъ). Надпись начинается наверху, справа. Тамга маленькая, съ тремя точками ⚡.

(См. Таб. I).

Изъ четырехъ экземпляровъ моей коллекціи ни одинъ не показываетъ полную надпись главной

стороны, но они другъ друга дополняютъ. Арабская легенда у всѣхъ почти совершенно сохранилась.

3. I. Какъ 2.

II. Надпись та же, что и на предыдущей, начинается также наверху, справа, но тамъ только съ одною точкою ↓.

— Юргевичъ № 14. Fig. 15 и 16⁴¹). Въ описаніи авторъ сообщаетъ, что въ концѣ латинской легенды полное имя города; однако для монетъ, изображенныхъ на Таб. III подъ №№ 15 и 16, это невѣрно, какъ показываютъ самые рисунки; кроме того толкованіе арабской надписи ошибочно, такъ какъ Юргевичъ читалъ Хаджи вмѣсто Мухамеда. Послѣднюю ошибку поправилъ уже Блау⁴²), описавшій тѣ же самые экземпляры подъ №№ 2954 и 2955, но зато Блау невѣрно передаетъ надпись на главной сторонѣ. Къ этой монетѣ или къ одному или другому изъ слѣдующихъ варіантовъ относятся также монеты, принадлежавшія нѣкогда Одесскому музею и приведенные въ работѣ Блау подъ №№ 2955а—2960d.—Въ моей коллекціи только одинъ экземпляръ плохой сохранности.

4. I. Какъ 2.

II. Какъ 3, но надпись начинается наверху, въ серединѣ.
Два экземпляра въ моей коллекціи.

5. I. Какъ 2.

II. Какъ 3, но легенда начинается въ серединѣ правой стороны.

Въ моей коллекціи имѣется только одинъ экземпляръ, на которомъ видны на главной сторонѣ лишь ....M. D. A....., на обратной начало и конецъ надписи.

6. I. Какъ 2.

II. Тамга маленькая, безъ точекъ.

⁴¹) Юргевичъ I, стр. 160. № XIV—XVII. Таб. III, ф. 15 и 16.

⁴²) Блау, 1. с. стр. 87.

Единственный экземпляръ, принадлежащий мнѣ, показываетъ на главной сторонѣ только ..V Ф М.....; на другой сторонѣ надпись совершенно стерлась.

---

7. I. D.VФ.M:D: **А П Д**. Генуэзскій гербъ какъ у предыдущихъ монетъ, но вмѣсто трехъ точекъ по бокамъ портала и подъ нимъ по звѣздочкѣ въ пять лучей.

II. Тамга съ тремя точками, какъ у № 2, но надпись начинается наверху по серединѣ.

(См. Таб. I).

Два экземпляра моей коллекціи дополняютъ другъ друга на главной сторонѣ; на обратной у обоихъ сохранились только два первыхъ слова.

8. I. Какъ 7.

II. Какъ 7, но надпись начинается справа, немного выше середины. Единственный экземпляръ моей коллекціи плохо сохранился; на главной сторонѣ видно только.... M:D:**А** ...., на обратной только первое слово.

9. I. Какъ 7.

II. Какъ 3.

У моихъ трехъ экземпляровъ на главной сторонѣ сохранился только конецъ надписи, а обратная сторона у всѣхъ болѣе или менѣе уцѣлѣла.

10. I. Какъ 7.

II. Какъ 3, но надпись начинается наверху, по серединѣ или немного слѣва.

Въ моей коллекціи 5 экземпляровъ, другъ друга дополняющихъ.

11. I. Какъ 7.

II. Какъ 10, по начало надписи еще болѣе отодвинуто влѣво; кромѣ того между двумя буквами слова **خان** замѣчается стрѣлообразный орнаментъ, острѣ которого обращено внизъ.

(См. Таб. I).

У меня имѣется только одна монета этого штемпеля, на главной сторонѣ которой отъ надписи сохранилось только начало DVΦ и послѣдняя буква Δ; зато обратная сторона отлично сохранилась.

12. I. Какъ 7.

II. Какъ 3, но надпись начинается внизу слѣва.

Единственный экземпляръ моей коллекціи показываетъ на главной сторонѣ DVΦ.....AH.; на обратной имя хана стерлось.

---

13. I. DV—MD * С AH * Гербъ Генуи съ тремя звѣздочками, какъ у №№ 7—12.

II. Какъ 3 (и 9).

(См. Таб. I).

На двухъ моихъ экземплярахъ не видно, находится ли послѣ буквы V тотъ же орнаментъ, который замѣчается на предыдущихъ монетахъ этой группы, или, можетъ быть, звѣздочка; точно также не видно, существуетъ ли послѣ M какой-нибудь отдѣлительный знакъ или нѣтъ.

---

14. I. DVΦ. M.D..... (конецъ надписи не сохранился). Вместо трехъ звѣздочекъ около портала три оконечности стрѣлы, острія которыхъ обращены наружу къ дугамъ.

II. Тамга съ одною точкою ↓.

(См. Таб. I).

На обоихъ экземплярахъ моей коллекціи надпись обратной стороны совершенно стерта.

15. I. Какъ 14.

II. Тамга безъ точки, съ очень длинными боками.

Одинъ очень плохо сохранившійся экземпляръ въ моей коллекціи, у которого надпись обратной стороны тоже почти совсѣмъ сглажена.

16. I. D. V. Ф M..... (остальное стерто). Гербъ Генуи, какъ у всѣхъ предыдущихъ, въ овалѣ, образованномъ изъ четырехъ дугъ; внутри безъ точекъ или другихъ орнаментовъ, но зато снаружи четыре стрѣловидныхъ орнамента, которые остриемъ обращены внутрь, въ изгибы овала.
- II. У единственного мнѣ известного экземпляра эта сторона совершенно стерта.

(См. Таб. I).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ очень плохой сохранности.

-
17. I. D V Ф. M D:АЛ. Около герба три орнамента, которые такъ грубо сдѣланы, что трудно сказать, что они должны изображать (звѣздочки-ли?).

- II. Какъ 3, но надпись начинается внизу, по серединѣ.

(См. Таб. I).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ довольно хорошей сохранности.

18. I. Какъ 17.

- II. Какъ 11 (того-же штемпеля).

Въ моей коллекціи двѣ монеты, у которыхъ на главной сторонѣ сохранились начало и конецъ надписи, а на обратной почти вся надпись.

19. I. D V.....Л. Гербъ Генуи, кажется, безъ всякихъ орнаментовъ.

- II. Тамга съ тремя точками, какъ при 3, №. Отъ надписи, начинающейся наверху, справа, остались только слова طاسل (sic!) и خان.

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ плохой сохранности.

-
- б. Гербъ Генуи въ правильномъ кругѣ изъ точекъ.

20. I. DV.....Л (?) Внутри круга съ пятью стрѣлообразными орнаментами, острия которыхъ обращены наружу, 2 надъ порталомъ и по 1 подъ нимъ и по бокамъ его.

II. Тамга съ одною точкою ⚭. Надпись начинается наверху, по серединѣ, но отъ нея сохранилось лишь первое слово **السلطان**.

(См. Таб. I).

Два экземпляра въ моей коллекціи.

21. I. Гербъ какъ у предыдущей, легенда совсѣмъ стерта.

II. Тамга тоже съ одной точкой, но надпись начинается внизу, по серединѣ; отъ нея уцѣлѣло только ..... **العاد**.....

Одинъ экземпляръ въ моей коллекціи.

22. I. ... V. M..... Первая буква и конецъ легенды стерлись. Гербъ какъ у двухъ предыдущихъ.

II. Тамга маленькая, безъ точекъ. Изъ надписи сохранилось только первое слово наверху, справа. (По чекану эта сторона очень похожа на монету, описанную ниже подъ № 31).

Одинъ экземпляръ въ моей коллекціи.

23. I. ....M.D.A.....—все, что осталось отъ надписи. При порталѣ только четыре стрѣлообразныхъ орнамента, пятаго подъ гербомъ нѣтъ.

II. Тамга, кажется, съ одною точкою по серединѣ. Начало надписи наверху; отъ нея осталось....**العاد**...

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ.

24. I. Отъ всей надписи видна только одна буква M, на обыкновенномъ мѣстѣ. Около герба три точки, по одной подъ нимъ и по бокамъ его.

II. Тамга съ тремя точками, ⚭. Надпись начинается справа, немного выше середины; она почти вполнѣ сохранилась....**السلطان محمد العاد**.

(См. Таб. I).

Одинъ экземпляръ въ моей коллекціи.

Всѣ извѣстные миѣ экземпляры этого маленькаго подраздѣленія (№№ 20—24) очень плохой сохранности. Сопоставляя ихъ, можно однако съ увѣренностью сказать, что на главной сторонѣ находилась легенда D V M. Слѣдуетъ ли дальше полное имя города САНДА или только САНДА (какъ это кажется при № 20), ни у одной мо-

неты нельзя замѣтить. Что касается надписи на обратной сторонѣ, то она вѣроятно у всѣхъ (исключая, можетъ быть, № 22) была: **السلطان العادل محمد خان**. У №№ 23 и 24 имя Мухамеда ясно читается.

с. Гербъ въ неполномъ кругѣ (части подъ нижнею основною горизонтальною линіею портала нѣтъ).

25. I. Отъ надписи осталось только....D:**ا**..... . Около портала точки.

II. Тамга съ одною точкою **ن**. Надпись начинается на верху справа, видно только .....**العادل**.....

(См. Таб. I.)

Одинъ экземпляръ очень плохой сохранности въ моей коллекціи.

26. I. **+D..... ا****ل****ه****د**. Гербъ безъ точекъ или орнаментовъ.

II. Тамга также съ одною точкою. Отъ надписи, начинаящейся наверху по серединѣ, осталось начало слова **السلطان** и конецъ легенды, обозначающей по всей вѣроятности **محمد خان**.

(См. Таб. I.).

Одинъ экземпляръ въ моей коллекціи.

Описанныя выше, подъ №№ 25 и 26, двѣ монеты такой плохой сохранности, что трудно сказать, слѣдовало ли привести ихъ на этомъ мѣстѣ или нѣтъ. Относительно № 25 это, по всей вѣроятности, вѣрно, такъ какъ передъ именемъ города находится буква D, и, кромѣ того, слово **العادل** даетъ возможность предполагать, что надпись на обратной сторонѣ была **السلطان العادل محمد خان**. Но зато повидимому у № 26 на лицевой сторонѣ между D и именемъ города едва ли достаточно мѣста, чтобы помѣстить три буквы VMD, и очень возможно, что тамъ находились **+M+**. Если находка лучшаго экземпляра подтвердитъ послѣднее преположеніе, то эта монета должна быть отнесена къ третьему отдѣленію. Я пока предпочелъ привести ее здѣсь, такъ какъ до сихъ поръ не извѣстны

монеты съ буквами +D+M+, которыя на обратной сторонѣ имѣли бы имя Мухамедъ-Хана.

В. Обратная сторона съ именемъ Девлета-Бирди.

27. I. DVΦ.M.D. Гербъ въ неполномъ кругѣ (какъ у № 25 и 26) съ четырьмя точками.

II. ; надпись начинается на-
верху по серединѣ. Тамга съ одною точкою.

(См. Таб. I).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ отличной
сохранности.

28. I. Какъ 27.

II. Тамга тоже съ одною точкою. Надпись та же самая,
начинающаяся слѣва, немного выше середины.

(См. Таб. I).

У экземпляра моей коллекціи стерлись только
две среднія буквы имени города, на обратной
сторонѣ видно..... .

29. I. Какъ 27.

II. Тамга маленькая, безъ точекъ. Надпись какъ у
предыдущихъ двухъ монетъ, но начало справа не-
много выше середины. (Эта сторона очень похожа
на обратную сторону № 31).

Единственный экземпляръ моей коллекціи по-
казываетъ на главной сторонѣ DVΦ.M.D., ...,
на обратной конецъ легенды: .....
Эта самая монета уже была издана Григорьевъ⁴³⁾ и потомъ б. Кене⁴⁴⁾.

30. I. Какъ 27.

II. Тамга съ тремя точками, ; надпись начинается на-
верху, по серединѣ.

У меня два экземпляра, у которыхъ на лицевой
сторонѣ сохранились лишь три первыя буквы
DVΦ.M....., а на обратной слова .

⁴³⁾ Григорьевъ, I. c., стр. 304 таб. VI. № 4.

⁴⁴⁾ Кене. О. м. К., стр. 311. № 4.

Въ томъ случаѣ, если несохранившееся имя хана Мухамедъ, а не Девлетъ-Бирди, эта монета принадлежала бы къ подраздѣленію А.с., но она отличалась бы отъ двухъ монетъ, описанныхъ тамъ, тамгою съ 3 точками.

Вышеописанныя монеты второго отдѣленія особенно интересны вслѣдствіе того обстоятельства, что у нихъ на обратной сторонѣ находятся имена двухъ хановъ, Мухамеда и Девлета-Бирди, при одинаковой надписи на главной сторонѣ. Если предположеніе, что буквы DV.M.D на главной сторонѣ обозначаютъ одного и того же консула, вѣрно,—а едва ли возможно сомнѣваться въ этомъ,—то по надписи на обратной сторонѣ являются три возможности относительно времени правленія этого консула и вмѣстѣ съ этимъ относительно времени чеканки этихъ монетъ: 1) или онъ правилъ въ теченіе того года, въ который одинъ изъ двухъ вышеупомянутыхъ хановъ смѣнялъ другого въ правленіи, или 2) консулъ, обозначенный на этихъ монетахъ, дважды занималъ мѣсто высшаго сановника г. Каффи, разъ во время Мухамедъ-Хана, а другой разъ, когда Девлетъ-Бирди правилъ Золотой Ордой, или же 3) генуэзскіе рѣзчики готовили обратную сторону своихъ монетъ по джучидскимъ монетамъ, бывшимъ тогда въ обращеніи, не обращая вниманія на содержаніе надписи. За возможность каждого изъ этихъ трехъ предположеній говорятъ известные доводы: за первое возможность факта сама по себѣ, при чемъ приходится только соожалѣть о томъ, что намъ не точно известно время правленія этихъ двухъ хановъ; за второе, что существуютъ примѣры, когда одно и то же лицо нѣсколько разъ было избрано въ каффскіе консулы, и за третье, что во время татарскаго ига русскими князьями были чеканены двуязычныя монеты, содержащія очевидные анахронизмы, которые можно объяснить только тѣмъ, что русскіе рѣзчики монетъ при вырѣзаніи арабской легенды взяли образцомъ первую попавшуюся имъ въ руки монету Золотой Орды. Что генуэзскіе рѣзчики монетъ часто также совсѣмъ не знали арабскаго шрифта и неумѣло копировали его съ татарскихъ монетъ, это мы увидимъ ниже, при описаніи монетъ 5-го и большинства слѣдующихъ отдѣленій; монеты консула У.У. (Джованни Джустиніані) тоже могутъ служить доказательствомъ того, что на обратную сторону монетъ обратили мало вниманія, такъ какъ на серебряныхъ монетахъ этого консула видна гиреевская тамга, на медныхъ же тамга Золотой Орды.

Буквы DV и Юргевичъ и Кене считаютъ инициалами имени и фамилии консула Деметріо Вивальди (Demetrio Vivaldi); MD обозначаетъ по Юргевичу „Magnificus dominus“, объясненіе, которое Кене называетъ страннымъ (étrange), не сказанъ однако, почему именно, и не давъ лучшаго. Я, напротивъ, относительно буквъ MD совершенно согласенъ съ профессоромъ Юргевичемъ, такъ какъ каффскіе консулы дѣйствительно имѣли титулъ magnificus dominus, какъ доказываютъ разныя генуэзскія надписи Феодосійскаго музея⁴⁵). Но уже Блау выразилъ свое сомнѣніе относительно того, что эти монеты чеканены консуломъ Деметріо Вивальди, не давъ однако никакого объясненія, почему именно онъ сомнѣвается въ этомъ. Слѣдующія соображенія принуждаютъ и меня раздѣлить сомнѣнія, выраженные д-ромъ Блау. Деметріо Вивальди былъ каффскимъ консуломъ отъ 1453—1454 г., слѣдовательно въ такое время, когда ни одного изъ двухъ Мухамедовъ, а также и Девлета-Бирди уже не было въ живыхъ, а Хаджи-Гирей повидимому уже находился въ неоспоримомъ владѣніи Крымомъ. Чтобы все же приписывать вышеописанныя монеты Деметріо Вивальди, пришлось бы прибѣгнуть къ третьему изъ приведенныхъ мною предположеній. Но имена хановъ на этихъ монетахъ очень ясны и вѣрно изображены, такъ что едва-ли возможно предполагать, что рѣзчики копировали ихъ безъ всякаго знанія ихъ значенія, и поэтому мнѣ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, что эти монеты чеканены въ то время, когда Мухамедъ и Девлетъ-Бирди владѣли Крымомъ. Но въ такомъ случаѣ нужно допустить, что Деметріо Вивальди занималъ уже раньше разъ мѣсто консула въ Каффѣ, фактъ, о которомъ ничего неизвѣстно, или же буквы DV вовсе не относятся къ нему. Послѣднее кажется наиболѣе правдоподобнымъ, и я не задумываясь приписалъ бы эти монеты Доминико Вивальди, бывшему консуломъ въ 1420 г., т. е. въ то время, когда Улу-Мухамедъ уже владѣчествовалъ въ Крыму, если бы на обратной сторонѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ монетъ (№№ 27—30) не было начертано имени Девлета-Бирди. Большая часть извѣстныхъ намъ источниковъ показываетъ, что правленіе этого хана продолжалось отъ 1426—1428 года; между тѣмъ мы знаемъ всѣхъ консуловъ, бывшихъ въ Каффѣ въ данное время, а у всѣхъ изъ нихъ первоначальная буквы именемъ другія чѣмъ DV. Если же показаніе Десимони вѣрно, а именно что Девлетъ-Бирди былъ ханомъ Золотой Орды въ 1422 г.,⁴⁶)

⁴⁵⁾ См. напр. Юргевичъ: Генуэзскія надписи въ Крыму, въ Зап. Импер. Общ. Ист. и Древн., томъ V, стр. 165 и 166.

⁴⁶⁾ Юргевичъ II, отр. 469.

то отъ этого намъ при опредѣлениі вышеназванныхъ монетъ мало пользы, такъ какъ отъ 1421—1422 г. консуломъ былъ Антоніо Маруффо, а отъ 1422—1423 г. Джироламо Джустиніані Монелія. Вслѣдствіе этого останется, къ сожалѣнію, нерѣшеннымъ, какому консулу принадлежать монеты съ буквами DV.

---

3 отдаленіе.

Съ буквами D. M. на главной сторонѣ.

Вѣсъ 0,87—0,93 гр.

а. Гербъ Генуи въ неполномъ кругѣ (какъ выше у №№ 25—30).

31. I. **+D+M+AΠΔΛ.** Гербъ безъ прибавочныхъ знаковъ.

Вокругъ надписи второй наружный кругъ изъ точекъ.

II. **السلطان دولت بيردى خان**. Надпись начинается на правой сторонѣ, немного выше середины. Тамга мала, безъ точекъ, въ обыкновенномъ кругѣ. Такой же кругъ вокругъ надписи.

(См. Таб. I).

Въ моей коллекціи имѣется четыре экземпляра этой сравнительно нерѣдкой монеты; для чеканки обратной стороны служили, какъ видно, разные штемпеля, отличающіеся числомъ и мѣстомъ точекъ при надписи, но я долженъ быть у этой монеты, точно также какъ и у другихъ монетъ этого отдаленія, отказаться отъ перечисленія всѣхъ вариантовъ, такъ какъ весьма рѣдко можно встрѣтить экземпляръ, на которомъ сохранились бы всѣ точки.

№ 31—генуэзско-татарская монета, ставшая ранѣе другихъ извѣстной, такъ какъ она уже въ 1826 г. была издана Френомъ⁴⁷⁾). Но знаменитый знатокъ восточной нумизматики не узналъ герба Генуи и читалъ на двухъ экземплярахъ, имѣвшихся въ его рукахъ, **+D+M+OAN**, на двухъ другихъ **D.....UAN**, что его привело къ

---

⁴⁷⁾ Frachn. Recensio numorum Muhammedanorum. 1826. Стр. 411 и 412.

ложному заключенію, что эти монеты, быть можетъ, литовскія и надпись на нихъ обозначаетъ Dux Magnus Ioannes(?). Впослѣдствіи та же монета была описана Кене⁴⁸), который однако ошибочно читалъ находящуюся въ началѣ надписи букву D за V, потому что на экземплярѣ коллекціи гр. Уварова, по которому Кене описалъ эту монету, не сохранилась верхняя половина буквы D, какъ это видно изъ прилагаемаго рисунка.

32. I. Какъ 31.

II. Надпись та же и начинается справа, въ серединѣ. Там-
гда съ одпою точкою въ серединѣ.

Въ моей коллекціи находятся два экземпляра, на которыхъ однако не видно, были ли между буквами имени города раздѣлительныя точки (какъ у № 34—36), или нетъ (какъ у № 31).

33. I. Какъ 31.

II. Надпись какъ у предыдущихъ, начинающаяся справа по серединѣ, но тамга съ тремя точками ☈.

На моемъ экземпляре сохранилось на главной страницѣ +D+M+ ..... ПЛ, на обратной почти вся надпись видна.

Эта самая монета изображена у Юргевича, Fig. 9 и 10⁴⁹), но въ текстѣ авторъ ошибочно сообщаетъ, что на надписи этой монеты CAFFA; Fig. 9 ясно показываетъ только одно F.

34. I. Какъ 31 (или, можетъ быть, какъ 35 или 36).

II. Тамга съ двумя маленькими точками, вертикально поставленными, въ серединѣ. Кроме того замѣчаются 7 (или 6) большихъ точекъ вокругъ круга, окружающаго тамгу, которая очевидно служить только орнаментами. Надпись, какъ у предыдущихъ, начинается наверху, справа.

(См. Таб. I),

¹⁸⁾ Кене. О. м. К., стр. 310. № 1.—Монета, описанная Кене тамъ же, стр. 311, подъ № 3, по всей вѣроятности, принадлежитъ также къ третьему отдыленію моего списка. Короткое описание, безъ рисунка, лишаетъ меня возможности точнаго распредѣленія ея.

⁴⁹⁾ Юргевичъ, I, стр. 158. № IX, X, (XI) и Таб. III, № 9, 10, (11).

У единственного экземпляра моей коллекции на главной сторонѣ сохранилось отъ надписи только начало **+D+M+C** ..... , такъ что нельзя сказать, находятся ли между буквами слова **СЛЯЛ** раздѣлительные точки, или нѣтъ. На обратной сторонѣ слова *султанъ* и *ханъ* стерлись, но самое имя хана ясно видно.

35. I. **+D+M+C.Л.ЛЛ.** Гербъ какъ у предыдущихъ.

II. Какъ 31.

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ, на которомъ буквы D+M стерлись. Въ словѣ **АЛЛЛ** послѣ первой **Л** ясная точка, послѣ **А** и **Л** по-видимому нѣтъ точекъ. (Если же лучшіе экземпляры докажутъ, что все буквы этого слова раздѣлены точками, то эта монета все таки отличается отъ № 36 и 37 обратной стороной).

36. I. **+D+M+C.Л.Л.Л.** Гербъ какъ у предыдущихъ.

II. Тамга, кажется, безъ точекъ. Надпись начинается на-
верху, справа; она повидимому отступаетъ отъ преды-
дущихъ; съ точностью читается только слово **السلطان**,
послѣ этого кажется **لعاد**, но буквы на концѣ над-
писи я не могу разобрать.

(См. Таб. I).

У единственного экземпляра моей коллекціи главная сторона очень хорошо сохранилась, обратная же довольно плохо.

37. I. Какъ 36.

II. Тамга мала, безъ точекъ. Надпись начинается справа
немного выше середины, не одинакова съ преды-
дущими.

(См. Таб. I).

Оба экземпляра моей коллекціи плохой сохран-
ности; на обратной сторонѣ можно разобрать
только слова **السلطان** и **خان**, но имя хана не под-
дается разбору.

в. Гербъ Генуи въ обыкновенномъ узкомъ кругѣ или безъ всякаго окаймленія.

38. I. *Д*М*С*Л*П*Л. Гербъ въ полномъ, узкомъ, обыкновенномъ кругѣ.

II. Тамга съ тремя точками, §. Надпись какъ у № 31, начинается наверху.

(См. Таб. I).

На главной сторонѣ экземпляра моей коллекціи буквы С. стерлись, на обратной сторонѣ видно только.....^ل.....

39. I. Какъ 38 (кажется того же самаго штемпеля).

II. Тамга съ одной точкой въ серединѣ и по одной по бокамъ ея. §. Надпись начинается справа, по серединѣ, вѣроятно одинакова съ предыдущей.

(См. Таб. I).

Единственный известный миѣ экземпляръ этого варианта былъ найденъ въ г. Феодосіи и находится теперь въ коллекціи Новороссійскаго Университета. Главная сторона у него отлично сохранилась, но зато отъ надписи обратной стороны осталось только начало.....^{السلطان}.

40. I. Надпись какъ у предыдущихъ, но гербъ безъ всякаго окаймленія,

II. Тамга съ тремя точками, §. Надпись начинается наверху справа, та же, что у № 31.

(См. Таб. I).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ очень хорошей сохранности.

41. I. Какъ 40.

II. Тамга безъ точекъ (?). Надпись начинается наверху, слѣва, вѣроятно та же, какъ у предыдущихъ.

(См. Таб. I).

Эта монета меньшаго размѣра и еще болѣе небрежнаго чекана, чѣмъ № 40. На обратной сторонѣ моего экземпляра сохранились только два титула.

42. I. *Д*М*С*Л*П*Л. Гербъ Генуи, со звѣздою о пяти лучахъ посреди; безъ точекъ.

П. Тамга съ тремя точками. Надпись какъ у № 40.

Миѣ неизвѣстна. Описана Кене въ его описаніи музеума кн. Кочубея, стр. 311. № 2.

43. I. № D.....Л. Гербъ Генуи съ трилистникомъ въ обыкновенномъ узкомъ кругѣ.

II. Тамга безъ точекъ. Надпись начинается наверху, справа.

(См. Таб. I).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ очень плохой сохранности. Хотя отъ надписи главной стороны сохранились только первая и послѣдняя буква, но общее сходство этой монеты съ № 38 побуждаетъ меня предполагать, что легенды тѣ же самыя. На обратной сторонѣ моей монеты видно только начало слова **السلطان**.

Для объясненія буквъ Д.М. на главной сторонѣ только что описанныхъ монетъ существуютъ двѣ гипотезы Въ виду того, что эти буквы не подходятъ ни къ одному изъ консуловъ, правившихъ Каффою въ теченіе царствованія Девлета-Бирди, т. е. отъ 1426 — 1428 г., между тѣмъ какъ всѣ консулы этихъ годовъ намъ хорошо известны, и вообще между всѣми консулами, ставшими намъ известными, пѣть пи одного, имя которого начиналось бы этими буквами, проф. Юргевичъ полагаетъ⁵⁰⁾, что буквы Д.М. точно также какъ и М.Д на монетахъ предыдущаго отдѣленія, обозначаютъ только титулъ высшаго сановника въ Каффѣ „Dominus Magnificus“. Вторую гипотезу даль итальянскій ученый Десимони⁵¹⁾, который предполагаетъ, что эти буквы, быть можетъ, обозначаютъ „Dominus Manfredus“ и что монеты въ такомъ случаѣ можно приписать консулу Манфреду Саули, правившему отъ 1420—1421 года; при этомъ онъ сообщаетъ, что въ приходо-расходныхъ каффскихъ кни-гахъ Девлетъ-Бирди помѣченъ ханомъ (imperator) уже въ 1422 г. Если же противопоставить этому, что такое раннѣе время правленія кромѣ Десимони нигдѣ не упоминается, что Манфредъ Саули былъ консуломъ еще г҃одою раньше, и что до сихъ поръ не было примѣра, чтобы на монетѣ писали одно имя консула просто съ D(ominus), безъ фамиліи и безъ M(agnificus), то предположеніе Де-

⁵⁰⁾ Юргевичъ. I, стр. 158.

⁵¹⁾ Юргевичъ. II, стр. 469.

симони является очень невѣроятнымъ, и я считаю гипотезу Юрьевича гораздо болѣе основательной. Подтверждениемъ этого мнѣнія могутъ служить монеты предыдущаго отдѣленія съ буквами D.V.M.D, у которыхъ буквы M. D. едва ли могутъ имѣть другое значеніе, чѣмъ Magnificus Dominus. Такъ какъ на монетахъ обоихъ отдѣленій находится имя хана Девлета-Бирди, царствовавшаго во всякомъ случаѣ только короткое время, то онѣ всѣ должны были быть чеканены приблизительно въ то же самое время; въ этомъ случаѣ можно допустить, что предшественникъ или преемникъ консула D. V., будучи честолюбивымъ этого послѣдняго, удовольствовался тѣмъ, что помѣстилъ на монетахъ только начальныя буквы своего титула, какъ достаточное доказательство того, что онѣ государственные монеты. — Если на монетахъ, описанныхъ выше подъ №№ 36 и 37, имя хана не Девлетъ-Бирди, а другое, то тогда явится еще новое затрудненіе для определенія монетъ этого отдѣленія.

---

4 отдельение.

Аспры съ полной фамиліей консула (Спинола?)
на главной сторонѣ.

---

44. I. +D.....UPLI. СПН. Въ кругѣ изъ точекъ гербъ Генуи съ трилистникомъ, около герба 6 украшеній въ формѣ ромба, изъ которыхъ по 2 по бокамъ портала, одинъ сверху и одинъ снизу его. Наружный край также изъ точекъ.

II. .....السلطان العادل; надпись начинается наверху, слѣва. Тамга Золотой Орды съ 1 точкою въ обыкновенномъ кругѣ. Такой же кругъ окружаетъ надпись. Вѣсъ 0,82 гр.

(См. Таб. I).

Въ моей коллекціи два экземпляра этой крайне-интересной монеты. У экземпляра лучшей сохранности, къ сожалѣнію, правая сторона надписи на обѣихъ сторонахъ не вычеканена, у другого остались на главной сторонѣ только первая и послѣдняя буквы надписи, на обратной только السلطан.

Въ особенности относительно этой до сихъ поръ совсѣмъ не известной и неизданной монеты приходится сожалѣть, что экземпляры, дошедши до насъ, не вполнѣ сохранились, такъ какъ ни одна изъ известныхъ миѣ каффскихъ монетъ не имѣеть такой полной латинской надписи, какъ этотъ аспръ. Всѣ остальные показываютъ кромѣ имени города только 2, рѣдко 3 или 4 буквы, которыя считаются за начальныя буквы имени и фамиліи консула. На только что описанной монетѣ же были кромѣ АПФА еще 11 (или по крайней мѣрѣ 10) буквъ, изъ которыхъ на моихъ экземплярахъ, къ сожалѣнію, нѣтъ 6 (или 5) буквъ послѣ буквы D, находящейся въ началѣ легенды. Слѣдующая буква не совсѣмъ ясно вычеканена, такъ что нельзя сказать, U ли это или O; вмѣстѣ съ тремя слѣдующими получаемъ ..... УЛЛ (или ОЛЛ). Такъ какъ буква I по всей вѣроятности должна быть окончаніемъ родительного падежа, то намъ остается УЛЛ или ОЛЛ какъ окончаніе фамиліи консула, и я думаю, что не ошибаюсь, если вижу въ этомъ конецъ слова „Spinola“ (или Spinula)⁵². Въ спискѣ каффскихъ консуловъ, сообщенномъ профессоромъ Юргевичемъ, мы находимъ четыре консула изъ этой фамиліи, а именно:

1384. Giacomo Spinola.
1411. Dominico Spinola.
1423. Federigo Spinola di Lucoli.
(1448. Giovanni Spinola).

Съ послѣднимъ здѣсь по двумъ причинамъ нечего считаться впервыхъ потому, что сообщеніе, что онъ былъ консуломъ въ 1448 г. довольно сомнително, такъ какъ по документамъ доказано, что съ 1447—1448 г. былъ консуломъ Antonio Maria Fieschi, а его преемникомъ съ 1448—1449 г. Giovanni Giustiniani; во вторыхъ потому, что монеты этого времени навѣрно уже должны были имѣть гиреевскую тамгу, а не тамгу Золотой Орды. Если буква D въ началѣ надписи обозначаетъ не титулъ (Dominus), а имя консула, то монета могла быть чеканена въ 1411 г. консуломъ Доминикомъ Спинолою. Къ сожалѣнію имя хана на обратной сторонѣ тоже не сохранилось, такъ что мы здѣсь не находимъ доказательства ни за, ни противъ моей гипотезы.

Еще слѣдуетъ обратить вниманіе на большую разницу въ работе главной и обратной стороны этой монеты. Рѣзчикъ, итальянецъ по всей вѣроятности, сдѣлалъ штемпель для главной стороны съ видимымъ стараніемъ: гербъ, прибавочные знаки и буквы пра-

⁵²⁾ Въ 15-мъ вѣкѣ известная фамилія Спинола встречается то съ о, то съ буквою у.

вильны, оба круга изъ точекъ точно проведены, между тѣмъ какъ обратная сторона сдѣлана очень небрежно, какъ доказываютъ оба неточныхъ круга, тамга и шрифтъ.

5 отдаленіе.

Аспры съ надписью **أ.أ. ي. ر. ر. د.** и одной или несколькими (2 или 3) буквами послѣ имени города. Всъ 0,70 — 0,83 гр.

а. Послѣ имени города буква D.

45. I. **+A. AYRRAD.** Гербъ съ трилистникомъ въ кругѣ, также изъ точекъ.

II. Джучидская тамга съ 1 точкою въ обыкновенномъ кругѣ, . Вокругъ послѣдняго арабская надпись, которая однако здѣсь, точно также какъ и у всѣхъ остальныхъ монетъ этого отдѣленія (исключая № 66), такъ испорчена, что мнѣ кажется невозможнымъ разобрать ее. Знаки **س.ا** и **ع.ا** хотя и указываются на титулъ **السلطان العادل**, но ни на одной изъ монетъ этого отдѣленія эти слова не изображены вѣрно, а имя хана совсѣмъ не поддается разбору.

(См. Таб. I).

Въ моей коллекціи четыре экземпляра.

46 |
47 |
48 |
49 |
50 |
51 |
Варианты предыдущей монеты, которые всѣ имѣютъ ту же самую главную сторону, но болѣе или менѣе отличаются по обратной сторонѣ. Такъ какъ знаки на арабскихъ надписяхъ большею частью ничего не означаютъ, то очень трудно передать словами отличие каждой монеты въ отдельности, и для этого необходимо прибѣгнуть къ рисункамъ.

(46 и 47 см. Таб. I., 48—51 см. Таб. II).

Всѣ эти варианты изображены по экземплярамъ моей коллекціи; отъ №№ 46, 47, 50 и 51 я имѣю по одному экземпляру, отъ №№ 48 и 49 по 2.

52. I. Какъ предыдущія.

II. Также варіантъ предыдущихъ, который легко узнается по звѣздочкѣ о 6 лучахъ, находящейся въ серединѣ правой стороны надписи.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи два экземпляра.

---

53. I. Отличается отъ предыдущихъ только тѣмъ, что подъ гербомъ находится одна точка.

II. Какъ № 50.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи только одинъ экземпляръ, у которого на главной сторонѣ отъ надписи сохранились только первыя и послѣднія двѣ буквы.

54. I. Какъ 53.

II. Новый варіантъ предыдущихъ.

(См. Таб. II).

У обоихъ экземпляровъ моей коллекціи главная сторона очень плохо сохранилась, но обратная почти совсѣмъ цѣла.

---

55. I. Подъ гербомъ звѣздочка въ 6 лучей, все остальное какъ у предыдущихъ.

II. Какъ 47 (того же самаго штемпеля).

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ очень хорошей сохранности.

56 { Варианты № 55. Главная сторона съ звѣздочкою подъ порталомъ, обратная стороны составляютъ новые варіанты № 45, относительно которыхъ я по выше-сказанной причинѣ опять ссылаюсь на рисунки.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи имѣется отъ №№ 56 и 57 по два, отъ № 58 три экземпляра; отъ № 59 я имѣю только одинъ плохой экземпляръ.

60. I. Какъ 55.

II. Какъ 52 (того же самаго штемпеля).

Мои два экземпляра довольно хорошей сохранности.

61. I. Какъ 55.

II. Надпись также съ звѣздочкою, но которая не находится въ серединѣ правой стороны (какъ у № 60 и 52), но справа наверху (передъ $\text{L} \text{M}$).

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи два экземпляра.

62. I. Какъ 55.

II. Третій варіантъ съ звѣздочкою, которая у этой монеты помѣщена наверху, по серединѣ (послѣ $\text{L} \text{M}$).

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи также въ двухъ экземплярахъ.

---

b. Послѣ имени города буква В.

63. I. + **А** А Я R R E B. Гербъ Генуи въ кругѣ, какъ у предыдущихъ; подъ нимъ неясный прибавочный знакъ, вѣроятно звѣздочка.

II. Варіантъ предыдущихъ.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ.

---

c. Послѣ имени города неясная буква.

64. I. + **А** А Я R R E Δ . (послѣдняя буква похожа на опрокинутое Р). Подъ гербомъ точка.

II. Так же варіантъ предыдущихъ.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи 5 экземпляровъ, изъ которыхъ однако только одинъ совершенно ясно показываетъ странную букву послѣ имени города.

65. I. Какъ 64, но въ концѣ надписи знакъ (или буква) $\curvearrowleft$, еще болѣе загадочный, чѣмъ на предыдущей монетѣ.

II. Варіантъ предыдущихъ. У лѣвой вертикальной тамги замѣчается маленькая попечная линія, по можетъ быть это только недостатокъ штемпеля.

(См. Таб. II).

Оба экземпляра мои очень плохой сохранности. На главной сторонѣ одного видны только двѣ послѣднія буквы, у другого только три первыя буквы имени города.

д. Послѣ имени города ЯЦ.У.

66. I. **+a.a ярр а. яц.у.** Гербъ Генуи съ трилистникомъ въ кругѣ изъ точекъ, подъ гербомъ точка. Наружный кругъ состоитъ также изъ точекъ.

II. Тамга Золотой Орды съ тремя точками, **هـ**, въ обыкновенномъ кругѣ. Хотя шрифтъ надписи, начинающейся справа, выше середины, гораздо лучше, чѣмъ у другихъ монетъ этого отдѣленія, однако и онъ, по-видимому, сдѣланъ рѣзчикомъ, не зналъ арабскаго шрифта. Слова **السلطان العادل** легко читаются, по слѣдующее за ними имя я не могу разобрать.—Вокругъ надписи обыкновенный кругъ.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи три экземпляра этой крайне интересной, не изданной монеты, которые другъ друга совершенно дополняютъ.

67. I. **+a.a .....** Гербъ Генуи, подъ нимъ точка.

II. Тамга та же, съ тремя точками, какъ у № 66, но шрифтъ гораздо грубѣе, т. е. точно такой, какъ на монетахъ 45—65.

(См. Таб. II).

Такъ какъ на единственномъ экземпляре моей коллекціи видны только первыя двѣ буквы легенды на главной сторонѣ, то я, конечно, не могъ знать, какое мѣсто эта монета должна занять въ 5-мъ отдѣленіи. Если я помѣстилъ ее здѣсь, послѣ № 66, то единственная причина этому существование трехъ точекъ около тамги.

Хотя имя консула не на всѣхъ монетахъ 5-го отдѣленія одно и то же, однако я считалъ себя въ правѣ соединить ихъ въ одно отдѣленіе, такъ какъ всѣ онѣ безспорно имѣютъ большое сходство между собою. Это сходство состоитъ: 1) въ одинаковой формѣ латин-

скихъ буквъ, при чмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на буквы А, формой своей напоминающую русское Я, и F, которое у монетъ этого отдѣленія еще болѣе, чмъ у предыдущихъ отдѣленій, похоже на латинское R; 2) въ томъ, что имени города у всѣхъ предшествуетъ **С** и 3) въ одинаково безсмысленной арабской надписи на обратной сторонѣ (исключая, можетъ быть, № 66). Съ полной увѣренностью можно сказать, что всѣ эти монеты относятся къ одному и тому же періоду времени, и по всей вѣроятности штемпеля всѣхъ (опять таки № 66, можетъ быть, составляетъ исключение) сдѣланы однимъ и тѣмъ же рѣзчикомъ. Такъ какъ послѣдній, очевидно, совсѣмъ не зналъ арабскаго шрифта, то испорченная арабская легенда на обратной сторонѣ не даетъ намъ никакого объясненія относительно времени чеканки монетъ, и лишь по существованію джучидской тамги можно предположить, что онѣ чеканены до владычества Хаджи-Гирея. Остается только надпись главной стороны для определенія времени чеканки. Но и здѣсь вопросъ не легко разрешить. Буква **С** передъ именемъ города обозначаетъ, навѣрно, титулъ „consul“, а буквы, стоящія послѣ названія города, — начальная буквы фамиліи консула. У №№ 64 и 65 даже нельзя сказать, какую букву обозначаетъ знакъ послѣ имени города, а у монетъ, описанныхъ подъ №№ 45—62, тамъ находится только одно D и у № 63 одно B, что, конечно, тоже не даетъ возможности для ихъ точнаго определенія. Повидимому таковос должно было бы быть пѣтрудинъ относительно № 66, такъ какъ здѣсь даже три буквы (AL.I) послѣ имени города, но, къ сожалѣнію, я и здѣсь не въ состояніи разрѣшить вопросъ, ибо во всемъ спискѣ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ консуловъ нѣть ни одного, къ которому эти буквы подходили бы.

Насколько мнѣ извѣстно, всѣ монеты этого отдѣленія были до сихъ поръ не изданы; онѣ всѣ находятся въ моей коллекціи монетъ.

III группа.

Аспры съ гиреевской тамгою.

I. Гербъ Генуи или въ кругѣ, или въ ромбѣ, или въ овалѣ, образованномъ изъ четырехъ дугъ, очень рѣдко безъ всякаго окаймленія. Вокругъ латинская надпись.

II. Гиреевская тамга, обыкновенно въ кругѣ, рѣдко въ ромбѣ. Вокругъ арабская надпись, шрифтъ которой большою частью сильно испорченъ.

С отдельніемъ.

Аспры консуловъ I.I., B. G., B. S. и **د**.

Весь колеблется между 0,95—1,28 гр., но большою частью около 1,00 гр.

I. Гербъ Генуи съ трилистникомъ въ овалѣ изъ точекъ, образованномъ изъ четырехъ дугъ. Наружный кругъ также изъ точекъ. Послѣ имени города вышеприведенные начальные буквы именъ консуловъ.

II. Гиреевская тамга въ обыкновенномъ кругѣ. Такой-же кругъ на краю вокругъ надписи. Арабская легенда у нѣкоторыхъ монетъ ясно показываетъ имя Хаджи-Гирея, у другихъ шрифтъ сильно испорченъ, по все такимъ возможно, не смотря на испорченную форму, узнатъ имя этого хана.

A. Послѣ имени буквы Y.Y.

68. I. **+:C:A:F:F:A:U:U:** Подъ гербомъ и по бокамъ его по точкамъ.

II. **السلطان العظيم حاجى خان**. Надпись начинается наверху слѣва; она точно также, какъ и у другихъ монетъ этого подраздѣленія (исключая № 69 и 74), правильно начертана. Надъ тамгою горизонтальная черта.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекції одинъ хорошо сохранившійся экземпляръ. Эта монета или одна изъ непосредственно слѣдующихъ вариантовъ ея была уже описана б. Кене⁵³).

69. I. Какъ 68.

---

⁵³) Кене: О. м. К., стр. 312. № 9.

II. Тамга съ горизонтальной чертою и одною точкою справа отъ тамги. Надпись начинается слѣва падъ серединою; хотя и возможно узнать, что она обозначаетъ то же самое, что у предыдущей монеты, но плохой шрифть показываетъ, что рѣзчикъ копировалъ надпись, не понимая ея.

(См. Таб. II).

Описана д-ромъ Блау подъ № 2968⁵⁴⁾ Въ моей коллекціи два экземпляра.

70. I. Какъ 68.

II. Тамга съ горизонтальной чертою и 3-мя точками: одною справа и двумя слѣва отъ тамги. Надпись та же, какъ у предыдущихъ; начинается наверху слѣва.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ очень хорошей сохранности.

71. I. Какъ 68.

II. Тамга съ горизонтальной чертою и 4 точками: по двѣ по сторонамъ тамги. Надпись та же самая; она начинается точно также, какъ и у двухъ слѣдующихъ вариантовъ, слѣва, немного выше середины.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи находятся три экземпляра этой монеты, которая уже была издана и изображена профессоромъ Юргевичемъ⁵⁵⁾.

72. I. Какъ 68.

II. Тамга съ чертою и 5 точками: по двѣ по сторонамъ тамги и 1 подъ нею. (Тотъ же самый штемпель служилъ для чеканки обратной стороны №№ 75 и 80).

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ.

73. I. Какъ 68.

⁵⁴⁾ Блау; I. c. стр. 88, № 2968.—Изъ короткаго описанія №№ 2968а и 2969 нельзя узнать, принадлежатъ ли эти монеты къ этому или къ другому изъ описанныхъ мною вариантовъ.

⁵⁵⁾ Юргевичъ, I, стр. 160, № XII. XIII. Таб. III. № 12 и 13.

II. Тамга съ чертою и 6 точками: по двѣ по бокамъ тамги и подъ нею.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи два экземпляра.

---

74. I. +:C:A:F:F:A:U:Y: Гербъ Гепуи съ тремя точками, какъ у предыдущихъ. Нижняя точка передъ обоими У не ясна, такъ какъ она совпадаетъ съ нижнимъ концомъ буквы У.

II. Какъ 69.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ.—Кене описываетъ въ своемъ сочиненіи о музей кн. Кочубея подъ № 10⁵⁶⁾ монету съ такою-же легендою, но говоритъ въ описаніи, что подъ гербомъ находится крестикъ (?). Та же самая монета была уже раньше издана имъ самимъ⁵⁷⁾ и Григорьевымъ⁵⁸⁾.

75. I. Какъ 74.

II. Какъ 72 (и 80).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ.

В. Съ буквами В. G. послѣ имени города.

76. I. +:C:A:F:F:A:B:S: Подъ гербомъ крестикъ, по обѣимъ сторонамъ по точкѣ.

II. Тамга гиреевъ безъ всякаго прибавочнаго знака въ обыкновенномъ кругѣ. Арабская надпись начертана сильно испорченнымъ шрифтомъ, но она вѣроятно обозначаетъ тоже حاجى خان السلطان *العادل*.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи 2 экземпляра.—Та же самая монета находилась прежде въ музей Одесского Общества и была изображена Юргевичемъ⁵⁹⁾. Но въ описаніи онъ невѣрно читаетъ *العادل*

---

⁵⁶⁾ Кене. О. м. К., стр. 312. № 10.

⁵⁷⁾ Онъ же, Mémoires de la Soc. d'arch. et de num. I, стр. 357. Таб. XX. № 1 и Записки Арх. Нум. Общ. I. стр. 229. Таб. XIV. № 1.

⁵⁸⁾ Григорьевъ, тамъ-же. Таб. VI. № 9.

⁵⁹⁾ Юргевичъ I, стр. 160. № XVIII, XIX, XX. Таб. III. № 18, 19, 20.

вместо ясно заметного **بیک**, ошибка, которая уже была исправлена Блау, описавшимъ ту же самую монету подъ №№ 2966—2967 в.⁶⁰); но зато у Блау надпись главной стороны неточно передана (безъ вѣрной пунктуаціи) Вообще эта монета принадлежитъ къ давно извѣстнымъ каффскимъ монетамъ, такъ какъ она—или одинъ изъ слѣдующихъ четырехъ вариантовъ—уже раньше была описана Соретомъ⁶¹), Савельевымъ⁶²) и Кене⁶³). Эти авторы читали на этой монете **حاجی خان** (Хаджи-Ханъ), что навѣрно ошибка. Въ дѣйствительности на этихъ монетахъ и слова **خان** нельзя разобрать, точно также какъ и слова **بیک**, но нѣтъ никакого основанія предполагать существованіе слова «Бекъ», такъ какъ Хаджи-Гирей никогда не носилъ этого титула. Въ сущности вопросъ этотъ не важень, ибо сильная испорченность арабскаго шрифта доказываетъ, что арабской надписи нельзя придавать никакого значенія.

77. I. Какъ 76.

II. Тамга также безъ прибавочныхъ знаковъ, но немного меныше, чѣмъ у № 76. Надпись та же самая.

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи два экземпляра.

78. I. Какъ 76.

II. Какъ предыдущія двѣ монеты, но опять другого штемпеля. (Обратная сторона № 82 чеканена тѣмъ же самымъ штемпелемъ).

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ очень хорошей сохранности.

79. I. Какъ 76.

⁶⁰) Блау. I. с. стр. 88. № 2966—2967 в.

⁶¹) Soret. Lettre à Mr. le comte de Castiglioni, Bibl. univers. de Genève, стр. 24. № 17.

⁶²) Савельевъ. Записки Арх. Нум. Общ. I., стр. 231.

⁶³) Кене. О. м. К., стр. 311. № 5.

II. Надъ тамгою горизонтальная черта. Надпись не вполнѣ сохранилась, но отступаетъ во всякомъ случаѣ отъ предыдущихъ.

(См. Таб. II).

Хотя на обоихъ экземплярахъ моей коллекціи послѣдняя буква латинской легенды не видна, однако я увѣренъ, что она также **С**, такъ какъ главная сторона во всемъ остальномъ совершенно сходна съ № 76.

80. I. Какъ 76.

II. Какъ 72 и 75 (кажется того же самаго штемпеля). Экземпляръ моей коллекціи довольно плохо сохранился; другой экземпляръ, отлично сохранившійся, находится въ коллекціи г. Кашара въ Симферополѣ; сюда относится вѣроятно также монета, описанная Кене, I. с.⁶⁴⁾ подъ № 8.—При надлежитъ ли монета московскихъ музеевъ, изданная г. Трутовскимъ⁶⁵⁾, къ № 80 или къ одной изъ ниже описанныхъ мною монетъ, трудно решить по одному описанію, такъ какъ у этой монеты недостаетъ буквы послѣ В.

81. I. Подъ гербомъ вмѣсто креста звѣздочки въ 8 (?) луций; въ остальномъ какъ предыдущія.

II. Тамга безъ прибавочныхъ знаковъ, какъ у №№ 76 — 78, но другого штемпеля.

(См. Таб. II).

На моемъ экземпляре послѣдняя буква не совсѣмъ хорошо сохранилась.—Та же самая монета была уже раньше издана Соретомъ⁶⁶⁾ и Кене⁶⁷⁾.

82. I. **+ : C : A : F : A : B G R**. Подъ гербомъ большая ромбонидная точка.

II. Какъ 78 (того же самаго штемпеля).

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи три экземпляра.

⁶⁴⁾ Кене. О. м. К., стр. 312. № 8.

⁶⁵⁾ Трутовскій. Восточные монеты Моск. музеевъ, стр. 120. № 3815.

⁶⁶⁾ Soret. I. с. стр. 24. № 16.

⁶⁷⁾ Кене. О. м. К., стр. 311. № 6.

83 I. Какъ 82, но знакъ послѣ буквы Б разнится немнogo отъ знака, находящагося у той монеты.

II. Тамга съ горизонтальной чертою, по другаго штемпеля, чѣмъ № 79 (обратная сторона № 87 чеканена тѣмъ же самимъ штемпелемъ).

(См. Таб. II).

Въ моей коллекціи одунъ экземпляръ. Григорьевъ⁶⁸⁾ первый далъ описаніе и изображеніе этой монеты, которая потомъ еще была издана Савельевымъ⁶⁹⁾ и б. Кене⁷⁰⁾. Знакъ послѣ Б немнogo отличается отъ знака, находящагося у № 82 послѣ этой буквы, онъ также не вполнѣ сходенъ съ тѣмъ, который мы видимъ на рисункѣ Григорьева, но тѣмъ не менѣе я думаю, что моя монета и монета, изданная Григорьевымъ, одинаковы.— Кене видитъ въ этомъ знакѣ только орнаментъ, съ чѣмъ я не согласенъ, хотя и немогу сказать, какую букву онъ обозначаетъ. Въ описаніи григорьевской монеты, данномъ б. Кене, ошибочно сказанно, что подъ гербомъ находится крестикъ; рисунокъ его ясно показываетъ ту же самую ромбонидную точку, которую можно видѣть и на моемъ рисункѣ.

84. I. Какъ 82 (?).

II. Тамга съ горизонтальной чертою и 1 точкою, слѣва отъ тамги.

(См. Таб. III).

На единственномъ экземпляре моей коллекціи неѣтъ того, что слѣдуетъ послѣ буквы В. Я помѣстилъ эту монету здѣсь, потому что подъ гербомъ находится та же самая большая ромбонидная точка, которую мы видѣли и на предыдущихъ двухъ монетахъ; такая же точка есть тоже у монетъ, описанныхъ ниже подъ №№ 86 --- 90, такъ что, быть можетъ, ей тамъ скорѣе

⁶⁸⁾ Григорьевъ. Записки Одесского Общ. I, стр. 304. Таб. VI. № 5.

⁶⁹⁾ Савельевъ, тамъ же, стр. 232.

⁷⁰⁾ Кене. О. м. К., стр. 312. № 7.

мѣсто, но во всякомъ случаѣ она не подходитъ піи къ одной изъ этихъ монетъ, потому что обратная сторона совершенно другая.

85. I. Какъ 82 (?).

II. Тамга безъ прибавочныхъ знаковъ, но другого штемпеля, чѣмъ №№ 76—78 и 81.

(См. Таб. III).

Въ моей коллекціи только одинъ экземпляръ, на которомъ сохранились лишь три первыя буквы латинской легенды, такъ что тоже трудно сказать, относится ли эта монета сюда или къ слѣдующимъ, по по обратной сторонѣ она отличается отъ предыдущихъ монетъ, точно также какъ и отъ послѣдующихъ.

C. Съ буквами B. S. послѣ имени города.

86. I. +:C:A:F:F:A:B:S:. Подъ гербомъ и по сторонамъ его по точкѣ.

II. Надъ тамгою горизонтальная черта и справа отъ нея одна точка. Надпись та же, что на монетахъ съ буквами B. S.

(См. Таб. III).

Въ моей коллекціи одинъ очень хорошо сохранившийся экземпляръ этой монеты, которая, какъ все монеты съ надписью B. S., до сихъ поръ не была издана.

87. I. Какъ 86.

II. Какъ 83.

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ.

88. I. Какъ 86.

II. Тамга съ чертою и 3 точками: одна слѣва и двѣ справа отъ тамги.

(См. Таб. III).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ.

89. I. Какъ 86.

II. Отличается отъ 88 только меньшимъ числомъ точекъ среди надписи.

(См. Таб. III).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ.

90. I. Какъ 86.

II. Тамга съ чертою и по точкѣ по сторонамъ тамги.
Надпись сильно отличается отъ предыдущихъ.

(См. Таб. III).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ.

D. Съ буквами ♂. послѣ имени города.

91. I. ♦:C:A:F:D:♂:♂: Подъ гербомъ крестикъ, по бокамъ его по точкѣ.

II. Тамга съ чертою и 3 точками: одной слѣва и двумя справа отъ тамги (какъ № 88).

(См. Таб. III).

Въ моей коллекціи одинъ экземпляръ этой интересной неизданной монеты. Хотя онъ не вполнѣ сохранился, но самая важная часть, конецъ латинской легенды съ двумя странными буквами, отлично видна.

Особенная, одинаковая у всѣхъ монетъ форма латинскихъ буквъ на главной сторонѣ, при чемъ особенно замѣчательно, что въ названіи города оба А и оба F постоянно изображаются одинаково различно, затѣмъ сходство чеканки вообще доказываютъ, что всѣ эти монеты чеканены въ одинъ и тотъ же періодъ времени. Слѣдовательно имѣется достаточное основаніе причислить ихъ къ одному и тому же отдѣленію. Судя по буквамъ послѣ имени города, 24 монеты шестого отдѣленія принадлежать четыремъ разнымъ консуламъ, которые, должно быть, приблизительно въ то же самое время правили колоніей. Такъ какъ всѣ монеты этого отдѣленія показываютъ на обратной сторонѣ имя Хаджи-Гирея, то не подлежитъ сомнѣнію, что они чеканены въ періодъ отъ 1441—1466 г. Поэтому Кене⁷¹⁾ и Юргевичъ⁷²⁾ приписали монеты съ буквами Y.Y. консулу Джованни Джустиніани (Ioannes Iustinianus),

⁷¹⁾ Кене. О. м. К., стр. 312.

⁷²⁾ Юргевичъ. I., стр. 160.

правившему отъ 1448 – 1449 г., а монеты съ буквами В.С. Бартоломео Джентиле (Bartolomeo Gentile), бывшему консуломъ отъ 1458—1459 г. Кепе уже доказалъ, что фамилія Джустиніані въ памятникахъ того времени пишется то съ I, то съ Y, такъ что я тоже согласенъ съ этимъ рѣзъясненiemъ монетъ съ буквами Y.Y.⁷³), но я не вижу причины этимъ авторамъ приписывать монеты съ буквами В. С. Бартоломео Джентиле, а не консулу Борруэле Гриимальди (Borruele Grimaldi), время правленія котораго (1453 г. по Юргевичу) гораздо ближе къ времени Дж. Джустиніані. Единственная причина, приведенная Юргевичемъ,—испорченный арабскій шрифтъ на монетахъ съ буквами В. С.—едва ли основательна и вѣска. Монеты, описаныя мною подъ №№ 82 и 83, относятся, вѣроятно, къ тому же самому консулу. Аспры же съ буквами В. S. (№ 96 – 90) и съ замѣчательными буквами № 91 принадлежать, можетъ быть, пока неизвѣстнымъ консуламъ, правившимъ Каффою между Джіованни Джустиніані и Борруэле Гриимальди.

---

7 отдельніе.

Аспры консуловъ С.Р и У. З.

- I. Гербъ Генуи въ кругѣ или въ ромбѣ изъ точекъ. Внутри цортала одна точка, или тамъ нѣть никакого прибавочнаго знака. Форма буквъ такая, какъ у монетъ 5-го отдѣленія, съ которыми монеты 7-го отдѣленія имѣютъ еще то сходство, что въ латинской надписи находится буква С передъ именемъ города. Наружный край также изъ точекъ.
- II. Гиреевская тамга безъ всякихъ прибавочныхъ знаковъ въ ромбѣ, состоящемъ изъ точекъ, точно также какъ и наружный кругъ. Арабская надпись написана испорченнымъ шрифтомъ.

A. Съ буквами I.RG послѣ имени города.

92. I. ♫:A:СЯДДА:I.RG. Гербъ Генуи въ ромбѣ.

⁷³) О томъ, что въ то время буквы I и Y употреблялись безразлично, свидѣтельствуютъ также монеты, описаныя подъ № 92 и 93.

II. Неразборчивая арабская надпись. Въ ромбъ гиреевская тамга, верхняя горизонтальная линія которой въ серединѣ выемчаты, углы округлены.

(См. Таб. III).

Экземпляръ, по которому эта монета срисована, принадлежитъ г. Ю. Б. Иверсену въ С.-Петербургѣ, другой экземпляръ въ коллекціи Императорскаго Эрмитажа. Послѣдній былъ уже описанъ б. Кене⁷⁴⁾, но не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ онъ сообщаетъ, что передъ буквой I находится буква G. На всѣхъ экземплярахъ, которые я видѣлъ (въ томъ числѣ и экземпляры Эрмитажа), ясное A, какъ конецъ слова Я А Р А.

93. I. +A.AЯР.А.У:RG. Гербъ въ ромбѣ.

II. Тамга обыкновенной формы въ ромбѣ. Арабская надпись также сильно испорчена, но по ней можно скроѣ догадаться, чѣмъ по № 92, что имя хана должно быть Хаджи-Гирей.

(См. Таб. III).

Хотя на изображенномъ экземпляре, находящемся въ коллекціи Ю. Б. Иверсена, послѣднія буквы не вполнѣ сохранились, однако изъ того, что видно отъ нихъ, легко составить RG.

94. I. +A.AЯР.....Б. Гербъ въ ромбѣ. (=93?).

II. Какъ № 92, но другого штемпеля.

(См. Таб. III).

Также въ коллекціи Иверсена.

В. Съ буквами У. З. послѣ имени города.

95. I. .....A.У.З. Гербъ въ ромбѣ.

II. Тамга тоже въ ромбѣ. Отъ надписи осталось только нѣсколько буквъ.

(См. Таб. III).

Экземпляръ, изображенный мною, находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ.

---

⁷⁴⁾. Koehne: Les monnaies de Kaffa. № 2.

Вѣроятно этотъ аспръ тотъ же самый, о кото-
ромъ Кене упоминаетъ подъ № 6.⁷⁵⁾

96. I. +.....**Y**Z. Гербъ въ ромбѣ.

II. Какъ 95, но кажется другаго штемпеля.

(См. Таб. III).

На экземпляре изъ коллекціи Иверсена, изобра-
женномъ на Таб. III, буква передъ Y не совсѣмъ
сохранилась, но навѣрно обозначаетъ А. Другой
экземпляръ очень плохой сохранности находится
въ моей коллекціи.

97. I. Надпись какъ на предыдущей монетѣ, но гербъ въ
кругѣ изъ точекъ.

II. Какъ обѣ предыдущія.

(См. Таб. III).

Въ коллекціи Ю. Б. Иверсена.

98. I. +**a****C**.R**G**I..... Тамга въ кругѣ.

II. Какъ предыдущія.

(См. Таб. III).

Одинъ экземпляръ въ Императорскомъ Эрмита-
жѣ, на которомъ послѣднія буквы латинской
надписи не сохранились, но если это также УЗ,
то № 98 все таки по штемпелю на обѣихъ сто-
ронахъ отличается отъ № 97.

Монеты этого небольшого отдѣленія чеканены во время двухъ
консуловъ, имена которыхъ начинаются буквами I. R G и I. Z.
Для тѣхъ и другихъ монетъ Кене даетъ объясненія⁷⁶⁾, однако весь-
ма неудачныя. Онъ причисляетъ монеты съ буквами IRG консулу
Джіовани Лоренцо Кабелла (Giovanni Lorenzo Cabella), правившему
отъ 1465—1466 г. Хотя и можно допустить, что G здѣсь замѣ-
няетъ С, такъ какъ эта фамилія называлась тогда то Cabella, то
Gabella, однако совсѣмъ не вѣроятно, что отъ одного имени (Джіов-
ани) употреблялась первая буква латинской формы (Ioannes), а отъ
другого вместо слѣдуемаго L (Laurentius) первая буква итальянска-
го уменьшительного этого имени (Renzo вместо Lorenzo). Впрочемъ

⁷⁵⁾). Kochne, ibidem. № 6.

⁷⁶⁾). Kochne, ibidem.

и Кене самъ не убѣжденъ въ своемъ толкованіи значенія этихъ буквъ, какъ доказываютъ его слова: „peut-être de Giovanni Renzio della Gabella, consul en 1466.“ — Еще менѣе правдоподобно объясненіе, данное этимъ авторомъ для монетъ съ буквами У. З., которая онъ, правда не скрывая свое собственное сомнѣніе, приписываетъ консулу Giuliano Gentile Falamonica. Чтобы доказать возможность этого предположенія онъ прибѣгаєтъ къ тому объясненію, что слово “gentile” въ некоторыхъ частяхъ Италии, напр. въ Венеции (но въ Генуѣ ли?) произносится не джентиле, но зентиле. Слѣдовательно, чтобы раздѣлить его мнѣніе, надобно было бы допустить, что на одной монетѣ крестное имя приведено въ латинской формѣ, а фамилія не на томъ же языкѣ, но въ формѣ какого-нибудь итальянскаго нарѣчія! Но впрочемъ все это предположеніе уже по тому невозможно, что никакихъ монетъ, чеканенныхъ Джіуліано Джентиле, не можетъ существовать. Хотя и избранный въ каффскіе консулы, Джентиле таковыи никогда не былъ, потому что не успѣлъ доѣхать до мѣста своего назначенія, которое, уже до его прибытія, было взято Турками⁷⁷).

---

8 отдаленіе.

Аспры консула б. I.

I. Гербъ Генуи въ кругѣ изъ точекъ, въ серединѣ портала колечко. Шрифтъ тотъ же самый, какъ и на монетахъ предыдущаго отдаленія.

II. Гиреевская тамга въ кругѣ изъ точекъ. Арабская надпись также копирована рѣзчикомъ, не знающимъ арабскаго шрифта.

---

99. I. + o a o A R E o b I. Подъ гербомъ точка.

II. Надъ тамгою одна точка.

(См. Таб. III).

Описана и изображена по экземпляру, принадлежащему Ю. Б. Иверсену въ С.-Петербургѣ, въ

---

⁷⁷) Atti della Societa Ligure di storia patria. Vol. VII, parte II, fascicolo II. Genova, 1881, стр. 784.

коллекциі котораго находятся также два варіанта этой монеты, описанные ниже подъ №№ 100 и 101.

—На двухъ экземплярахъ этой монеты, которая я видѣлъ, конецъ латинской легенды немножко сглаженъ, такъ что нельзя сказать, были ли послѣ послѣднихъ двухъ буквъ раздѣлительныя колечки (какъ у № 100) или нѣтъ.

100. I. + . С . Я R E . б . I . . Порталъ значительно меньше, чѣмъ у № 99; подъ нимъ также точка.

II. Надъ тамгою точка. Надпись немного отличается отъ предыдущей.

(См. Таб. III).

101. I. Какъ 100.

II. Второй варіантъ обѣихъ предыдущихъ монетъ.

(См. Таб. III).

Насколько мнѣ известно, монеты 8-го отдѣленія до сихъ поръ не были изданы⁷⁸). Первая буква послѣ имени города болѣе всего похожа на маленькое латинское „b“; поэтому возможно, что эти монеты чеканены при Battista Giustiniani (Iustinianus)—Oliverio, бывшимъ консуломъ въ Каффѣ отъ 1473—1474 г.

---

9 отдельение.

Аспры консула I. С.

I. Гербъ Генуи безъ всякаго окаймленія; въ серединѣ его трилистникъ (?).

II. Гиреевская тамга въ кругѣ изъ точекъ. Кругомъ неразборчивая легенда, написанная испорченнымъ арабскимъ шрифтомъ.

---

⁷⁸). Въ своей послѣдней работе Кене описываетъ подъ № 3 одну монету, у которой также видны колечки, какъ раздѣлительные знаки латинской надписи. Но его описание такъ поверхностно и, можно сказать, даже невѣрно, что нельзя узнать, куда отнести эту монету.

102. I. Надъ порталомъ крестикъ, слѣва отъ него розетка и подъ послѣдней, по серединѣ лѣвой стороны, буква А, подъ гербомъ ГС; что находилось справа отъ герба, на единственномъ мнѣ известномъ экземплярѣ не видно.
- II. Гиреевская тамга съ горизонтальной чертцю, въ кругѣ изъ точекъ. Надпись не вполнѣ сохранилась, но, какъ видно, она содержала кромѣ титула **سلطان حاجی کرای**.

Единственный экземпляръ этой очень замѣчательной монеты, которая своею главной стороной такъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ каффскихъ аспровъ, находится въ коллекціи Ю. В. Иверсена.

Буквы ГА, находящіяся подъ гербомъ, можетъ быть, начальные буквы имени Джованни (Ioannes) Cabella, бывшаго каффскимъ консуломъ отъ 1465—1466 г. Во всякомъ случаѣ есть болѣе основанія относить къ этому консулу только что описанную монету, чѣмъ монеты, приведенные выше подъ №№ 92—94.

IV группа.

Фоллери (мѣдные монеты).

Число мѣдныхъ каффскихъ монетъ, дожедшихъ до насъ, довольно незначительно. Мурзакевичъ и Юрьевичъ, описавшіе ихъ, знали только пять, такъ какъ одна изъ монетъ, описанныхъ ими, собственно не каффская, какъ уже предполагалъ Кене. Я также могу привести только семь разныхъ вариантовъ, такъ что при этомъ маленькомъ количествѣ счелъ лишнимъ раздѣлить ихъ на особенные отдѣленія, какъ я это сдѣлалъ съ каффскими аспрами. Перечисляя ихъ, я точно также, какъ у послѣднихъ, помѣстилъ раньше фоллери съ тамгою Золотой Орды, а за ними монеты съ гиреевской тамгою.—Особенность всѣхъ мѣдныхъ каффскихъ монетъ та, что онѣ не двуязычны, такъ какъ онѣ или совершенно безъ надписи, или же только съ латинскою надписью около генуэзскаго герба.

103. I. Гербъ Генуи безъ всякаго окаймленія, сопровождае-
мый четырьмя буквами слова **С Л Д Л**: наверху С,
справа Л, внизу Д, слѣва Л. Наружный край изъ
точекъ.

II. У края кругъ изъ точекъ, внутри его джучидская
тамга безъ всякихъ украшений.

(См. Таб. III).

Въ моей коллекціи четыре экземпляра, чеканен-
ные двумя различными штемпелями. Въ Одес-
скомъ музѣвъ два экземпляра, изъ которыхъ одинъ
замѣчательнъ тѣмъ, что на обратной сторонѣ
его находится маленькая гиреевская тамга, вы-
битая уже внослѣдствії⁷⁰⁾.

104. I. Какъ предыдущая, но буквы помѣщены въ другомъ
порядкѣ, а именно: слѣва D (вместо С), справа Л,
наверху опрокинутое Д, внизу Л.

II. Какъ 103.

(См. Таб. III).

Въ моей коллекціи два экземпляра этого до сихъ
поръ неизданного варианта предыдущей монеты.

105. I. **+ : С : Л : Р : Д : У : У :** Гербъ Генуи въ овалѣ изъ четы-
рехъ дугъ. По бокамъ портала и подъ нимъ по точкѣ.

II. Въ кругѣ, образованномъ изъ большихъ, широко раз-
ставленныхъ точекъ, джучидская тамга, внутри ко-
торой украшеніе въ видѣ вѣтви (?) у лѣвой верти-
кальной линіи.

(См. Таб. III).

Описана I. с. Мурзакевичемъ подъ № 2 и Юрге-
вичемъ подъ № 7. Въ Одесскомъ музѣвъ 5, въ
моей коллекціи 8 экземпляровъ, которые од-
нако всѣ довольно плохой сохранности.

Эта первѣдная монета интересна въ нѣкоторыхъ
отношеніяхъ. Главная сторона совершенно та же,
какъ и у монетъ, описанныхъ выше подъ №№
68 - 73, и, какъ мнѣ кажется, она даже чека-
нена тѣмъ же самымъ штемпелемъ; но на об-
ратной сторонѣ нашего фоллера мы видимъ там-

⁷⁰⁾ Юргевичъ. I. Таб. III. № 6.

ту Золотой Орды, между тѣмъ какъ на всѣхъ упомянутыхъ аспрахъ изображена гиреевская тамга. Такъ какъ едва-ли возможно допустить, что штемпель главной стороны былъ приготовленъ раньше для мѣдной монеты, а потомъ служилъ также для серебряной, но по всей вѣроятности дѣло было наоборотъ, т. е. употребляли изготовленные для аспровъ штемпеля потомъ и для мѣдныхъ монетъ, то надобно предположить, что монеты одновременны, а именно если tolko-ваніе буквъ Ч.Ч вѣрно, изъ времени правленія Джованни Джустиніани, 1448—1449 г. Въ такомъ случаѣ довольно странно, что и джучидская и гиреевская тамги были одновременно въ употребленіи. Дать вѣрное объясненіе этого факта, конечно, очень трудно при нашихъ скучныхъ свѣдѣніяхъ о каффскомъ монетномъ дѣлѣ вообще; можетъ быть, во время консула Джованни Джустиніани введеніе новой тамги Хаджи-Гирея было еще новинкою, такъ что Генуэзцы не находили ничего въ томъ, что они на мѣдныхъ монетахъ, какъ на менѣе важныхъ, чѣмъ серебряные, выбивали джучидскую тамгу, бывшую до тѣхъ поръ въ общемъ употребленіи. Замѣтленъ также орнаментъ, похожій на вѣтвь, находящійся внутри тамги; у монетъ Золотой Орды встрѣчается иногда на томъ же самомъ мѣстѣ маленькая горизонтальная черта, но такое украшеніе тамги, какъ у этой каффской монеты, мнѣ неизвѣстно у джучидскихъ монетъ.

106. I. Гербъ Генуи, какъ у предыдущей монеты; возлѣ него также по точкѣ, но прибавочный знакъ подъ гербомъ не сохранился. Отъ надписи осталось только + С : Р : F : ...., такъ что нельзя сказать, та ли же самая она, какъ у предыдущей монеты, или такая же какъ у какой-нибудь другої монеты 6-го отданія.
- II. Въ обыкновенномъ кругѣ гиреевская тамга безъ прибавочныхъ знаковъ. Вокругъ этого круга 7 (или 6) большихъ звѣздъ въ 6 лучей.

(См. Таб. III).

Въ моей коллекціи имѣется четыре экземпляра этой монеты, всѣ очень плохой сохранности. Два экземпляра, также очень плохо сохранившіеся, находятся въ Одесскомъ музѣ; по нимъ эта монета была издана Мурзакевичемъ I. с. подъ № 5. У послѣдняго рисунокъ неточенъ, такъ какъ на немъ и буквы невѣрно переданы и тамга невѣрно срисована; у Мурзакевича же рисунокъ совершенно правиленъ.

107. I. Подъ гербомъ звѣздочки, въ прочемъ какъ предыдущая. Отъ надписи остались тоже три первыя буквы, остальные стерлись.

II. Въ обыкновенномъ кругѣ гиреевская тамга, надъ которой находится довольно большая горизонтальная черта, кромѣ того одна точка, справа отъ тамги. Вокругъ круга 7 (?) большихъ звѣздъ, какъ у предыдущей монеты.

(См. Таб. III).

Я имѣю 6 экземпляровъ этой неизданной монеты. Такъ какъ на главной сторонѣ подъ портапломъ видна звѣздочка, то эта сторона, можетъ быть, чеканена штемпелемъ аспра, описанного выше подъ № 81, и монета такимъ образомъ чеканена во время консула Борруэле Гриимальди (1453 г.).

108. I. Святой Георгій съ копьемъ, убивающій дракона, въ обыкновенномъ кругѣ. Наружный же кругъ изъ точекъ. Безъ надписи.

II. Въ обыкновенномъ кругѣ гиреевская тамга съ горизонтальной чертой. Вокругъ круга 7 (?) звѣздъ, какъ у предыдущихъ двухъ монетъ. Безъ надписи.

(См. Таб. III).

— Мурзакевичъ I. с. № 5 и Юргевичъ I. с. № 4. Въ коллекціи Одесского Общества 5, въ моей 7 экземпляровъ.

109. I. Святой Георгій съ сіяніемъ и съ копьемъ, убивающій дракона, въ двойномъ кругѣ изъ точекъ. Безъ надписи.

II. Генуэзскій гербъ въ двойномъ кругѣ изъ точекъ. Тамга безъ надписи.

(См. Таб. III).

Эта монета была уже издана Лелевелемъ въ его Атласѣ, Таб. XIV. № 47. 48, потомъ Мурзакевичемъ I. с. подъ № 4 и Юрьевичемъ I. с. подъ № 3. Въ Одесскомъ музѣ 9 экземпляровъ, въ моей коллекціи только два, очень плохо сохранившіеся.—№ 109—единственная каффская монета, ничѣмъ не напоминающая о татарскихъ владѣтеляхъ Крыма.

Что монеты, описанныя мною подъ №№ 108 и 109, чеканены Генуэзцами въ Каффѣ, это доказываютъ относительно № 109 явленіе генуэзского герба на обратной сторонѣ, а относительно № 108 очень большое сходство обратной стороны съ той же стороною монетъ, описанныхъ подъ №№ 106 и 107., и кромѣ того то обстоятельство, что обѣ эти монеты до сихъ поръ найдены только въ Феодосіи. Явленіе Св. Георгія на главной сторонѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ чеканены послѣ перехода колоніи во владѣніе Банка Святого Георгія, т. е. послѣ 1453 г.

Извѣстіе того, что этотъ самый Святой изображенъ на двухъ татарскихъ монетахъ, одной серебряной и другой мѣдной, изданныхъ Френомъ⁸⁰), профессоръ Юрьевичъ заключилъ, что эти монеты также чеканены Генуэзцами въ Каффѣ⁸¹). На обѣихъ монетахъ—не только на мѣдной, но и на серебряной, какъ показываетъ довольно хорошо сохранившійся экземпляръ моей коллекціи —читается ..... العادل بولاد. Шрифтъ очень ясенъ и правиленъ, поѣтому едва ли можно допустить, что штемпеля этихъ монетъ сдѣланы рѣзчикомъ, не знающимъ арабскаго письма, и надобно полагать, что онѣ дѣйствительно чеканены во время Пуладъ-Хана, царствовавшаго отъ 1408 — 1411 г. Если же монеты происходятъ изъ этого времени, то они не могли быть чеканены Генуэзцами въ Каффѣ, такъ какъ го-

⁸⁰) Fraehn; Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's. St.-Petersburg 1832. № 301 и 399. Tab. VIII. Fig. CCLX в и Tab. XI, Fig. CCLXXV.

⁸¹) Юрьевичъ, I, стр. 157. Таб. III. Fig. 1 и 2

родъ только въ 1453 г. былъ переданъ Банку Святого Георгія. Поэтому я присоединяюсь къ мнѣнію б. Кене, считавшаго ихъ монетами, чеканенными, вѣроятно, русскими князьями во время царствованія Пуладъ-Хана, тѣмъ болѣе, что эти монеты, на сколько мнѣ известно, никогда не были найдены въ Крыму.

Еще слѣдуетъ упомянуть здѣсь о монетахъ Золотой Орды, съ контръ-маркою, представляющей порталъ, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что подобная марка на татарскихъ монетахъ могла быть выбита только Генуэзцами въ Каффѣ. Мнѣ известны три различныхъ контръ-марки, изъ которыхъ двѣ встрѣчаются только на мѣдныхъ монетахъ, третья на серебряныхъ.

а. Контръ-марка большая, круглая, представляющая гербъ Генуи, окруженный пятнадцатью большими, широко-разставленными точками.

Эта марка употреблялась только для мѣдныхъ монетъ. Въ моей коллекціи имѣется 5 экземпляровъ съ этимъ штемпелемъ, изъ которыхъ два еще ясно показываютъ первоначальную монету. Въ обоихъ случаяхъ это обыкновенная золотоордынская монеты изъ числа тѣхъ, которые Френъ называлъ анонимными (см. предыдущій рисунокъ)⁸²⁾. Такая татарская монета съ генуэзской контръ-маркой была павѣрено мѣдная монета въ коллекціи гр. Л. А. Перовскаго, про которую Кене пишетъ: «на ней изображенъ, съ одной стороны, гербъ Генуи, безъ надписи; обратное изображеніе совершенно стерто»⁸³⁾. Сю-

⁸²⁾ Я здѣсь, точно также какъ и у слѣдующихъ двухъ рисунковъ, изобразилъ только одну сторону съ контръ-маркою, такъ какъ другая сторона у всѣхъ этихъ монетъ вслѣдствіе второго чекана почти совсѣмъ сглажена.

⁸³⁾ Кене. О. м. К., стр. 313.

да, вѣроятно, относится также монета, изданная Мурзакевичемъ I. с. подъ № 6 и Юргевичемъ подъ № 8. Судя по рисунку, слѣдовало бы предполагать, что штемпель этой марки другой, чѣмъ тотъ, который описанъ мною, такъ какъ порталъ немнога больше и неѣтъ вокругъ него точекъ, но очень возможно, что рисунокъ не совсѣмъ точно выполненъ. Во всякомъ случаѣ предположеніе Кене о томъ, что Одесская—монета татарская, на которой генуэзскій гербъ выбить впослѣдствії, совершенно вѣрно.

- b. Контрь-марка мала, представляющая порталъ въ овалѣ. Изображеніе хотя отличается немнога отъ обычновеннаго, но едва ли оно можетъ обозначать что-нибудь другое.

У меня есть три одинаковыхъ, серебряныхъ монеты Узбекъ-Хана, изъ которыхъ одна выше изображена. Эти три монеты находились въ кладѣ, найденномъ недалеко отъ г. Старого-Крыма, который состоялъ изъ монетъ Хаджи-Гирея, генуэзско-татарскихъ аспровъ и около 30 болѣе или менѣе стертыхъ монетъ Узбекъ-Хана. На большей части послѣднихъ находятся контрь-марки: три экземпляра имѣютъ только-что описанную марку, считаемую мною генуэзской, остальные имѣютъ марки, содержащія слово خان или гиреевскую тамгу. Я въ другомъ мѣстѣ сообщу подробнѣе объ этихъ монетахъ.

- c. Контрь-марка мала, въ прямоугольникѣ. Эта марка отличается отъ предыдущей тѣмъ, что средняя вертикальная черта пересѣкаетъ среднюю горизонтальную,

вследствие чего изображение довольно значительно отличается от генуэзского герба, но тем не менее мнѣ кажется, что оно должно изображать его, а не что-либо иное.

Только на одной обыкновенной джучидской монетѣ моей коллекціи.

Въ своемъ скромномъ трудаѣ о генуэзско-татарскихъ монетахъ, давшихъ, какъ видитъ читатель, довольно большое количество новаго нумизматического материала, я, къ сожалѣнію, по независѣмъ отъ меня обстоятельствамъ, долженъ былъ ограничиться отчасти объясненіемъ только небольшого числа приведенныхъ монетъ, а отчасти оспариваніемъ объясненій и толкованій прежнихъ нумизматовъ.

Довольно много монетъ осталось еще безъ объясненія вслѣдствіе того, что вообще весьма затруднительно для человѣка, живущаго въ Россіи, дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на все возбужденные находившимся подъ рукою материаломъ вопросы. Нѣкотораго освѣщенія этихъ вопросовъ, оставшихся невыясненными, можно ожидать только отъ лицъ, имѣющихъ возможность заниматься въ генуэзскихъ архивахъ, хотя нельзя и на это возлагать особенно большихъ надеждъ, въ виду того обстоятельства, что списки каффскихъ консуловъ, имѣющіе столько пробѣловъ, уже изданы именно мѣстными историками, пользовавшимися, конечно, этими самыми архивами.

Feci, quae potui, faciant meliora potentes!

О. Ретовскій.

О Т Ч Е Т Ъ

о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи за 1896 годъ.

Истекшімъ 1896-мъ годомъ закончилось первое десятилѣтіе существованія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, и для нея, такимъ образомъ, начинается уже исторія. Жизнь учрежденій и обществъ, преслѣдующихъ отвѣченныя, научныя задачи, измѣряется у настѣ еще небольшими періодами, и для такихъ скромныхъ учрежденій, какъ наша Коммиссія, десятилѣтіе существовованія имѣть большое значеніе. Обращая невольно взоры на пройденный путь, подводя итоги своей дѣятельности, Таврическая Ученая Архивная Коммиссія можетъ сказать, что трудилась не напрасно, не бесполезно. Не имѣя достаточныхъ и опредѣленныхъ средствъ, работая вдали отъ главныхъ центровъ отечественаго просвѣщенія, Коммиссія, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, дѣлала свое нелегкое дѣло, направленное на пользу родной науки и благо здѣшняго края. Сознавая всѣ пробѣлы и недостатки въ своей дѣятельности, Коммиссія спокойно смотрѣть впередъ, надѣясь вполнѣ, что слѣдующій періодъ ея жизни будетъ для нея еще болѣе благопріятнымъ, увѣренная, что дѣятельность ея разовьется шире, что и положеніе ея, какъ официального учрежденія, упрочится вполнѣ и что смыслъ и цѣли ея существованія будутъ вполнѣ оцѣнены образованнымъ мѣстнымъ обществомъ. Просвѣщенное содѣйствіе и сочувствие къ дѣятельности Коммиссіи Таврическаго земства, которому она главнымъ образомъ обязана успѣхами своихъ трудовъ, служитъ ручательствомъ, что надежды Коммиссіи не останутся тщетными.

Переходя къ отчету о дѣятельности своей въ 1896 году, Коммиссія считаетъ долгомъ прежде всего помянуть свои утраты, которыхъ въ истекшемъ году было немало и которыхъ сильно омрачили ея дѣятельность, тѣмъ болѣе, что слѣдовали быстро одна за другою.

30 Марта 1896 года, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, на 77-мъ году жизни, скончался директоръ Археологического Института т. с. Аскalonъ Николаевичъ Труворовъ. Хорошо известный своими многочисленными трудами, преемникъ сенатора Н. В. Калачова и профессора И. Е. Андреевскаго въ званіи директора Археологического Института, покойный А. Н. Труворовъ съ живымъ интересомъ относился къ дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и стремился упрочить ихъ положеніе, а посѣщеніе имъ Симферополя и участіе въ засѣданіи нашей Комиссіи 9 ноября 1893 г. оставило у всѣхъ мѣстныхъ членовъ Комиссій неизгладимое въспоминаніе о томъ вниманіи, съ какимъ покойный входилъ во всѣ подробности ея трудовъ.

3 апрѣля 1896 года скончался на пятидесятомъ году отъ роду Предсѣдатель нашей Комиссіи Таврическій губернскій предводитель дворянства, камергеръ Двора Его Величества, д. с. с. Вивианъ Вильямовичъ Оливъ. Избранный въ предсѣдатели Комиссіи 22-го февраля, покойный весьма недолго носилъ это званіе. Уроженецъ Тавриды, горячо любившій этотъ край, В. В. Оливъ относился къ дѣятельности нашей Комиссіи съ просвѣщенною заботливостью и мечталъ употребить всѣ усилия и все свое вліяніе на то, чтобы обеспечить Комиссію постояннымъ и соотвѣтственнымъ ея нуждамъ помѣщеніемъ. Но этимъ планамъ не суждено было осуществиться, и нашей Комиссіи пришлось только присоединить свою скорбь къ горю всего общества о потерѣ этого благороднаго и гуманнаго человѣка и полезнаго общественнаго дѣятеля.

Одновременно съ своимъ предсѣдателемъ Комиссія, 5 апрѣля, лишилась одного изъ скромныхъ, но весьма полезныхъ своихъ членовъ, архиваріуса Губернского Правленія Г. К. Кирпенка. Самъ человѣкъ неученый, покойный съ величайшою готовностью содѣствовалъ членамъ Комиссіи въ занятіяхъ ихъ въ архивахъ Губернского Правленія и Канцеляріи Таврическаго Губернатора, и сообщилъ для напечатанія въ „Извѣстіяхъ“ Комиссіи ордера князя Нотемкина-Таврическаго и князя П. А. Зубова правителямъ Таврической области—весьма важный матеріалъ для исторіи края.

Наконецъ 10-го мая истекшаго года скончался на 76 году жизни почетный членъ Комиссіи—директоръ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, первоприсутствующій въ Московскому Опекунскому Совѣтѣ, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ и членъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ, т. с. баронъ Феодоръ Андреевичъ Бюлеръ. Таврическая Ученая Архивная Комиссія весьма обязана

покойному своему почетному члену внимательнымъ и радушнымъ отношениемъ его къ занятіямъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ бывшаго правителя дѣлъ нашей Коммиссіи Ф. Ф. Лашкова и разрѣшеніемъ напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Коммиссіи такие цѣнныя для исторіи Крыма материалы, какъ „Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII вѣкахъ“, статейные списки Московскихъ посланниковъ въ Крымъ Ивана Судакова и Семена Безобразова“, а также „Реестръ дѣламъ Крымскаго двора съ 1474 по 1779 г.,“ составленный Бантышъ-Каменскимъ.

Дѣятельность Коммиссіи по разбору архивовъ и выдѣленію изъ нихъ дѣлъ, подлежащихъ храненію въ историческомъ архивѣ, — что составляетъ главнейшую ея обязанность,—къ сожалѣнію, и въ 1896 году не была дружной и энергичной. Правда, до осени истекшаго года помѣщеніе Коммиссіи было крайне неудобно для занятій членовъ, но и съ переходомъ въ лучшее помѣщеніе это дѣло мало подвинулось впередъ. Вечерняя суботнія собранія, устроенные специально для разбора архивныхъ дѣлъ, посѣщались только тремя лицами.... Пока архивъ Коммиссіи не великъ,—но уже необходимо торопиться съ систематизацией и описаніемъ дѣлъ его, потому что въ противномъ случаѣ черезъ два-три года придется Коммиссіи „разбирать“ свой собственный архивъ—исторический.... Какъ ни новы мѣстные архивы,—но многие изъ нихъ уже требуютъ разбора, а они еще не тронуты Коммиссіей. Всего изъ мѣстныхъ архивовъ разсмотрѣно было въ 1896 году членами Коммиссіи: А. О. Кашпаромъ 243 дѣла Таврическаго Губернскаго Правленія (изъ нихъ выдѣлено для храненія три дѣла), А. Н. Феноменовымъ 37 дѣлъ того же архива (выдѣлено одно дѣло) и А. В. Ивановымъ 42 дѣла.

Что касается просмотра описей архивныхъ дѣлъ, присыпаемыхъ въ Архивную Коммиссію правительственныеими учрежденіями Таврической и другихъ губерній, то въ отчетномъ году разсмотрѣно было: членомъ Коммиссіи Ф. Ф. Лашковымъ 1 опись (132 дѣль) Бессарабской Казенной Палаты, В. П. Ласковскимъ 1 опись (3640 дѣль) Переяславскаго Уѣзднаго Полицейскаго Управлія, правителемъ дѣлъ 13 описей (18857 дѣль) Екатеринославской Казенной Палаты, 2 описи (11200 дѣль) Ставропольской Казенной Палаты и 1 опись (932 дѣль) Симферопольскаго Уѣзднаго Полицейскаго Управлія. При этомъ тѣ дѣла, которыя, судя по названіямъ, казались заслуживающими разсмотрѣнія, по требованію

Комміссії, препровождались ей указанными учреждениями,— и послѣ разсмотрѣнія возвращались съ отмѣткой, заслуживающей-ли они храненія, или нѣтъ.

Кромѣ того членъ Комміссіи Аблакимъ Эфенди Куламетъ-оглу разбиралъ, съ разрешеніемъ г. предсѣдателя Вакуфной Комміссіи, книги и бумаги, находящіяся въ одной изъ Симферопольскихъ мечетей. Оказалось, что все это обрывки молитвенныхъ книгъ и метрическихъ вѣдомостей, и ничего заслуживающаго вниманія въ этой массѣ бумагъ не нашлось.

Сознавая всю важность второй своей задачи, заключающейся въ сохраненіи и изученіи памятниковъ древности, которыми такъ богата Таврида, Комміссія и въ отчетномъ году трудилась и въ этомъ направленіи. Такъ, обращено было вниманіе на начавшуюся сломку древней стѣны въ дер. Эски-Сарай Симферопольского уѣзда, и постановлено войти съ ходатайствомъ къ владѣльцу Эски-Сарайя князю Долгорукому о прекращеніи этой сломки и просьбой принять мѣры къ сохраненію отъ разрушенія находящейся тамъ же древней мечети, одного изъ изящнѣйшихъ памятниковъ восточной архитектуры въ Крыму. Далѣе, Комміссія входила въ сношенія съ директоромъ неврологического музея Императорскаго Московскаго университета профессоромъ А. Я. Кожевниковымъ по вопросу о крашеныхъ костяхъ, находимыхъ въ курганахъ, и объ опредѣленіи имѣющихся въ музѣѣ Комміссіи череповъ, испросила разрешеніе Императорской Археологической Комміссіи на производство раскопки кургана на городской землѣ г. Симферополя, въ лицѣ своего члена О. Ф. Ретовскаго участвовала въ X археологическомъ съѣздѣ въ г. Ригѣ. Членъ Комміссіи, профессоръ университета Св. Владимира Ю. А. Кулаковскій собиралъ матеріалъ къ составленію археологической карты Крыма и производилъ раскопки кургановъ; а правитель дѣлъ Комміссіи объѣхалъ юговосточную часть полуострова отъ Алушты до Феодосіи и собралъ довольно значительный археологическій матеріалъ. Членъ Комміссіи К. Е. Косцюшко-Валюжиничъ продолжалъ раскопки на мѣстѣ древняго Херсониса, которая въ послѣднее время были особенно богаты цѣнными находками. Членъ Комміссіи А. О. Кашпаръ обслѣдовалъ мѣстность въ имѣніи Ю. В. Попова „Тавель“ съ слѣдами обширныхъ древнихъ сооруженій,— и здѣсь предположено Комміссіей произвести археологическіе раскопки. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ Комміссіи не даетъ ей возможности расширить свою дѣятельность въ дѣлѣ изученія археологии края экскурсіями, раскопками и т. д.

Музей древностей Комиссии обогащался и въ истекшемъ году благодаря пожертвованіямъ Императорской Археологической Комиссии и частныхъ лицъ; нѣсколько предметовъ было пріобрѣтено на средства Комиссии. Всего въ 1896 г. поступило въ музей 949 монетъ и 261 другихъ предметовъ древности. Всего въ музей имѣется: монетъ 3856 и другихъ предметовъ древности 2685.

Переходъ Комиссии въ болѣе удобное помѣщеніе далъ возможность открыть музей ея для публики, что несомнѣнно, кромѣ образовательного значенія, повлечетъ за собою и обогащеніе музея предметами древности. Къ сожалѣнію, и нынѣшнее помѣщеніе Комиссии пельзя назвать вполнѣ соотвѣтствующимъ для надлежащаго устройства въ пемъ исторического архива и музея древностей. Желательно, чтобы Комиссия получала въ наискорѣйшемъ времени свое собственное и вполнѣ цѣлесообразное помѣщеніе.

Библіотека Комиссии пополнялась и въ отчетномъ году путемъ пожертвованій частныхъ лицъ и обмѣна на изданія Комиссіи съ учеными учрежденіями и обществами. Всего поступило въ библіотеку въ 1896 г. 155 номеровъ книгъ и брошюръ. Изъ частныхъ лицъ болѣе всего, какъ и въ предыдущіе годы, пожертвовалъ книгъ въ библіотеку Товарищъ Предсѣдателя Комиссии Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей.

Въ личномъ составѣ Комиссии произошла въ 1896 г. важная перемѣна, избраніемъ 11 апрѣля въ Предсѣдатели ея генералъ-маюра Александра Никифоровича Ильина. Отъѣздъ изъ Крыма на службу на Кавказъ товарища предсѣдателя Комиссии Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирея лишилъ ее возможности пользоваться всегда его энергичнымъ и высокосимпатичнымъ участіемъ въ ея дѣятельности.

Въ отчетномъ году состоялось шесть засѣданій Комиссии, въ которыхъ кромѣ текущихъ дѣлъ доложено было девять научныхъ сообщеній, изъ которыхъ нѣкоторые уже напечатаны, а другія будутъ напечатаны въ „Извѣстіяхъ“ Комиссии.

Въ 1896 г. Комиссія издала два выпуска своихъ „Извѣстій“ (№№ 24 и 25).

Въ теченіе года избрано было въ члены Комиссии 18 лицъ.

Средства Комиссии, какъ видно изъ слѣдующей вѣдомости о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ въ 1896 году, не усилились сравнительно съ предыдущимъ годомъ и состояли, какъ и въ прежніе годы, изъ пособія Таврическаго Губернскаго Земства, пожер-

твованій и членскихъ взносовъ, при чмъ количество послѣднихъ, къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ не увеличивается, а уменьшается. Что касается расходовъ Коммиссіи, то кромѣ издержекъ на печатаніе трудовъ ея довольно значительная сумма, сравнительно съ ея бюджетомъ, была употреблена на обстановку въ новомъ помѣщеніи и пріобрѣтеніе необходимой мебели. Ипвентарь Коммиссіи обогатился въ 1896 году также значительными пожертвованіями г. Предсѣдателя Коммиссіи А. Н. Ильина.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ.

Оставалось отъ 1895 года . . . . . 887 р. 24 к.

П р и х о дъ.

1. Пособіе Таврическаго Губернскаго Земства	300 р.
2. Поступило членскихъ взносовъ и пожер- твованій	39 р.
3. Выручено отъ продажи „Извѣстій“ Коммиссіи	20 р.
4. Поступило % отъ Общества Взаимнаго Кредита	10 р. 12 к.
Итого	1256 р. 36 к.

Р а с х о дъ.

1. За печатаніе №№ 23, 24 и 25 „Извѣстій“ Коммиссіи и оттисковъ статей	458 р. 5 к.
2. На пріобрѣтеніе предметовъ древности для музея Коммиссіи	3 р.
3. На улучшеніе инвентаря.	242 р. 33 к.
4. Пособіе члену Коммиссіи О. Ф. Ретовскому на поѣздку въ г. Ригу для участія въ Х археологиче- скомъ съѣзду	50 р.
5. Почтовые, канцелярскіе и др. мелкіе расходы	44 р. 60 к.
6. Сторожамъ и за переноску музея въ новое помѣщеніе	35 р. 30 к.
7. Членскій взносъ въ Общество Взаимнаго Кредита	25 р. 90 к.
Итого	859 р. 18 к.
Остается къ 24 января 1897 года	397 р. 18 к.

Правитель дѣлъ Таврической Ученой
Архивной Коммиссіи Арсеній Маркевичъ.

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Засѣданіе 24 Января 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Коммиссіи А. Н. Ильина присутствовали гг. члены: А. В. Гроздовъ, А. В. Ивановъ, А. О. Кашпаръ, В. П. Ласковскій, Ф. Ф. Лашковъ, Х. А. Монастырлы, С. А. Мокржецкій, протоіерей о. Алексѣй Назаревскій, Аблакимъ-әфенди Куламетъ оглу, Ф. Я. Ребецъ, А. К. Романюкъ, В. И. Сіяльскій, А. А. Смирновъ, А. Н. Феноменовъ и правитель дѣлъ Арс. И. Маркевичъ.

I. Доложенъ протоколъ засѣданія Коммиссіи 9 Декабря 1896 г.

Постановлено: протоколъ утвердить.

II. Доложенъ отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за истекшій 1896 годъ.

Постановлено: отчетъ утвердить, копію его представить въ Археологической Институтъ и напечатать его въ ближайшемъ выпускѣ „Ізвѣстій“ Коммиссіи.

III. Избрана была коммиссія изъ членовъ: В. П. Ласковскаго, Ф. Ф. Лашкова и А. А. Смирнова для провѣрки денежнаго отчета Коммиссіи за 1896 годъ и наличнаго состоянія кассы. Результаты провѣрки объявлены были въ томъ же засѣданіи Коммиссіи, при чемъ приходо-расходныя книги оказались веденными правильно, приходъ и расходъ денежныхъ суммъ найдены согласными съ документами, а остатокъ отъ истекшаго года налицо.

IV. Доложено отношеніе Распорядительного Комитета Высочайше разрѣшеннаго Х съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ (отъ 21 до 30 августа 1897 г.) съ выражениемъ желанія видѣть на съѣздѣ членовъ Коммиссіи.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V. Доложено отношеніе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества отъ 15 декабря 1896 г. за № 362 съ увѣдомленіемъ о полученіи № 25 „Ізвѣстій“ Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколь.

VI. Доложено отношение библіотеки Императорского Юрьевского университета отъ 13 декабря 1896 года за № 141 съ просьбой выслать №№ 17, 19 и 20 „Извѣстій“ и имѣющіе быть переизданными №№ 1—5-й.

Постановлено: выслать въ библіотеку Юрьевского университета №№ 17, 19 и 20 „Извѣстій“, имѣющіеся въ распоряженіи Коммиссіи.

VII. Доложено отношение Историко-Филологического Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университѣтѣ отъ 27 декабря 1896 г. за № 690 съ просьбой высылать „Извѣстія“ Коммиссіи въ обмѣнъ на его „Лѣтопись“.

Постановлено: высылать Историко-Филологическому Обществу при Императорскомъ Новороссійскомъ университѣтѣ „Извѣстія“ Коммиссіи по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ и выслать немедленно недосланные нумера ихъ.

VIII. Доложено отношение Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Амурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества отъ 13 ноября 1896 г. за № 349 съ предложениемъ вступить съ нимъ въ обмѣнъ изданіями.

Постановлено: выразить согласіе на этотъ обмѣнъ.

IX. Доложено письмо члена Коммиссіи профессора университета св. Владимира Ю. А. Кулаковскаго съ увѣдомленіемъ, что онъ по семѣннымъ обстоятельствамъ не имѣеть возможности отправиться въ Москву и не можетъ взять на себя представительства Коммиссіи въ предварительномъ комитетѣ по устройству XI археологическаго съѣзда въ г. Киевѣ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

X. Доложено письмо члена Коммиссіи профессора Ал. Ив. Маркевича съ выражениемъ согласія на представительство Коммиссіи въ предварительномъ комитетѣ означенаго выше съѣзда.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XI. Доложено письмо члена-сотрудника Псковскаго Археологическаго Общества Илларіона Іосифовича Сандовскаго отъ 26 декабря 1896 г. съ просьбой выслать ему экземпляръ „Извѣстій“ Коммиссіи.

Постановлено: увѣдомить г. Сандовскаго, что до настоящаго времени напечатано 25 выпусковъ „Извѣстій“ Коммиссіи, изъ которыхъ №№ 6—25 высылаются за плату, по 1 руб. за нумеръ.

XII. Доложено письмо помощника предсѣдателя Кубанского Областного Статистического Комитета Порфирия Петровича Короленко съ выражениемъ благодарности за избраніе его въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XIII. Доложено письмо Митрофана Викторовича Довнаръ-Запольского съ выражениемъ благодарности за избраніе его въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XIV. Доложено письмо члена Коммиссіи профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета Е. Ф. Шмурло съ просьбой выслать ему § 1—4 „Извѣстій“ Коммиссіи, по выпускѣ ихъ вторымъ изданіемъ.

Постановлено: имѣть въ виду.

XV. Доложено письмо почтово-телеграфнаго чиновника Леопольда Фридриховича Вильдера отъ 15 января 1887 г. съ увѣдомленіемъ о томъ, что онъ съ 17-го числа намѣренъ съ разрѣшеніемъ Высочайше учрежденной Особой Коммиссіи о вакуфахъ произвести раскопки кургановъ, находящихся на вакуфной землѣ выше деревни Курцовъ, арендоемой Емельяномъ Кравцовымъ. — Г. Предсѣдатель Вакуфной Коммиссіи В. П. Ласковскій при этомъ заявилъ, что разрѣшеніе производить раскопки на вакуфной землѣ г-ну Вильдеру не было имъ дано, а правитель дѣль доложилъ, что онъ по полученіи письма сейчасъ же сообщилъ о содержаніи его Начальнику Симферопольской почтово-телеграфной конторы съ просьбой предупредить г. Вильдера, чтобы онъ не приступалъ къ задуманнымъ имъ раскопкамъ, такъ какъ таковыя не могутъ быть ему разрѣщены.

Постановлено: снести по этому поводу съ Симферопольскимъ исправникомъ и просить его принять мѣры къ тому, чтобы въ означенной мѣстности не производилось самовольныхъ раскопокъ.

XVI. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи О. Ф. Ретовскаго: „Генуэзско-Татарскія монеты города Кафы“.

Постановлено: благодарить г. Ретовскаго за его высоко-интересный трудъ, который напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

XVII. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи профессора Ал. Ив. Маркевича: „Императрица Екатерина II и Крымъ“.

Постановлено: благодарить профессора Маркевича за его трудъ, который напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи. Что же касается выдачи автору просимыхъ имъ 600 оттисковъ его статьи для помѣщенія ихъ въ видѣ „приложения“ къ запискамъ Крымскаго Горнаго Клуба, то исполнить желаніе его, если расходъ на напечатаніе ихъ не будетъ слишкомъ обременителенъ для Коммиссіи.

XVIII. Слушали заявленіе члена Коммиссіи и хранителя ея музея А. О. Кашиара о томъ, что имъ приобрѣтено для музея Коммиссіи нѣсколько предметовъ древности, найденныхъ въ дер. Подовкѣ Днѣпровскаго уѣзда, главнымъ образомъ кремневыхъ орудій, за 3 рубля.

Постановлено: расходъ утвердить, а вещи передать въ музей.

XIX. Г. Предсѣдатель заявилъ объ исполнившемся въ этотъ день десятилѣтіи существованія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи и, указавъ на важное значеніе въ ея жизни бывшаго предсѣдателя Коммиссіи, а нынѣ почетнаго члена ея А. Х. Стевена и товарища предсѣдателя Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирея, предложилъ послать имъ телеграммы. Предложеніе г. Предсѣдателя было встрѣчено общимъ сочувствіемъ, и А. Х. Стевену и Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирею были отправлены телеграммы съ выражениемъ признательности за ихъ труды на пользу Коммиссіи.

XX. Доложено о слѣдующихъ книгахъ, поступившихъ въ библіотеку Коммиссіи: 1) отъ Императорской Академіи Наукъ т. V, № 5 ея „Извѣстій“ 1896 г. 2) Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. XIX его „Записокъ“. 3) Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества „Археологическая Извѣстія и Замѣтки“ за 1896 годъ. 4) Отъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университѣтѣ т. VI (Визант. отд. III) его „Лѣтописи“. 5) Отъ Императорскаго Юрьевскаго университета № 4 „Ученыхъ Записокъ“ его за 1896 годъ. 6) Отъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университѣтѣ т. XIII, вып. 6 его „Извѣстій“. 7) Отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества т. 9-й его „Сборника“ (1897 г.). 8) Отъ Виленской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ т. XXIII изданныхъ ею актовъ. 9) Отъ Севастопольской морской офицерской библіотеки Отчетъ за 1895 годъ. 10) Отъ члена Коммиссіи А. Л. Бертье - Делагарда брошюра его: „Педдѣлка греческихъ древностей на югѣ Россіи“, Одесса, 1896. 11) Отъ члена Коммиссіи Н. Н. Оглоблина брошюра: „Расходная книга Киевской приказной избы за 1675—76 гг.“ Киевъ, 1896 г. 12) Отъ И. И.

Дмитренко „Сборникъ историческихъ материаловъ по исторіи Кубанского казачьяго войска“. Т. I, II и III. 13) Отъ члена Комиссіи *П. П. Короленка* брошиоры: а) Ачуевъ 1697-1897; б) Двухсотлѣтие Кубанского Казачьяго войска (1696--1896); в) № 101 Кубанскихъ Вѣдом., 1896 г. съ статьюю: „Обзоръ Историческихъ извѣстій о происхожденіи Запорожскихъ и Хоперскихъ казаковъ. 14) Отъ профессора *Н. И. Веселовскаго* его „Рѣчь читанная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 15 декабря 1896 г.“.

Постановлено: благодарить за означенныя пожертвованія.

Засѣданіе 6 марта 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Комиссіи *А. Н. Ильина* присутствовали гг. члены: М. ѡ. Брунсь, А. В. Гроздовъ, А. Н. Дьяконовъ, А. О. Кашпарь, ѡ. ѡ. Лашковъ, Измаилъ мурза Муфтій-Заде, протоіерей А. Назаревскій, А. К. Романюкъ, А. А. Смирновъ, И. М. Сочевановъ, А. И. Сѣницкій, Н. К. Толстовъ, гость врачъ Поповъ и правитель дѣлъ Арс. И. Маркевичъ.

I. Доложенъ протоколъ засѣданія 24 Января 1897 года.

Постановлено: протоколъ утвердить.

II. Доложено отношеніе Члена Предварительного Комитета Археологическаго съѣзда въ Аѳинахъ, Директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ ѡ. И. Успенскаго отъ 23 января текущаго года за № 63 съ просьбой принять участіе въ трудахъ означенаго съѣзда, имѣющаго быть по случаю исполняющагося 50-лѣтия французской школы въ Аѳинахъ, и прислать своего депутата.

Постановлено: послать своевременно привѣтственную телеграмму съѣзду.

III. Доложено отношеніе Г. Товарища предсѣдателя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея отъ 30 января 1897 г. за № 118 съ препровожденiemъ первого выпуска Описанія хранимыхъ въ музѣѣ памятниковъ, заключающаго въ себѣ изслѣдованіе А. В. Орѣшникова: „Древне-русскія монеты до 1547 года“.

Постановлено: выразить Императорскому Россійскому Историческому Музею искреннюю благодарность Комиссіи за присылку этого цѣннаго изданія для ея библіотеки.

IV. Доложены статьи члена Комиссии П. П. Короленко: „Овчарный заводъ Черноморского казачьяго войска“ и „Конскій заводъ Черноморского казачьяго войска“, препровожденныя при письмѣ отъ 29 января сего года для посыпенія въ „Извѣстіяхъ“ Комиссіи.

Постановлено: благодарить г. Короленко за присылку этихъ статей и напечатать ихъ въ одномъ изъ ближайшихъ цумеровъ „Извѣстій“ Комиссіи.

V. Доложено письмо Ив. Ив. Дмитренка отъ 28 февраля сего года съ выражениемъ благодарности за избраніе его въ члены Комиссіи.

Постановлено: просить г. Дмитренка сообщать Комиссіи для напечатанія въ ея „Извѣстіяхъ“ матеріалы Кубанскаго Войсковаго Архива и статьи, касающіяся исторіи Таврическаго края.

VI. Доложены телеграммы почетнаго члена Комиссіи А. Х. Стевена и Товарица предсѣдателя Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирея, присланныя по случаю исполнившагося десятилѣтія существованія Комиссіи.

VII. Г. Предсѣдатель сдѣлалъ сообщеніе о посыпеніи имъ Археологическаго Института и о тѣхъ основаніяхъ, которыя приняты въ немъ для руководства при устройствѣ архивовъ, главнымъ образомъ относительно размѣщенія и описанія архивныхъ дѣлъ

Постановлено: благодарить А. П. Ильина за его сообщеніе и сдѣланныя имъ указанія принять къ свѣдѣнію.

VIII. Были разсмотрѣны предметы древности, найденные въ такъ называемомъ Дѣвомъ курганѣ близъ с. Нижнія Сѣрогозы Мелитопольскаго уѣзда 21 декабря 1896 года крестьянами Тимофеемъ и Ефимомъ Мелешко и препровожденные Таврическимъ Губернскимъ Правленіемъ на разсмотрѣніе въ Комиссію, предварительно отправленія ихъ въ Императорскую Археологическую Комиссію. Изъ дѣла объ открытии этихъ вещей видно, что упомянутые крестьяне, будучи на охотѣ, замѣтили, что край подземнаго хода, открытаго при раскопкѣ этого кургана проф. Веселовскимъ, отъ дождей обвалились. вслѣдствіе чего отъ этого хода открылся другой подземный ходъ, длиною, какъ и первый, въ три сажени. Въ этомъ-то ходѣ ими и найдены были слѣдующіе предметы: 1) Две подвески съ изображеніемъ драконовъ и шестью цѣпочками съ изображеніемъ на нихъ уточекъ. 2) Одинъ браслетъ въ видѣ обруча. 3) Десять перстней. 4) Семь штукъ уточекъ съ подвесками и 6 пластинокъ безъ уточекъ съ подвесками. 5) 14 штукъ

предметовъ въ видѣ двойныхъ пуговицъ съ подвѣсками. 6) Шестьдесять штукъ продолговатыхъ предметовъ въ видѣ бубенчиковъ. 7) 24 пластинки съ изображеніемъ лицъ. 8) 9 пластинокъ съ продолжаватыми подвѣсками. 9) 6 продолговатыхъ пластинокъ. 10) 257 штукъ трубочекъ съ рубчиками. 11) 130 штукъ (къ нимъ-же) предметовъ въ видѣ чечевичнаго зерна съ дырочками. 12) 192 круглые пластинки, величиною въдвѣ копейки, съ изображеніемъ лица. 13) 96 пластинокъ подобныхъ предыдущимъ по виду, но меньшихъ по величинѣ. 14) 76 штукъ шляпочекъ съ ушками внутри. 15) 19 кусковъ обручиковъ изъ чернаго металла. 16) 270 треугольныхъ пластинокъ съ дырочками. 17) 30 шт. предметовъ въ видѣ пуговицы съ двумя дырочками. 18) Круглая пластинка въ $3\frac{1}{2}$ вершка въ диаметрѣ.

Постановлено: просить Императорскую Археологическую Комиссію передать нѣкоторые изъ найденныхъ въ Дѣвомъ курганѣ предметовъ для музея Таврической Ученой Архивной Комиссіи, а въ виду дошедшихъ до свѣдѣнія членовъ Комиссіи фактovъ самовольнаго разграбленія кургановъ въ губерніи, напримѣръ вблизи дер. Курцовъ Симферопольскаго уѣзда, обратиться съ просьбой къ Г. Таврическому Губернатору сдѣлать зависящія распоряженія о принятіи полицейскими властями мѣръ къ предупрежденію подобныхъ самовольныхъ раскопокъ и расхищенія предметовъ древности.

IX. Были предложены въ члены Комиссіи: Правителемъ дѣль-завѣдующій административнымъ отдѣламъ Кабинета Его Величества *Анатолій Викторович Половцовъ*, членами Комиссіи: В. П. Ласковскимъ — *Сергій Аркадьевич Пликсинъ*, А. А. Смирновымъ — *Мустафа-мурза Кипчакский*.

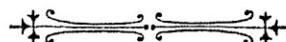
X. Поступили въ библіотеку Комиссіи слѣдующія книги:
1) Отъ Императорской Академіи Наукъ: а) т. VI, № 1 и 2 ея „Извѣстій“ за 1897 годъ; б) Памяти Е. Н. Бестужева-Рюмина. Рѣчь академика Л. Н. Майкова. Спб. 1897 г. 2) Отъ Императорского Московскаго Археологическаго Общества: а) Труды Московскаго Предварительного Комитета X Археологическаго съѣзда въ г. Ригѣ. Вып. II. 1896 г.; б) Материалы по археологии восточныхъ губерній Россіи, подъ ред. графини Уваровой. Вып. II, М. 1896 3) Отъ редакціи „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“: а) № 1 этого журнала за 1897 г. и б) оттиски статьи д-ра Аппельгрена: „Способъ чистки и сохраненія металлическихъ вещей“. Перев. съ нѣм. М. 1897 г. 4) Отъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь. Выпускъ 1-й его „Извѣстій“. 5) Отъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ

Казанскомъ университѣтѣ; т. XIV, вып. VI и т. XV вып. I "его „Извѣстій“, 1897 г. 6) Отъ Наукового товариства имени Шевченка во Львовѣ: т. XIV вып. VI и т. XV вып. I его „Записокъ“. 7) Отъ Уральскаго Областнаго Статистическаго Комитета: Памятная книжка и адресъ-календарь Уральской Области на 1897 г. 8) Отъ Московскаго Историческаго музея: Императорскій Россійскій Историческій музей Имени Императора Александра III. Описаніе памятниковъ. Вып. I. Русскія монеты до 1547 г. М. 1896. Составилъ А. Орѣшниковъ. 9) Отъ члена Коммиссіи *И. И. Дмитренко* его статья: Материалы для исторіи Кубанскаго казачьяго войска, собранные Е. Д. Фелицинымъ, помѣщ. въ Кубанскихъ Вѣдомостяхъ въ 1897 г. 10) Отъ члена Коммиссіи *П. Н. Короленка*: „Материалы по исторіи войска запорожскаго, извлеченные изъ дѣлъ Харьковскаго Историческаго Архива“. 1896.

Постановлено: благодарить за присылку означенныхъ книгъ и изданий.

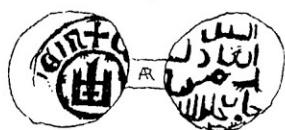
XI. Поступили слѣдующія пожертвованія для музея Коммиссіи
1) Отъ *A. И. Маркевича*: портреты Императора Александра II и Александра III. 2) Отъ *Вл. Ант. Рыбецкаго*: фотографический снимокъ развалинъ древне-греческой церкви близъ Керменчика Ялтинскаго уѣзда. 3) Отъ *F. Захватова*: серебряная татарская монета. 4) Отъ ученика гимназіи *Бравина* двѣ серебряныя и одна мѣдная монета греческихъ колоній.

Постановлено: благодарить за означенныя пожертвованія.

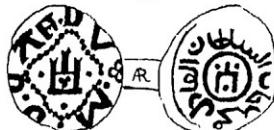

Mon. arg.

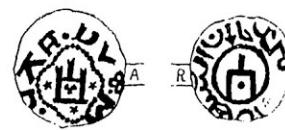
7.

2.

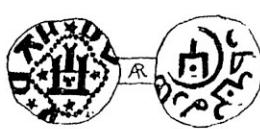
7.

11.

13.

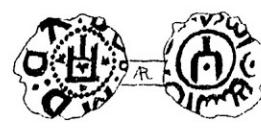
14.

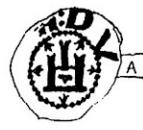
16.

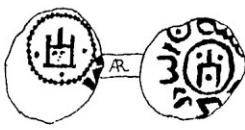
17.

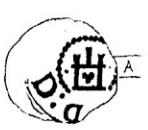
20.

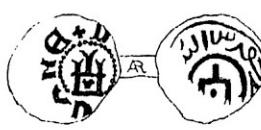
24.

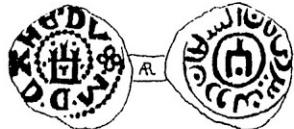
25.

26.

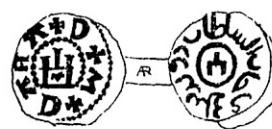
27.

28.

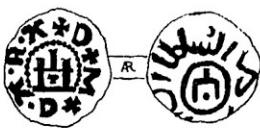
31.

34.

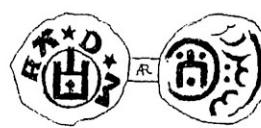
36.

37.

38.

39.

40.

41.

43.

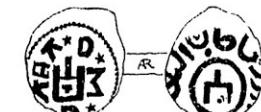
44.

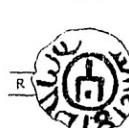
45.

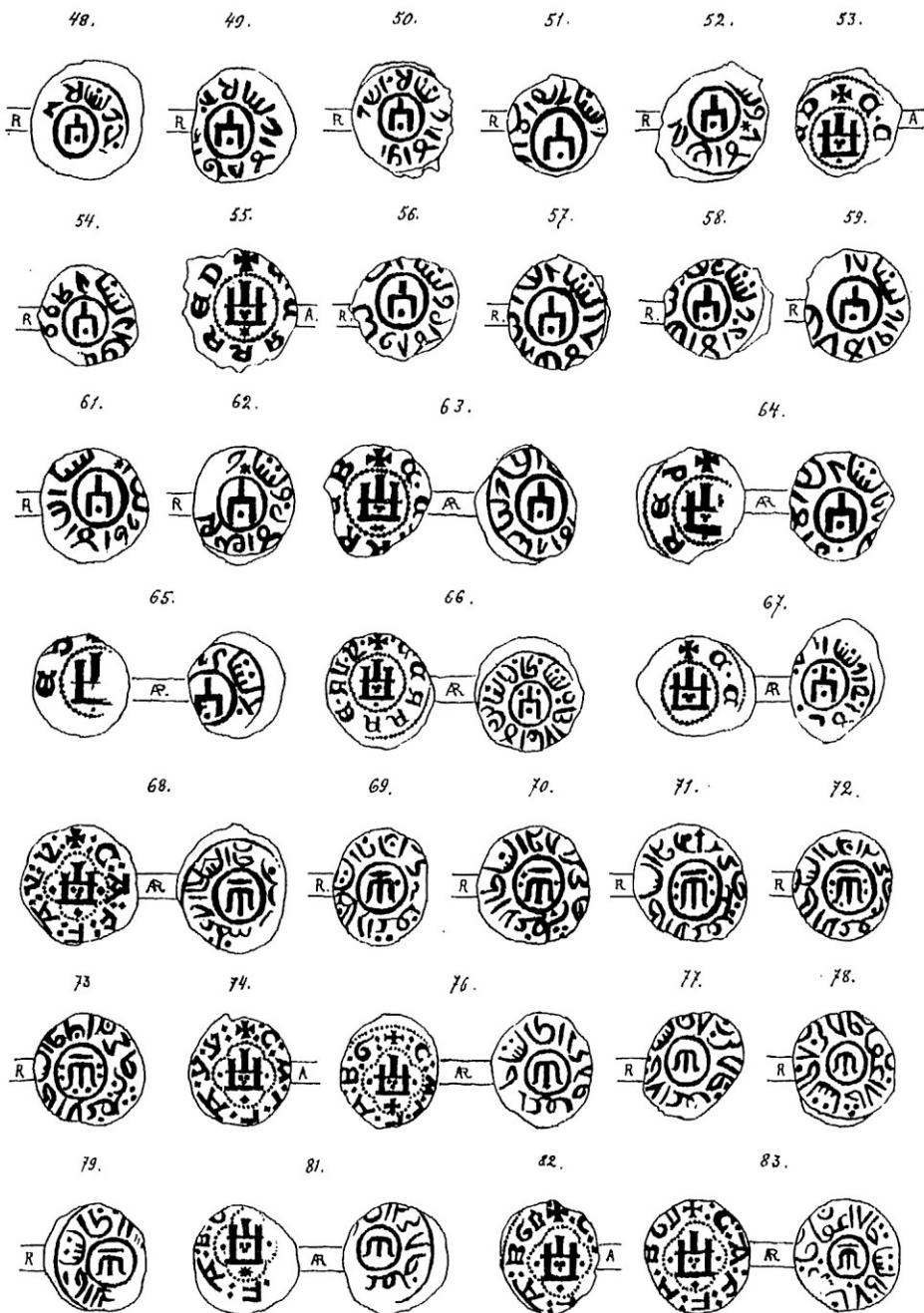

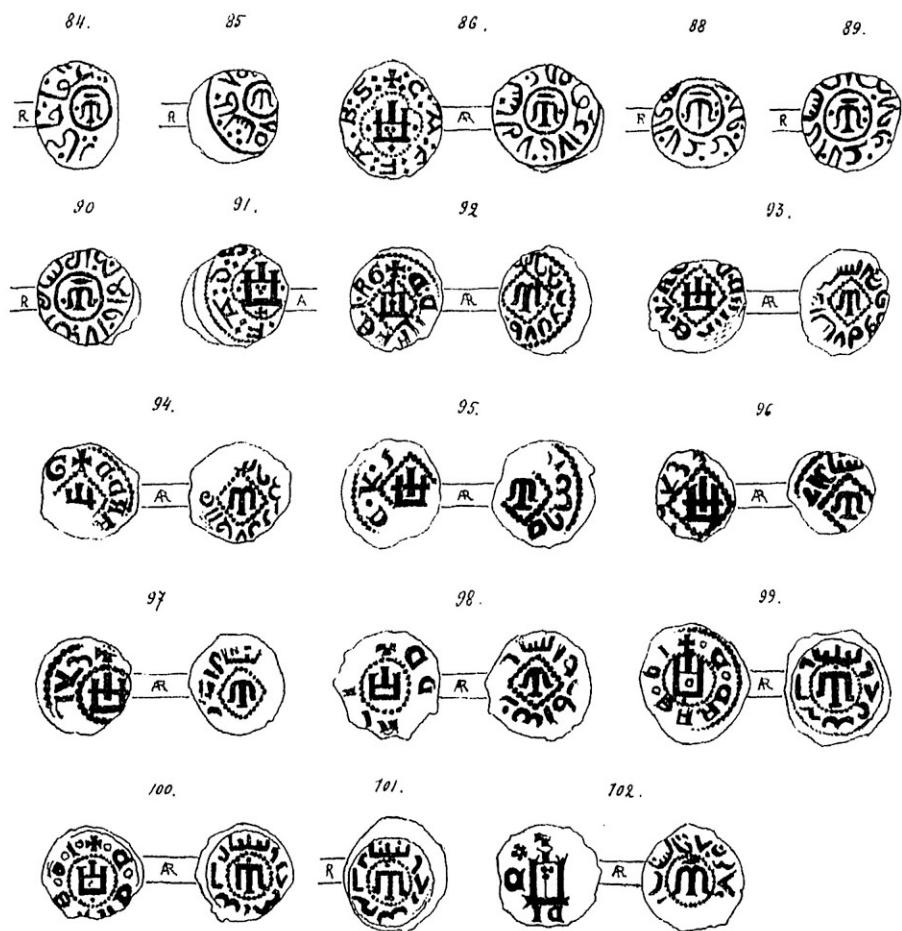
46.

47.

Mon. aer.

